

Уральское отделение Российской академии наук

ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА

№ 5 СПЕЦВЫПУСК 2016

Научно-популярный журнал
Основан в 2008 году
Выходит 4 раза в год
ISSN 1998-2097

Главный редактор

академик РАН *В.П. Матвеевко*

Редакционная коллегия

канд. экон. наук *А.Г. Андреев*

чл.-корр. РАН *А.А. Барях*

д-р истор. наук *А.М. Белавин*

чл.-корр. РАН *В.А. Демаков*

чл.-корр. РАН *И.Б. Ившина*

чл.-корр. РАН *А.А. Иноземцев*

д-р техн. наук *В.В. Маланин*

д-р техн. наук *В.Ю. Петров*

д-р экон. наук *А.Н. Пыткин*

д-р физ.-мат. наук *Ю.Л. Райхер*

д-р физ.-мат. наук *А.А. Роговой*

д-р техн. наук *В.Н. Стрельников*

чл.-корр. РАН *М.И. Соколовский*

д-р физ.-мат. наук *А.А. Ташкинов*

Ответственный секретарь

канд. техн. наук *В.П. Приходченко*

Адрес редакции журнала:

614900, г. Пермь, ул. Ленина, 13А

тел.: (342) 212-43-75

e-mail: vestnik@permnc.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СПЕЦВЫПУСК 5/2016

ФАКТОР КРЫМА И ИДЕНТИЧНОСТЬ

Баранов А.В.

Трансформации региональной, этнических и конфессиональных идентичностей крымчан в контексте воссоединения Крыма и России..... 4

Капицын В.М.

«Младороссийская» идентичность: Крым, 2014–2016 годы..... 11

Подвицнев О.Б.

Постсоветская «война памятников» в Крыму:
до и после присоединения к России..... 18

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ УРАЛА

Михалева А.В.

Этноконфессиональная идентичность коми-пермяков Пермского края 26

Назукина М.В.

Политика идентичности в Пермской области
(1990-е – начало 2000-х гг.)..... 38

Петрова Р.И.

Локальный уровень в системе территориальных
идентичностей городов Урала..... 46

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ: ДИСКУРСЫ И ПРАКТИКИ

Ширинкин Д.А.

Региональная идентичность как ресурс предвыборной борьбы
(на примере выборов губернаторов 2012–2015 гг.)..... 53

Бедерсон В.Д.

Герои-«первооткрыватели» в идентичности регионов Дальнего Востока:
доминирование дискурса унификации 62

Плеханов А.А.

Историческая политика в государственном дискурсе Украины
в постсоветский период..... 68

Токарев А.С.

«Бессмертный полк» – символический анализ..... 77

Рязанова С.В.

Политический миф как явление: вчера, сегодня и всегда..... 86

Ефремова В.Н.

Государственная политика в области праздников в России:
пересмотр оснований идентичности? 93

На обложке – вид с Белой горы

ФАКТОР КРЫМА И ИДЕНТИЧНОСТЬ

ТРАНСФОРМАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ, ЭТНИЧЕСКИХ И КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ КРЫМЧАН В КОНТЕКСТЕ ВОССОЕДИНЕНИЯ КРЫМА И РОССИИ

А.В. Баранов,
Кубанский государственный
университет

В статье определены тенденции трансформаций региональной, этнических и конфессиональных идентичностей крымского сообщества, основных этнических и конфессиональных групп Крыма в период воссоединения с Россией (2014 – весна 2016 гг.). Тема исследована на основе конструктивистской парадигмы этничности. Эмпирическую основу статьи составили итоги переписей населения, региональных и муниципальных выборов, анкетных опросов. Региональное сообщество Крыма является многосоставным, с отчетливой сегментацией на русское, украинское и крымско-татарское сообщества. Русская этническая идентичность крымчан своеобразна, но интегрирована в «большую» русскую идентичность и российскую гражданскую идентичность, служит их смысловым ядром. Наиболее слабы в Крыму проявления украинской идентичности. Межгрупповые дистанции асимметричны: наибольшую близость проявляют русское и украинское сообщества, наименьшую – русское и крымско-татарское сообщества. Внутрорегиональные конфликты идентичности наиболее вероятны по линии «славяне – татары». Радикальный ислам либо этноцентристские проекты могут нарушить конструктивный баланс идентичностей. Предложены меры стратегии реинтеграции Крыма и России на основе принципов укрепления гражданской идентичности, равноправного диалога этнических и конфессиональных сообществ. Рекомендована интеграция этнических и конфессиональных групп Крыма в российское общество, создание механизмов согласования и представительства политических интересов.

Ключевые слова: *идентичность, региональная идентичность, этнические идентичности, конфессиональные идентичности, трансформации, Крым, Россия, воссоединение.*

Актуальность темы в том, что в условиях воссоединения Крыма и России этноконфессиональные и политические процессы на полуострове конфликтны. Риски

дестабилизации сосредоточены в сфере конструирования идентичности. Поэтому важно определить тенденции трансформаций региональной, этнических и конфес-

сиональных идентичностей крымского сообщества, его народов и конфессий.

Степень разработанности темы такова. Состояние баланса идентичностей в Крыму до воссоединения с Россией раскрыли А.С. Филатов [10], В.А. Чигрин и др. [12], коллектив Центра экономических и политических исследований им. А. Разумкова [17, с. 27–39], Э.С. Муратова [6], Д.В. Соновский [9]. Наиболее основательна монография Н.В. Киселёвой, А.В. Мальгина, В.П. Петрова и А.А. Форманчука [4]. Этнополитические процессы охарактеризованы Т.А. Сенюшкиной [8] и Д.В. Маковской [5]. Политизация религии и проявления конфессиональных конфликтов оцениваются Л.Н. Гарас [2]. Политико-региональный и этноконфессиональный аспекты реинтеграции Крыма в российское общество изучены А.В. Барановым [15]. Но системное исследование темы с 2014 по весну 2016 гг. еще не проводилось.

Цель статьи – определить тенденции трансформаций региональной, этнических и конфессиональных идентичностей крымского сообщества, основных этнических и конфессиональных групп Крыма в период воссоединения с Россией (2014 – весна 2016 гг.).

Тема исследована на основе конструктивистской парадигмы идентичности.

Эмпирическую основу статьи составили итоги переписей населения, региональных и муниципальных выборов в Республике Крым и г. Севастополе, анкетных опросов.

В Крыму сложилось сообщество, этнические и конфессиональные сегменты которого четко выражены, а этнические и религиозные маркеры идентичностей во многом совпадают. Это делает регион многосоставным сообществом. По переписи 5 декабря 2001 г., русские составляли 60,2% населения Автономной Республики Крым (АРК) и г. Севастополя, украинцы – 23,9%, крымские татары – 10,2% [13]. По опросу Украинского Центра экономических и политических исследований им. А. Разумкова (2008 г.), 97,8% крымских татар считали себя мусульма-

нами, а 85,1% украинцев и 84,9% русских – православными [16]. Опрос, проведенный тем же центром в 2011 г. (выборка 2020 чел.), установил: 78,9% всех респондентов считали себя православными, 8,8% – мусульманами. По 5,2% назвали себя «просто христианами» или не отнесли ни к одному исповеданию [17, с. 32]. Опрос доказал асимметрию межэтнических отношений по шкале социальной дистанции Богардуса [17, с. 27–39]. Самый низкий уровень дистанции относительно крымских русских – 1,91 балл. По нарастающей – крымских украинцев (2,11), жителей Юга и Востока Украины – 2,89, граждан РФ – 3,11, жителей Центра Украины – 3,12. Наиболее высок уровень дистанции в отношении крымских татар – 3,97 балла, жителей Запада Украины – 4,54, турок – 5,60 и цыган – 6,02 балла. Уровень дистанции между русскими и татарами (4,22 балла) мало отличался от такового между украинцами и татарами (4,1 балла) [17, с. 29].

Центр этносоциальных исследований в 2008–2010 гг. провел опрос жителей г. Симферополя и пригородов, выборка 400 человек представительна для всего полуострова. Погрешность выборки – 4,8%. На русском языке разговаривали дома 86,1% крымчан всех этнических групп, на работе – 91,1%, с друзьями – 85,0%. Отдавали предпочтение СМИ на русском языке 83,1%, желали обучать членов семьи – 80,0% [11]. Этнокультурный фактор ориентаций характерен в Крыму для 44% украинцев, 65–66% крымских татар и 77–78% русских. При ответе на вопрос: «С какой социальной группой Вы себя хотели бы идентифицировать?» разделявших пророссийские идентификации – 50,5% («крымчане», «русские», «советский народ», «россияне»). К носителям украинской идентичности можно отнести 24,7% респондентов («граждане Украины», «украинцы»). Для русских и украинцев идентичность, прежде всего, – государственная (32% и 28% ответов), а для крымских татар – этническая (около 80%). На вопрос: «Каким Вы

хотели бы видеть статус Крыма?» ответили: республикой России – 37%; независимой республикой в союзе с Россией, Беларуссией и Украиной – 10,5%; автономной республикой Украины – 32,1%; областью Украины 8,3%; крымско-татарской автономией – 4,8%; самостоятельным крымско-татарским государством – 4,3%; вилайетом Турции – 0,5%. Более 60% русских крымчан поддерживали воссоединение с Российской Федерацией [11].

В регионе сложилась сложносоставная идентичность. Ее разделяют не только этнические русские, но и многие украинцы, белорусы, евреи, греки и др. Для них русские исторические символы и язык общения более привлекательны, чем навязывавшаяся украинская идентичность. Русские выступают системообразующим этнокультурным сегментом регионального сообщества. В Крыму русское самосознание является основой крымской региональной идентичности, смысловым «ядром» конструирования российской гражданской идентичности на полуострове.

Но в 12 муниципальных образованиях Республики Крым из 25 идет смена социокультурного преобладания народов и конфессий, славянские народы уступают по демографическому приросту крымским татарам, 2/3 конфликтов – этноконфессиональные. Ареал конфликтов расположен в степных и предгорных районах и малых городах (Алушта, Судак, Саки), где процент крымско-татарского населения составляет от 20 до 35% [14].

В условиях кризиса на Украинеистики характеризуют рост регионализма и пророссийских настроений. Так, в январе 2014 г. Крымская республиканская организация Союза молодых политологов Украины провела опрос в г. Симферополе. 72,2% респондентов назвали себя патриотами Крыма [1].

Референдум 16 марта 2014 г. принес поддержку воссоединения с Россией 96,77% принявших участие при явке 83,1%. Ни в одном из 25 районов явка не опускалась ниже 58% [7]. Весомы территориальные различия поддержки воссо-

единения в зависимости от удельного веса крымских татар. Сниженная явка отмечена только в местностях с высоким удельным весом татар – Белогорском и Бахчисарайском районах, г. Судак [7].

В октябре 2014 г. состоялась перепись населения Крыма. По сообщению Федеральной службы статистики, в Крымском федеральном округе проживают 2284,8 тыс. чел., 96,2% указали свою этничность [3]. Русские составляют 67,9% населения Республики Крым (РК) и г. Севастополя, указавших национальность, украинцы – 15,7%, крымские татары – 10,6%. Еще 2,05% жителей назвали себя татарами, что на порядок выше уровня 2001 г. Не указали этничность 3,8% крымчан, что в 8 раз больше, чем при переписи 2001 г. В условиях конфликта многие украинцы и белорусы добровольно признали себя русскими. Назвали русский язык родным 84% жителей Крымского федерального округа – больше, чем в 2001 г. (79,1%). Считают русский язык родным 79,7% украинцев в Крыму и 5,6% крымских татар, что подтверждает асимметрию этнических дистанций [3].

Важные сведения о межэтнических отношениях дал массовый опрос, проведенный ООО «Бизнес-сотрудничество-Юг» способом интервью 14–31 марта 2015 г. Пропорциональная выборка составила 1600 человек во всех муниципальных образованиях Республики Крым (погрешность не более 3,5%). Этнический состав респондентов близок к пропорциям состава населения [4, с. 292–297, 305–331]. Оценка состояния межнациональных отношений в Крыму более позитивна среди болгар, армян, греков и русских, а более негативна – среди крымских татар и украинцев (табл. 1).

Респондентам задан вопрос: «Как Вы оцениваете изменения, происшедшие за последний год в Крыму?». Раздельно давалась оценка изменениям важнейших аспектов. В среднем по всей выборке респонденты оценили межнациональные отношения наиболее тревожно. Сочли, что улучшилась политическая ситуация

Таблица 1

Оценка состояния межнациональных отношений в ответах респондентов различной этнической принадлежности (в %) [4, с. 293, 321]

Вариант ответа	Русские	Украинцы	Крымские татары	Армяне	Болгары	Греки	Немцы	Вся выборка
В целом нормальное	66,5	58,4	47,2	77,3	85,7	72,7	50,0	62,8
Скорее нормальное, чем напряженное	19,1	17,9	21,9	18,2	14,3	18,2	33,3	19,4
Скорее напряженное, чем нормальное	6,8	13,1	13,5	0,0	0,0	9,1	16,7	8,8
В целом напряженное	5,7	9,5	15,7	0,0	0,0	0,0	0,0	7,3
Другое	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1
Затруднились ответить	1,8	1,1	1,7	4,5	0,0	0,0	0,0	1,6

59,6% всех опрошенных; что улучшилось материальное положение семьи – 41,5%; что улучшилось социально-экономическое состояние Крыма – 38,2%; что улучшились межнациональные отношения –

только 34,9% [4, с. 321].

Респонденты различных этнических групп имеют контрастные мнения об источниках межнациональной напряженности в регионе (табл. 2). Русские считают

Таблица 2

Источники межнациональной напряженности в Крыму в зависимости от этнической принадлежности респондентов (в %) [4, с. 322]

Вариант ответа	Русские	Украинцы	Крымские татары	Армяне	Болгары	Греки	Немцы	Вся выборка
Социально-экономические проблемы	20,6	22,3	36,5	22,7	57,1	27,3	50,0	23,1
Действия органов власти Республики Крым	3,5	9,1	17,4	0,0	0,0	0,0	0,0	6,1
Действия органов местной власти	8,5	9,5	18,5	22,7	14,3	9,1	33,3	10,1
Правовая безнаказанность отдельных этнических организаций	17,8	19,0	13,5	27,3	14,3	0,0	16,7	17,5
Провокационное поведение представителей отдельных национальностей	43,0	35,0	25,8	31,8	14,3	90,9	16,7	39,8
Необоснованные претензии на льготы и привилегии представителей отдельных национальностей	12,0	15,0	3,9	22,7	0,0	27,3	16,7	11,9
Другое	5,4	5,1	4,5	18,2	28,6	0,0	0,0	5,6
Затруднились ответить	15,8	18,2	36,5	4,5	0,0	9,1	0,0	15,6

источниками напряженности «провокационное поведение представителей отдельных национальностей» (43,0%), социально-экономические проблемы (20,6%), «правовую безнаказанность отдельных этнических организаций» (17,8%). Мнения опрошенных украинцев имеют ту же иерархию, что и у русских, отличаясь только более критической оценкой действий органов власти РК (9,1% против 3,5% русских) и органов местной власти (9,5% против 8,5%). Представления крымских татар об источниках межнациональной напряженности иные. Основным источником считаются социально-экономические проблемы (36,5% ответов). Второе место отведено «провокационному поведению представителей отдельных национальностей» (25,8%). На третьем месте «действия органов местной власти» (18,5%), на четвертом – «действия органов власти Республики Крым» (17,4%). 36,5% опрошенных крымских татар (вдвое большая доля, чем среди опрошенных русских и украинцев) затруднились определить источники напряженности [4, с. 322].

В целом по выборке при ответе на вопрос: «Между какими этническими группами Крыма, на ваш взгляд, межнациональная напряженность наиболее выражена?» преобладает позитивное мнение: «нет таких групп» (37,6%). Но на втором месте – мнение, что наиболее выражена напряженность между русскими и крымскими татарами (30,3%); на третьем – мнение о напряженности между русскими и украинцами (17,6%) [4, с. 323]. Этникогрупповые представления о конфликтных линиях в регионе выражены отчетливо и мало изменились за год воссоединения.

Важны суждения респондентов об ущемлении их прав (табл. 3). Наиболее склонны признавать факты дискриминации по этническому признаку армяне (18,2% ответов) и крымские татары (12,9%) по сравнению с 3,2% русских, 9,1% греков и 9,5% украинцев. Ситуации ущемления прав, по мнению респондентов, возникают чаще всего в области трудовых отношений, при бытовом общении, обращениях в органы региональной и местной власти, получении медицинской помощи.

Лишь 12,3% респондентов считает возможным развитие межнациональных конфликтов в Крыму в ближайшее время. Уровень такого мнения по этническим группам различается немного (14,6% крымских татар, 14,2% украинцев и 11,4% русских) [4, с. 324].

Сделаем выводы. Региональное сообщество Крыма является многосоставным, с сегментацией на русское, украинское и крымско-татарское сообщества. Русская этническая идентичность крымчан своеобразна, но интегрирована в «большую» русскую и гражданскую российскую идентичности. Наиболее слабы проявления украинской идентичности. Внутрорегиональные конфликты наиболее вероятны по линии «славяне – татары». Радикальный ислам либо этноцентристские проекты могут нарушить конструктивный баланс идентичностей.

Необходима стратегия реинтеграции Крыма и России на основе распространения гражданской идентичности, равноправного диалога этнических и конфессиональных сообществ. Залог ее прочности – прочная интеграция этнических и

Таблица 3

Мнение респондентов разных этнических групп об ущемлении их прав по сравнению с представителями других национальностей (в %) [4, с. 323]

Вариант ответа	Русские	Украинцы	Крымские татары	Армяне	Болгары	Греки	Немцы	Вся выборка
Да	3,2	9,5	12,9	18,2	0,0	9,1	0,0	5,5
Скорее да, чем нет	2,2	2,9	15,7	0,0	0,0	9,1	0,0	3,9
Скорее нет, чем да	4,0	6,2	13,5	22,7	28,6	27,3	16,7	6,0
Нет	87,7	80,3	55,7	54,6	71,4	54,5	83,3	82,1
Затруднились ответить	2,9	1,1	2,2	4,5	0,0	0,0	0,0	2,5

конфессиональных групп Крыма в российское общество, создание механизмов согласования и представительства политических интересов.

Библиографический список

1. Большинство крымчан недовольны фиктивностью автономии. URL: <http://www.freetavrida.org/?p=2656#more-2656> (дата обращения: 22.03.2014).
2. *Гарас Л.Н.* Религиозный фактор в социально-политических процессах: крымское измерение // Политическая экспертиза. – 2014. – Т. 10, № 2. – С. 199–214.
3. Итоги переписи населения в Республике Крым. URL: http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/resources/1f72198049859f4b9205f22d12c3261e/pub-04-01.pdf (дата обращения: 16.11.2015).
4. *Киселёва Н.В., Мальгин А.В., Петров В.П., Форманчук А.А.* Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения. – Симферополь, 2015.
5. *Маковская Д.В.* Этническое неравенство как фактор этнополитической конфликтности: крымский опыт // Политическая экспертиза. – 2014. – Т. 10, № 2. – С. 215–230.
6. *Муратова Э.С.* Крымские мусульмане: взгляд изнутри (результаты социологического исследования). – Симферополь, 2009.
7. Референдум о государственном статусе Крыма и Севастополя 16 марта 2014 г. URL: <http://krumology.info/index.php/%D0%A0%D0%B5/> (дата обращения: 02.04.2014).
8. *Сенюшкина Т.А.* Воссоединение Крыма с Россией как этнополитический процесс // Политическая экспертиза. Политэкс. – СПб., 2015. – Т. 11, № 4. – С. 75–91.
9. *Сосновский Д.В.* Процессы формирования региональной идентичности в Крыму в контексте поляризации украинского общества (1991–2014): дис. ... канд. полит. наук. – М., 2014.
10. *Филатов А.С.* Крым: этнокультурные ориентиры и политические установки. Крымский ирредентизм и украинский сепаратизм // Вопросы развития Крыма. – Симферополь, 2012. – С. 184–194.
11. *Филатов А.С.* Русский Крым: внешние угрозы и внутренние вызовы. URL: <http://www.russkie.org/index.php?module=fullitem&id=24007> (дата обращения: 23.12.2011).
12. *Чигрин В.А., Городецкая Е.Г., Губенко В.В.* Электоральное поле Крыма в 1998–2012 гг. (штрихи социологического портрета) // Крым и Донбасс: год после государственного переворота на Украине. – М.; Ростов н/Д, 2015. – С. 171–184.
13. Численность и состав населения Украины по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 г. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/> (дата обращения: 23.12.2011).
14. *Яковлев А.Н.* Особенности локализации социокультурной конфликтности в Крыму (2011–2012 гг.) // Этнокультурные и межконфессиональные отношения в Крыму. – Симферополь, 2013. Вып. 3. С. 43–50.
15. *Baranov A.V.* The Origins of the Crimean Crisis: Political Communication and Ethnopolitical Conflict in Crimea Until February 2014 // Political Communication in Times of Crisis / ed. by Ó.G. Luengo. – Berlin, 2016. – P. 285–296; *Баранов А.В.* Региональные политические конфликты на Северо-Западном Кавказе и в Крыму: сравнительный анализ. – Краснодар, 2015.
16. Кримський соціум: лінії поділу та перспективи консолідації (Аналітична доповідь Центру Разумкова) // Національна безпека і оборона. – Київ, 2009. – № 5 (109). – С. 4.
17. Ставлення жителів Криму до імовірних загроз та до питань, які мають значний конфліктний потенціал // Національна безпека і оборона. – Київ, 2011. – № 4-5 (122-123).

TRANSFORMATIONS OF REGIONAL, ETHNIC AND CONFESSIONAL IDENTITIES OF CRIMEANS IN THE CONTEXT OF THE REUNIFICATION OF CRIMEA WITH RUSSIA

A.V. Baranov

Kuban State University

The article determines the trends of transformations of regional, ethnic and confessional identities of the Crimean community, the main ethnic and confessional groups of Crimea during the reunification with Russia (2014 – spring 2016). The topic was studied on the basis of the constructivist paradigm of ethnicity. The empirical basis of this article was composed from the results of the population censuses, regional and municipal elections and questionnaires. The regional community of Crimea is multicultural, with a clear segmentation in the Russian, Ukrainian and Crimean Tatar communities. Russian ethnic identity of Crimeans is unique, but it is integrated into

the «big» Russian one and Russian civil identity, it is their semantic core. The manifestation of Ukrainian identity in Crimea is the weakest one. Intergroup distances are asymmetric: the closest proximity is demonstrated by the Russian and Ukrainian communities, the least proximity is the Russian and Crimean Tatar ones. Intra-regional identity conflicts are most likely to occur along the line of «Slavs – Tartars». Radical Islam or ethnocentric projects may disrupt the constructive balance of identities. There are some strategic measures suggested to reintegrate Crimea and Russia based on the principles of strengthening civil identity, an equal dialogue of the ethnic and confessional communities. Integration of the Crimean ethnic and confessional groups into Russian society is recommended along with the creation of mechanisms of coordination and representation of political interests.

Keywords: identity, regional identity, ethnic identities, confessional identities, transformations, Crimea, Russia, reunification.

Сведения об авторе

Баранов Андрей Владимирович, доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет (КубГУ), 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149; e-mail: baranovandrew@mail.ru

Материал поступил в редакцию 14.08.2016 г.

«МЛАДОРОССИЙСКАЯ» ИДЕНТИЧНОСТЬ: КРЫМ, 2014–2016 ГОДЫ

В.М. Капицын,
Московский
государственный
университет
им. М.В. Ломоносова

Автор рассматривает зависимости между различными процессами, повлиявшими на идентификацию жителей Крыма и их выбор (проведение референдума 2014 г. и воссоединение с Россией). Дано объяснение особенностей идентификации в восточно-европейских странах, России, Украине, Крыму на основе теорий национализма восточно-европейских государств. В подтверждение своих рассуждений и выводов автор приводит данные социологических исследований украинских и российских ученых. Особенность идентификации жителей Крыма в 2014 г. отражена термином «младороссийская идентичность».

Ключевые слова: национальная идентичность, «младороссийская» идентичность, Крым, Россия, Украина, идентификация, европейская идентичность.

В истории известны культурные и политические настроения (течения, движения), обретавшие атрибуцию «младо-»: младотурки (революция 1908 г.), младолатыши (культурное движение против германизации 1850–1880 гг.), младосербы (конец XIX в.), младохорваты (начало XX в.), младоказахи (1990-е гг.) и т.д. В истории отмечено и младоукраинское движение «національно свідомых» в Галиции (1890-е гг.), отделяющих себя от Австрии или России (позже от СССР) [5, 10]. Аналогичная атрибуция «младо-» может быть характерна для ряда других народов, решающих задачу культурного и политического самоопределения, национальной консолидации.

Динамизм постсоветского простран-

ва в 1991–2016 гг. отразился на тенденциях идентификационных процессов на Украине, в России и Восточной Европе, реализующих атрибуцию «младо-». Это усиливает интерес к региональной идентификации и оттеняет восприятие процессов на Украине. Выбор крымского общества при обострении политического кризиса на Украине 2013–2014 гг. повысил интерес исследователей к национальной и региональной идентификации.

Цель статьи – найти теоретические и политические объяснения трансформации крымской идентичности. Наиболее эффективные методы в исследовании идентичностей – конструктивизм и неонституционализм. Гипотеза исследования: изменения в украинском обществе привели к

проявлению региональной «младороссийской» идентичности Крыма, включающейся в общероссийскую (национальную) идентичность россиян и усиливающей гражданское участие в решении вопросов развития общества и государства.

Рассмотрим следующие переменные. С одной стороны, на идентификацию крымчан оказывала долговременное влияние общероссийская («материковая») идентификация. С другой стороны – воздействовала украинская национально-государственная идентификация. С третьей стороны – усиливалось влияние Турции на крымских татар; привнесение идей радикального ислама в крымское общество усиливало опасения подрыва как российской, так и украинской идентичности. Кроме того, все эти процессы коррелировались с такой переменной, как конкуренция региональной идентификации, привязанной к евразийскому и европейскому интеграционным процессам (Таможенный союз, ЕАЭС и ЕС). Так, исследования украинской социологической службы «Рейтинг» до событий на Майдане 2014 г. выявляли такую конкуренцию. Также Киевский международный институт социологии (КМИС) в своем исследовании в сентябре 2013 г. показал, что если бы тогда был проведен референдум, то 41% респондентов проголосовали бы за вступление Украины в ЕС, а 35% – за ее вступление в Таможенный союз. В южных регионах страны было другое соотношение (26% и 46% соответственно) [2].

Последняя переменная (конкуренция) для одних восточно-европейских государств характеризует только дополнительный контекст, а для Украины и других стран, включенных в Восточное партнерство, – среду непосредственной вовлеченности в идентификационные процессы, противопоставленные друг другу. Эта конкуренция интеграций и идентификаций была использована на Украине для подъема и легитимации радикального национализма с моноэтнической ориентацией, странной «синергии» радикальных националистических настроений и стремле-

ний к интеграции с ЕС. Национализм радикализировался под воздействием пропаганды интеграции с ЕС, чему активно способствовало руководство Польши, стран Балтии, Швеции, Германии – инициаторов Восточного партнерства. Все это подрывало общенациональную (государственную) идентичность Украины. Приход к власти радикальных националистов в Киеве в феврале 2014 г. привел к национальному расколу, усилил ирредентизм на Юге и Востоке.

Политические истоки идентификационного кризиса на Украине проявлялись в событиях начала XX в. и даже ранее, но более свежие «следы» оставили 90-е годы. Правда, тогда интеграционные предпочтения формирующихся постсоветских государств не проявлялись отчетливо в силу неопределенности их политической субъектности. Украинские элиты лавировали, откладывая выбор между евразийской интеграцией и ориентацией на Европу и НАТО. Новое государство Украина испытывало идентификационную «ломку», проявившуюся не только в исходе части русскоязычного населения, но и волнах ирредентизма в Крыму, особенно Севастополе. Сохранялось остаточное влияние советской идентичности, обретающей характер (про)российской. Тогда на всем постсоветском пространстве усиливались сепаратизм и ирредентизм (Южная Осетия, Абхазия, Аджария, Нагорный Карабах, Приднестровье, Гагаузия, Чечня, области в Северном и Восточном Казахстане). Не определилась до конца судьба Крыма и Севастополя, хотя там прошел не один референдум. Подобные противоречия на Украине усилились после расширения ЕС 2004 г. и политики Восточного партнерства, инициированной в 2008 г.

Теоретическое объяснение идентификации элит, а также разных слоев населения Украины можно найти, обращаясь к теории разных видов национализма [12, с. 325–326]. Интересны в этом срезе положения конструктивизма, а также критической геополитики, например о само-

идентификации народов на «лимитрофных» территориях. Национализм народов Восточной Европы описывается как «незавершенный», «недостаточно полный», «культурный» и т.п. Это объяснялось неразвитостью или отсутствием ряда институтов нации-государства. Для формирования «воображаемого сообщества», приобретающего государственные устои, необходимы институты-прототипы.

Во-первых, нация-государство опирается на институты, поддерживающие идентификацию «горизонтального» характера, закрепляющие и воспроизводящие достаточный набор территориальных, этноантропологических, духовно-культурных (исторических) и агентных (экономических) идентичностей. Эти идентичности с помощью индивидуального и коллективного участия вовлекаются в строительство национального государства и символически окрашивают общенациональную идентичность. Во-вторых, в значительной степени именно история успешного национального государства (или империи) с его памятью, пантеоном героев и «станом» врагов скрепляет эти частичные «горизонтальные» восприятия в «контейнере институтов» государства, определяющих общенациональную идентичность.

Набор таких институтов закрепил общенациональную идентификацию в государствах Западной Европы и служит образцом для государств Восточной Европы. Последние не имели стабильной истории государства. Венгерские социологи отметили, что национализм в Восточной Европе в отсутствие такого полного набора идентичностей, при «неуспешной» истории государства основывался на романтической фольклорной и литературной традиции (прежде всего поэтической). Ш. Пётефи, А. Мицкевич, Х. Ботев и И. Вазов, Т. Шевченко – имена поэтов служат символами возрождения восточно-европейских видов национализма. Такая традиция соединялась с ориентацией на «правильную» идентичность «успешных» европейских наций [12, с. 326–329].

Состоявшиеся национальные государства Франции, Испании, Италии, Британии, Германии в своей ориентации на Европу достаточно долгое время и довольно полно сохраняли «контейнеры институтов», поддерживающие общенациональные идентичности (до реализации геополитического проекта ЕС в 1992 г.). А виды национализма восточно-европейских государств являлись более неопределенными и множественными (контингентными), подвержены добровольной, но не подтвержденной народом мимикрии элит под «правильную» идентичность государств Западной Европы. Одновременно проявлялись негативные идентификации на отвержение имперской традиции (Австро-Венгрии, России, СССР). Милан Кундера назвал эти состояния «Восточно-Центрально-Европейский комплекс» [11, с. 170]. Это – социально-психологические состояния, обусловленные отсутствием устойчивых и долговременных географических и исторических ориентиров (лимитрофная идентификация). В то же время в России сильна идентификация с имперским влиянием, непохожим на европейское национальное государство.

Именно в ситуации выбора идентификации (конфликта идентификаций) между «интеграцией с «правильной Европой» и интеграцией с Россией (Таможенным союзом, ЕАЭС), оживляющей некоторые свои имперские и советские традиции, оказалась Украина в 1991–2014 гг. Государственный переворот февраля 2014 г. был оттенен символом Т. Шевченко, знаменами Бандеры, Шухевича, «Правого сектора». В то же время элита и часть населения ориентировались на «правильную» демократическую Европу.

Идентификация жителей Крыма была менее привержена подражанию воображаемым обществам с «правильным» западно-европейским национализмом. Большинство крымчан могло бы сохранять многовекторную идентификацию в условиях украинской государственности, если бы последняя не была подорвана государственным переворотом 2014 г.

Крымчане не формировали восточно-европейскую идентичность с ориентацией на «правильную» Западную Европу и отвержение влияния России, как это делали Польша, Венгрия, Румыния, а после Майдана 2004 г., и тем более 2014 г., также и киевская элита, и часть населения Украины. У крымчан после таких Майданов усиливалась (про)российская идентичность; они надеялись найти себя в ареале общероссийской (федеративной) идентичности России.

Если глубокий идентификационный кризис происходит в одном из исторически близких государств, где проживают разделенные народы, то это может, с одной стороны, усиливать там ирредентистскую идентичность на окраинах, с другой – способствует укреплению общенациональной идентичности в соседнем государстве (ФРГ – ГДР в 1989 г.; СССР – союзные республики в 1989–1992 гг.; Югославия – Босния и Герцеговина; Югославия (Сербия) – Хорватия в первой половине 1990-х гг.; Ирландия – Северная Ирландия в 2016 г.). Отчетливо это проявилось на Украине и в России в процессе самоопределения Крыма в 2014 г. Тогда на фоне ирредентизма на Украине среди россиян вырос авторитет В.В. Путина, усилились настроения в поддержку воссоединения Крыма с Россией, защиту населения Донбасса, одновременно укрепилось чувство гордости за Россию, что показали многие социологические опросы. Экономический и политический кризис, раскол национальной идентичности на Украине способствовали быстрому усилению российской идентичности в Крыму. Это изменение мы и характеризовали как «младороссийскую» региональную идентичность.

Как формировалась такая идентичность? До 2014 г. существовала составная идентификация крымчан, поддерживающих частичные идентичности: русскую (российскую), украинскую, крымско-татарскую. Исследование центра SOCIUM в Крыму (11–23 сентября 2008 г. N=1478) показало: 67% респондентов хотели бы

стать гражданами России; 29% – Украины; 1,5% – Турции. На вопрос о необходимости предоставления второго – российского – гражданства жителям Украины 78% респондентов в Крыму ответили положительно; 19% – отрицательно [8].

Такие идентификации до 2014 г. уживались вместе, хотя не без проблем, в составной общенациональной (государственной) идентичности нейтральной Украины, включающей в себя также другие частичные (региональные) идентичности. При этом в 2010 г. только 12% жителей Юга Украины идентифицировали себя через национальную принадлежность; 14% из них считали себя «советскими людьми» [7].

В опросах населения Украины ключевыми для характеристики идентичности регионов, элит и масс стали вопросы об отношении к России, вступлении Украины в НАТО, ассоциации Украины с ЕС. Для опросов по Крыму социологи также зондировали отношение к возможной автономии в составе России.

Ответы на эти вопросы показывали сложное переплетение взглядов и ожиданий элит и жителей разных регионов. На политическом уровне отношения Украина – Россия развивались особенно сложно, неравномерно, но все же по вопросу об отказе от сотрудничества с Россией элиты Украины в течение многих лет с 1991 г. не приходили к единству. При Л. Кучме осуществлялся многовекторный геополитический курс. Трудно шло подписание Договора 1997 г. о дружбе, сотрудничестве и партнерстве, тем не менее Россия в нем фактически признала Крым как часть Украины. Был антироссийский крен В. Ющенко (героизация Р. Шухевича и С. Бандеры) [1]. Это начал исправлять В. Янукович. Но при этом партии, активно ведущие антироссийскую риторику и при Януковиче, имели парламентский статус и контролировали примерно половину комитетов в Верховной Раде Украины, в том числе и те, которые серьезно влияли на формирование национальной идентичности [3, с. 154–155]. Силы,

выступающие за ассоциацию с ЕС, к 2013 г. значительно укрепились.

В «толще» повседневной жизни идентификационные процессы шли спокойнее, чем на партийном и парламентском уровнях. Но работа антироссийских партий и НПО по отчуждению сознания украинцев от совместной с Россией истории велась последовательно, в том числе на уровне школьных программ и СМИ. Начиная с Майдана 2004 г. усиливалось противопоставление Украины и России; росло влияние радикальных идей, господствующих в Галичине; обеспечивалось институциональное закрепление антироссийских настроений, как показывает анализ позиций церквей, СМИ, школьных учебников истории [3, с. 152–154].

Тем не менее если смотреть на результаты социологических опросов на Украине, то до 2014 г. нельзя сказать о резком изменении отношения граждан Украины к России. Об этом свидетельствуют ответы респондентов на Украине в целом и в Крыму на вопросы об отношении к России, а также о вступлении Украины в НАТО, ассоциации с ЕС. Проявлялся рост ориентаций жителей Украины на ассоциацию с ЕС (до половины и более населения Украины). Сложнее дело обстояло с отношением к вступлению в НАТО. Исследование в Крыму (центр SOCIUM, сентябрь 2008 г.) показало, что 89% крымских респондентов отрицательно отнеслись к возможному вступлению Украины в НАТО; 7,5% – положительно (опрос 11–23 сентября 2008 г. N=1478) [8]. В 2011 г. ориентация на вступление в НАТО по всей Украине находила только около 25% сторонников; «против» высказывалось 60%; на востоке и юге Украины против вступления в НАТО выступило 75% опрошенных и только 12% – «за» [4]. Более активно противники натовской ориентации выступали в Крыму, что подтверждали операция «АнтиНАТО» в Феодосии (июнь 2006 г.), пикеты против входа на рейд Севастополя кораблей НАТО. По этому вопросу прошел и Всекрымский народный референдум 16 декабря 2006 г.:

голосование проходило в палатках, на остановках, на рынках. Приняло участие 897 тыс. (58,21% от числа избирателей); 98% из них высказались «против» вступления Украины в НАТО [6]. О формировании «младороссийской» идентичности можно судить и по другим замерам динамики общественного мнения [9].

Политический кризис на Украине 2013–2014 гг. в значительной степени был порожден активизацией антироссийского потенциала идентичности Галичины, все более серьезно влиявшей на политическую оппозицию, что показал Майдан 2014 г. Однако крымчане, часть жителей юга и востока страны видели серьезную опасность в приходе на их землю идейных последователей С. Бандеры, что было подтверждено Корсунским погромом в ночь с 20 на 21 февраля 2014 г. Его устроили вооруженные активисты «Правого сектора» против крымчан, поддержавших В. Януковича и возвращавшихся из Киева на автобусах. Автобусы были сожжены, а несколько сотен людей подвергнуты избиениям и издевательствам. Уголовные дела по этому факту заведены не были. Крымчане и ранее осуждали преступления против законных властей в западных и центральных регионах страны, насилие против «Беркута» и милиции в Киеве, на Западной Украине. Но именно событие в Корсуне стало детонатором «крымского взрыва». По этим событиям снят фильм немецких документалистов «Корсунский погром» (Группа информации по преступлениям против личности – IGCP).

Угрозы националистов крымчане восприняли очень серьезно: создали отряды ополчения, готовились к эксцессам. Когда поезд с националистами из Галичины действительно прибыл в Феодосию, то жители (женщины и мужчины), вооруженные подручными средствами, заблокировали выход из вагонов на перрон. С другой стороны, у организующих сопротивление крымчан были ожидания, что в случае насилия против них на помощь придут военные с российской базы в Крыму. Это придавало жителям Крыма уверенность.

После воссоединения с Россией «младороссийская» идентичность в Крыму не ослабела. В 2015 г. немецкие службы, а в 2016 г. ВЦИОМ показали, что абсолютное большинство жителей вновь, как и два года назад, проголосовало бы на референдуме за вхождение в состав России. По данным ВЦИОМ, в Крыму так ответили 95% опрошенных, в Севастополе – 94%. По 2% респондентов и там, и там высказались «против». 97% и 98% соответственно отметили, что Президент России работает «хорошо» или «очень хорошо». Большинство жителей региона (76%) «довольны положением дел». «Недовольны» – 17%. Положительные изменения в республике отметили 72% жителей региона. Опрос проведен 30.06–4.07.2016 г. Телефонные интервью по случайной выборке охватили в Республике Крым и Севастополе по 1 000 респондентов в возрасте 18 лет и старше [10].

Население Крыма, обретшее в своем большинстве российское гражданство, переживало настроения, обозначенные нами не только как «национальный», но и как «гражданский» патриотизм. Национальный аспект атрибуции «младо-» проявляется как подъем настроений, направленных на «воссоединение» с «большой Родиной» и сопротивление антироссийской и пронаатовской политике власти Украины.

Важно и сохранение гражданского аспекта атрибуции «младороссийская» идентичность. Выраженность гражданской идентификации у крымчан опережает ту, что преобладает в «материковой» России относительно участия в общественной жизни. «Дух» марта 2014 г. может проявляться в акциях протеста против не-

законной приватизации земель и недвижимости, состояния дорог, социальных учреждений, водоснабжения. Например, в Алуште депутат местного совета в 2016 г. возглавил протест горожан против установки с нарушением законодательства торговых точек на набережной. Крымское гражданское общество, проявившее себя в марте 2014 г., не успокоилось в 2016 г. и способно, по крайней мере на локальном уровне, на протест против инертности властей, ошибок и злоупотреблений чиновников.

Идентифицируя себя в качестве части России и воспринимая эту идентичность как политическую ценность, крымчане способны идти дальше и последовательнее в своей общественной активности, чем их сограждане «на материке». В Крыму проявление местной активности, в том числе протест на городской и поселковой почве, подпитывается духом «младороссийской» идентичности. И вместе с тем, он означает продвижение «демократии корней травы», приобретающей политическую окраску.

Российская власть на всех уровнях вынуждена относиться внимательно к потребностям новых сограждан, ибо от этого зависит судьба трансформации «младороссийской» идентичности как наиболее лояльной к федеральной власти составляющей общероссийской идентичности. Трагедии Донецка и Луганска усиливают такую идентификацию крымчан. Как будет поддерживаться состояние «младороссийской» идентичности, зависит и от крымчан, и от всего российского общества, политики России, а также Украины и ЕС.

Библиографический список

1. *Бабенко В.Н.* Украина – Россия 1991–2010. Через противостояние к сотрудничеству? – М.: ИНИОН, 2010.
2. За вступление Украины в Евросоюз выступает 41% граждан, за Таможенный союз – 35%. [Электронный ресурс] URL: zn.ua/POLITICS/-35-130295_.html (дата обращения 13.12.2015).
3. *Капицын В.М.* Политизация этнических идентичностей в «гибридной войне» // «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / под ред. *П.А. Цыганкова.* – М.: МГУ, 2015. – С. 145–167.
4. *Корреспондент.net.* Сайт украинского еженедельного общественно-политического журнала. 24 мая 2011. URL: korrespondent.net/Ukraine/evets/1220620 (дата обращения 19.09.2015).
5. *Марчуков А.* Украинское национальное движение. УССР. 1920–1930-е годы. – М.: Центрполиграф, 2015.

6. Операция АНТИНАТО. Феодосийская модель. – М.: Европа, 2006.
7. Опрос: 76% украинцев считает себя патриотами.
URL: <http://korrespondent.net/ukraine/events/1139167> (дата обращения 3.07.2016).
8. Опрос: Крымчане против вступления в НАТО и за базирование Черноморского флота в Севастополе // Корреспондент.net 30 сентября 2008. URL: korrespondent.net/Ukraine/politics/600886 (дата обращения 18.09.2015).
9. Филиппов А.В. Крым выбрал Россию и не пожалел об этом. Общественное мнение в Крыму изменчиво, но сейчас выбор крымчан в пользу России // Lenta.ru. 13 февраля 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: lenta.ru/articles/2015/02/13/crimea/ (дата обращения 25.06.2015).
10. 98% жителей Крыма высоко оценивают работу президента России: опрос ВЦИОМ // ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/ratings/2156037.html> (дата обращения 12.07.2016).
11. *Anikó Imre*. Identity Games. Globalization and Transformation of Media Cultures in the new Europe. – L: MIT-Press, 2009.
12. *Csepeli György*. Competing Patterns of National Identity in Postcommunist Hungary // Media, Culture and Society. – 1991. – № 13. – P. 325–330.

«YOUNG-RUSSIAN» IDENTITY: CRIMEA 2014–2016

V.M. Kapitsyn

Lomonosov Moscow State University

The author considers the dependencies between different processes which influenced the identification of Crimeans and their choice (referendum 2014 and the reunification with Russia). An explanation of the peculiarities of the identification in Eastern European countries, Russia, Ukraine and in Crimea is provided on the basis of theories of nationalism in Eastern European states. The author provides sociological research data obtained by Ukrainian and Russian scientists to support his arguments and conclusions. The peculiarity of Crimeans' identification in 2014 is reflected with the help of the term «young Russian identity».

Keywords: national identity, «young Russian» identity, Crimea, Russia, Ukraine, identification, European identity.

Сведения об авторе

Капицын Владимир Михайлович, доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), 119991, г. Москва, Ломоносовский пр-т, 27, корп. 4; e-mail: kapizin@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 22.08.2016 г.

ПОСТСОВЕТСКАЯ «ВОЙНА ПАМЯТНИКОВ» В КРЫМУ: ДО И ПОСЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ

О.Б. Подвинцев,
Пермский научный центр
УрО РАН

Анализируется сложный символический потенциал многослойного исторического наследия Крыма и задействие (свержение или установление) монументальных символов в политической борьбе на полуострове в постсоветский период – до и после присоединения к России. Основная канва «войны памятников» в Крыму выглядит как противостояние более-менее консолидировавшихся носителей державных ценностей разного рода «националистам».

Ключевые слова: идентичность, символическая политика, империя, переселенческая территория, Новороссия.

В политике борьба за символы и борьба за реальные ценности часто тесно переплетаются между собой. Особенно это очевидно в периоды смены политических систем и пространственного реформирования государственных образований. Процесс крушения империи и последующего переустройства ее бывшего пространства является в данном отношении частным случаем.

В условиях острого кризиса прежней державной конструкции, происшедшего «обвала» имперских владений либо идущего полным ходом процесса «размывания» имперской системы для по-разному идеологически ориентированных и соответствующим образом идентифицирующих себя общественных групп характерным бывает повышенное, обостренно-болезненное отношение к символике. Про-

тивостоящие имперской системе силы заинтересованы в том, чтобы некими символическими актами обозначить и закрепить в общественном сознании каждый свой успех. Отстаивающие державное наследие стремятся не только защитить старые символы, но дополнить и упрочить их. По сути, в условиях распада империи борьба за имперские символы становится для этих сил частью борьбы за нее саму. Зачастую, терпя поражение на фронте основном – реальном, они с особым ожесточением продолжают удерживать оборону на втором – символическом фронте. Если же и здесь их преследуют неудачи, то воспринимаются они наиболее болезненно. Напротив, успехи в продвижении символов и достижении реальных политических результатов стимулируют параллельно развивающиеся процессы. Чем

большее число идентифицирующих традиций проявляет себя в том или ином постимперском социуме и чем больше перипетий, а тем более крутых поворотов несет с собой его новая история, тем, вероятно, насыщенней и острее становится в нем борьба за идентифицирующие символы, проявлением которой, наряду с политикой переименований, изменением государственных атрибутов и ритуалов, становится установка или снос разного рода монументов.

Крым – одна из наиболее специфичных и сложных по истории своего формирования, а значит, и по своему характеру постимперских территорий. На территории Крыма, прежде всего на его южном берегу располагался один из достаточно древних очагов человеческой цивилизации. В советский период история античных городов Северного Причерноморья, в первую очередь Крыма, преподавалась в школах и вузах в рамках темы «Первые государственные образования на территории СССР (наряду с историей царства Урарту и древнего Хорезма). В эпоху Великого переселения народов Крым стал одной из «укромных территорий» их оседания (включая готов и аланов), что разнообразило этнический состав населения и последующие исторические традиции. Насыщенным событиями был и средневековый период в истории рассматриваемой территории. Сложный исторический этногосударственный ландшафт Крыма хорошо иллюстрирует ситуация XV века, когда южное и восточное побережья полуострова входили в число владений Генуэзской империи, в степных районах сформировалось Крымское ханство, а между ними, в горах, было расположено «послевизантийское» княжество Феодоро, при этом во всех трех государственных образованиях население было крайне неоднородным, а зачастую и уникальным по сочетанию своего происхождения, языка, вероисповедания. Последующий раздел полуострова на владения, непосредственно входившие в состав Османской империи и оставшиеся под властью

менявшего свой статус по отношению к Порте Крымского ханства, принципиально ситуацию не упростили.

Однако в дальнейшем веками сложившаяся и развивавшаяся в Крыму система социумов дважды практически подвергалась обнулению – первый раз в конце XVIII столетия, а затем в середине XX. Ликвидации Крымского ханства и присоединению полуострова к Российской империи предшествовал вывод из Крыма в целях безопасности почти всех христиан (в значительной степени осуществленный под российским давлением). В июле–сентябре 1778 года полуостров покинули более 18 тысяч греков, 12,5 тысяч армян, несколько сотен валахов и грузин [10, с. 223]. Расселены они были на уже вошедших в состав России и активно осваиваемых территориях Новороссии. В частности, крымскими греками был основан город Мариуполь, а армянами – Нор-Нахичеван, вошедший затем в состав Ростова-на-Дону. Попыткам части выведенных христиан в дальнейшем вернуться в Крым российская власть долго препятствовала. В 1790-е гг., уже после присоединения Крыма к России, последовал и крупный отток с полуострова мусульманского населения (в частности крымских татар и ногайцев) – особенно с южного берега, на жителей которого распространялось Османское подданство [10, с. 238]. При этом Царское правительство стало активно привлекать в Крым новых колонистов, в том числе из европейских стран. На месте старых основывались новые города, степь приспособлялась для земледелия. Фактически Крым уже становился особой частью переселенческой по своему характеру Новороссии (как отдельной составляющей Российской имперской системы). Такое положение закрепились после начала развития на полуострове в конце XIX столетия курортной отрасли.

После событий, связанных с ликвидацией в Крыму последнего крупного оплота Белого движения, завершивших Гражданскую войну в Европейской части Рос-

сии, вопрос о предоставлении Крыму автономии в рамках РСФСР вызывал споры, но в октябре 1921 года была все же образована Автономная Крымская ССР (с 1929 года – Крымская АССР). Крымские татары были признаны «коренной национальностью» (наряду с малочисленными караимами) и по факту стали титульным этносом для автономной республики, чем дальше, тем больше оставаясь в ней в меньшинстве.

Новые изменения оказались связаны со Второй мировой войной. Ожесточенные бои на полуострове, эвакуация просоветски настроенного населения, репрессии оккупационных властей привели к тому, что к лету 1944 года население Крыма сократилось более чем в два раза [8, с. 84]. После же освобождения полуострова советскими войсками, по постановлениям Государственного комитета обороны от 11 мая и 2 июня 1944 года была осуществлена депортация из Крыма в Среднюю Азию всех крымских татар, армян, болгар, греков (большинство немцев и итальянцев были выселены из Крыма еще до оккупации). Полуостров вновь обезлюдел, его автономия была ликвидирована. Приток новых переселенцев – из Украины, с Дона, а также из ряда областей Центральной России – начался уже осенью того же года.

Таким образом, к моменту распада СССР Крым представлял собой, с одной стороны, территорию с богатым и разнообразным историческим и этноконфессиональным наследием и обусловленной им спецификой как внешнего, так и внутреннего восприятия, а с другой стороны – переселенческое владение, весьма «молодое» по возрасту формирования своего нового социума, даже по сравнению с соседними территориями Новороссии.

Будучи передан в 1954 году из состава РСФСР в состав УССР, Крым при распаде Советской империи оказался в составе нового украинского государства. Автономия полуострова была восстановлена, но, фактически, без увязки с особыми правами какой-либо этнической группы. Вся

же Новороссия оказалась разделенной между Россией, Украиной и Молдавией (Приднестровье). Ситуацию в Крыму осложнял в постимперский период и ряд других факторов. В частности, начавшееся возвращение на историческую родину крымско-татарского народа, а также наличие на полуострове важного оплота имперского наследия в лице Севастополя – «города русской славы» и основной базы советского, а потом российского Черноморского флота.

Неудивительно, что в период после распада СССР и до настоящего времени Крым стал ареной острых политических битв, связанных с переустройством постсоветского пространства, а потом оказался и в их эпицентре. Это находит свое выражение и в сфере символов. В частности, «война памятников» на полуострове существовала как до присоединения Крыма к России, так и впоследствии.

В отношении периода до 2014 года в первую очередь заметен конфликт между попытками навязать населению полуострова украинскую идентичность (пусть только государственную) и сопротивлением, по-видимому, большей части населения, имевшего пророссийскую и, обращенную в прошлое, просоветскую ориентации.

Так, в 2007 году в Севастополе назначенная президентом Ющенко городская государственная администрация Севастополя захотела установить на одной из центральных площадей города памятник гетману Петру Сагайдачному (имя которого носит флагман украинского Черноморского флота). В начале 2008 года Севастопольский городской совет в пику этому принял решение об установке на том же месте памятника Александру Пушкину [5].

В сентябре 2007 года в Симферополе по инициативе и на средства Коммунистической партии Украины был установлен памятник жертвам украинских националистов и «других коллаборационистов», получивший название «Выстрел в спину». Памятник со всей очевидностью

был обращен в современность, поскольку ни в военный, ни в послевоенный период практически никакого украинского националистического подполья и вооруженных отрядов в Крыму не было. На открытии памятника лидер коммунистов Крыма Леонид Грач (на церемонии присутствовал и лидер КПУ П. Симоненко), обосновывая установку данного памятника, заявил в Симферополе журналистам, что более 4 тысяч крымчан – граждан Советского Союза – были направлены на Западную Украину, чтобы оказать помощь и погибли там от рук пособников фашистов из ОУН-УПА [7]. Интересно, что на этой же площади с 1999 года стоит памятник генералу-диссиденту Петру Григоренко (легитимирован городскими властями только в 2004 году). На постаменте памятника на украинском и крымско-татарском (но не русском) языках надпись: «гуманисту и правозащитнику, верному другу крымско-татарского народа» – с учетом украинской идентичности, акцентированной после его смерти. Сложно найти более наглядный символ объединения двух националистических традиций в противостоянии имперскому наследию. Оба памятника расположены фактически симметрично по отношению друг к другу.

Однако пророссийская идентичность «переселенческого» социума в Крыму тоже отнюдь не однородна, как не является однородной и сплоченной общенациональная идентичность в самой России. Можно выделить, в частности, русский националистический и постсоветский компоненты. Они вполне могли вступать в конфронтацию между собой и, как следствие, находить союзников вне пророссийского лагеря. Причем в основе распада старых и формирования новых коалиций лежала та же борьба за символы. Ярким примером этого стали события весны 2010 года, когда один из лидеров «Русского Единства» Сергей Цеков, занимав-

ший пост вице-премьера крымского парламента, выступил с инициативой о сносе памятника Ленину в Симферополе и переименовании площади, названной в честь «вождя мирового пролетариата». Это вызвало резкую негативную реакцию местных коммунистов. Один из лидеров крымской организации компартии Украины Вячеслав Захаров заявил в местной прессе, что Цеков и его соратники стали «на путь поддержки фашистов». Руководитель крымской организации КПУ Леонид Грач 2 мая во время традиционной «партизанской маевки» – митинга, который проводится каждый год возле памятника крымским партизанам на Ангарском перевале, отказал в слове представителю координационного совета движения «Русское единство» Олегу Слюсаренко. Тот попытался произнести речь через собственный громкоговоритель, но присутствующие коммунисты заглушили его выступление скандированием: «Националист!» [3]. Напротив, националисты из крымской организации Украинской народной партии поддержали предложение «Русской общины Крыма». Они согласились с новым названием «площадь Республики», предложенным Цековым, правда, оговорили, что при этом должна подразумеваться Украинская народная республика, а не крымская автономная [11].

Позиция крымских татар по отношению к основателю советского государства при этом, напротив, была достаточно сдержанной. Еще весной 1966 года представители крымских татар, добивавшиеся тогда политической реабилитации своего народа, решили провести демонстрацию в форме возложения цветов к памятнику В.И. Ленину в центре Ташкента в день рождения вождя. Обосновано это было тем, что именно по инициативе Ленина и благодаря его настойчивости в свое время была создана Крымская АССР [11]*. Тем не менее в феврале 2014 года в рамках на-

* Сохранение памятника Ленину на центральной площади Минска после распада СССР экскурсоводы тоже объясняли тем, что именно первому советскому вождю Белоруссия обязана своей государственностью.

чавшегося на Украине «ленинопада» именно представители крымских татар выдвинули ультиматум городским властям Симферополя с требованием в течение десяти дней убрать памятник Ленину с площади и поместить его в музей [9] (последнее, на наш взгляд, также свидетельствует о более сдержанном, отличном от украинских националистов, отношении к Ленину как к символу). Мэр Симферополя Виктор Агеев в ответ на ультиматум поручил изучить общественное мнение по поводу возможного переноса. Но дальнейшие события на время сняли этот вопрос.

Более четкой и последовательной позиция крымских татар была по вопросу о восстановлении памятника Екатерине II. Закладной камень в центре Симферополя на месте нового предполагаемого памятника российской императрице, присоединившей Крым, был установлен в 2006 году. Против его возведения активно выступали крымские татары, представитель которых заявлял, что наличие такого монумента в Крыму оскорбительно для крымско-татарского народа. В 2007 году проходили акции протеста крымских татар против установки памятника [2].

После присоединения Крыма к России баталии вокруг памятников Ленину и Екатерине II в Симферополе возобновились. В октябре 2014 года за ликвидацию памятника Ленину, которому «не место в новом Крыму», высказались крымские монархисты, одновременно горячо поддерживавшие восстановление памятника императрице. Еще в июле того же года появилась информация, что мэр Симферополя Виктор Агеев был готов заказать новый памятник Екатерине II Зурабу Церетели, главному творцу произведений «имперского ренессанса» в Москве времен Юрия Лужкова [13]. Летом 2016 года восстановленный (все же без участия Церетели) памятник императрице был открыт в центре Симферополя.

В Феодосии после событий 2014 года было предложено перенести памятник герою Гражданской войны большевику

Ивану Назукину и восстановить некогда стоявший на этом месте памятник Александру III. Однако на заседании городского Общественного совета даже со стороны почитателей белого движения прозвучал тезис о том, что «никакие памятники убирать не нужно, нужно ставить новые» [6].

Таким образом, в Крыму после присоединения к России все же имела место определенная консолидация различных государственных традиций и соответствующих им систем символов. Проявлением этого может служить также открытие в Севастополе в июне 2015 года закладного камня на месте будущего памятника князю Григорию Потемкину-Таврическому. По словам местных чиновников, памятник должен быть сооружен на меценатские средства, инициатива сбора которых принадлежит КПРФ и лично Геннадию Зюганову. Сам лидер КПРФ заявил, что Потемкин является «виднейшим деятелем Российской Империи, чье имя было несправедливо забыто отечественной историей», и что его роль в общественно-политической жизни российского государства того времени «существенно преуменьшается» [4].

О некоем стремлении к «державной» консолидации говорит и установка памятников, носящих максимально абстрактный характер. Так, 23 февраля 2015 года у здания Совета министров Крыма в Симферополе установили закладной камень в основание будущего памятника «народному ополчению всех времен». В первую годовщину проведения референдума 2014 года также в Симферополе был установлен памятный знак с изображением крымского полуострова и надписью «Наш дом – Россия». Тем не менее историческое прошлое продолжает оставаться в Крыму полем раздора.

В начале марта 2016 года неизвестные испортили мемориальную доску, посвященную пребыванию Сталина в Крыму на Ялтинской конференции. Доску разрисовали красной краской, а рядом с ней на стене написали слово «палач». Мемори-

альная доска была установлена на здании Крымского республиканского комитета КИРФ за год до того, ее изготовили за счет средств местных коммунистов.

Неоднозначно можно интерпретировать даже такой акт, как появление упоминания на памятном знаке жертвам депортации в Керчи («Против жестокости и насилия») еще одной пострадавшей этнической группы – итальянцев. С одной стороны, это безусловное восстановление исторической справедливости. С другой стороны, следуя данной логике, оказывается странным, что неупомянутой остается значительно более многочисленная группа депортированных – немцы. В добавлении итальянцев к другим репрессированным народам можно усмотреть и попытку противостоять узурпации роли пострадавших крымскими татарами. Следует отметить, что изменения на данном памятном знаке были внесены после встречи с представителями итальянской общины в Керчи с Владимиром Путиным и Сильвио Берлускони.

Таким образом, внешне основная канва «войны памятников» в Крыму выглядит как противостояние более-менее консолидировавшихся носителей державных ценностей «националистам» – украинским, крымско-татарским и ... русским.

С этнической точки зрения большинство или, по крайней мере, значительную часть русскоговорящего населения Крыма трудно отнести к «русским» в полном смысле этого слова. Как уже было отмечено, даже в рамках переселенческой Новороссии Крым обладает спецификой, которая, с одной стороны, усиливает пророссийскую ориентацию, а с другой определяет высокую долю его своеобразия именно в составе России (кстати, сейчас Крым формально является единственным субъектом федерации в статусе «республики, в котором не обозначен автономный титульный этнос, точно так же Севастополь – единственный городской субъект РФ, не обладающий ни в каком отношении столичным статусом). Русскоязычные жители Крыма стремились, таким образом, к при-

соединению не к русскому «национальному государству», а к российской «империи», и в ее рамках защитить свою идентичность, но не потерять ее.

Интересно, например, что, когда в апреле 2011 года, в день 228-й годовщины присоединения Крыма и Кубани к России, группа молодых активистов «Русского общества Крыма» пикетировала консульство РФ, обвиняя дипломатов в антирусской деятельности, среди их лозунгов был и следующий: «Крым – Новороссия, РФ – Недороссия». «Россия гораздо больше, чем та РФ, которая сейчас есть на карте. Российское государство – это то государство, которое объединяет значительную территорию бывшего Советского Союза. Оно простирается там, где проживают люди, считающие себя частью России. Мы считаем себя частью России. РФ – Недороссия в данный момент, потому что у нее нет Крыма, нет территории Войска Донского, нет Северного Казахстана, нет Нарвы...», – заявил выступивший на мероприятии заместитель главы «Русского общества» Павел Шперов [1].

Автор сам был свидетелем употребления из уст представителя крымской интеллигенции идентификационной дихотомии «у нас, в Крыму» и «у вас, в Федерации». В новых условиях данная дихотомия вряд ли исчезнет, трансформации требует лишь ее вторая часть.

Разная система органов власти в различных частях единого государственного образования и разнообразие ее символического оформления, так же, как возможность и появления новых, и развития прежних идентичностей, для империи, в отличие от национального государства, вещь не только обыденная, но и необходимая для сохранения целостности. Это несколько не противоречит принципу централизации, являющемуся одним из основополагающих признаков империи. Просто эффективная политика имперского центра означает одновременное избирательное использование не только «кнутов», но и «пряника», а следовательно, ставит «провинции» в неравное положение, которое, по воле того же им-

перского центра, может и меняться. идентичностей окажется совместима с
От того, насколько и как будет учтена российским реалиями, зависят перспекти-
специфика Крыма, насколько система вы закрепления полуострова в составе РФ.

Библиографический список

1. «Крым – Новороссия, РФ – Недороссия»: русские националисты Крыма пикетировали консульство России. URL: http://censor.net.ua/photo_news/165883/krym_novorossiya_rf_nedorossiya_russkie_natsionalisty_kryma_piketirovali_konsulstvo_rossii_fotor (дата обращения: 07.09.2016).
2. В Крыму показали макет памятника Екатерине II. URL: <http://ru.krymr.com/content/article/26915683.html> (дата обращения: 05.10.2016).
3. В Крыму поссорились «коммунисты» и русские националисты URL: <http://livasprava.info/content/view/1369> (дата обращения: 05.09.2016).
4. В Севастополе при участии Зюганова открыли закладной камень на месте памятника Потемкину. URL: <http://ru.krymr.com/content/news/27051741.html> (дата обращения: 16.10.2016).
5. В Севастополе Пушкин победил гетмана Сагайдачного. URL: <http://www.lenta.ru/news/2008/01/16/monument/> (дата обращения: 10.11.2016).
6. В Феодосии хотят установить памятник Александру III и потеснить большевистскую топонимику // Монархистъ. 3 апр. 2014 г. URL: <http://monarhist.info/news/2527> (дата обращения: 15.11.2016).
7. Коммунисты открыли в Крыму памятник «жертвам ОУН-УПА» URL: <http://www.unian.net/common/64616-kommunistyi-otkryili-v-kryimu-pamyatnik-jertvam-oun-upa.html> (дата обращения: 02.09.2016).
8. Крым: прошлое и настоящее. – М.: 1988. – С. 84.
9. Крымские татары хотят снести памятник Ленину в Симферополе. URL: <http://www.sobytiya.info/news/14/38813> (дата обращения: 02.09.2016).
10. От киммерийцев до крымчаков. Народы Крыма с древнейших времен до конца XVIII в. – Симферополь, 2006.
11. Умеров Э. Черные поезда. – М., 2002. – С. 81.
12. Украинские и русские националисты в Крыму все же нашли объединяющую идею. URL: http://ecrimea.info/2010/02/04/35245/Ukrainskie_i_russkie_natsionalisty_v_Kryimu_vse_zhe_nashli_ob_edinyayuschuyu_ideyu.shtml (дата обращения: 10.11.2016).
13. Церетели восстановит памятник Екатерине Второй в Симферополе. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1836680> (дата обращения: 10.11.2016).

POST-SOVIET «WAR OF MONUMENTS» IN CRIMEA: BEFORE AND AFTER THE REUNIFICATION WITH RUSSIA

O.B. Podvintsev

Perm scientific center RAS UD

The author analyzes complex symbolic potential of the multilayer heritage of Crimea and application (overthrow or establishment) of monumental symbols in the political struggle on the peninsula in the post-Soviet period – before and after the reunification with Russia. The basic outline of the «war of monuments» in Crimea looks like a confrontation of more or less consolidated bearers of imperial values and «nationalists» of all kinds.

Keywords: identity, symbolic politics, empire, resettlement area, Novorossia.

Сведения об авторе

Подвинцев Олег Борисович, доктор политических наук, заведующий отделом по исследованию политических институтов и процессов, Пермский научный центр УрО РАН (ПНЦ УрО РАН), 614990, г. Пермь, ул. Ленина, 13А; e-mail: ipl_perm@mail.ru

Материал поступил в редакцию 23.11.2016 г.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ УРАЛА

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КОМИ-ПЕРМЯКОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ*

А.В. Михалева,
Пермский научный центр
УрО РАН

Рассматривается этническая идентичность коми-пермяков Пермского края на аффективном, когнитивном и поведенческом уровнях. На основе социологических данных делаются выводы о роли и месте этнической и конфессиональной идентичности коми-пермяков в современных условиях.

Ключевые слова: этническая идентичность, религиозная идентичность, коми-пермяки, Пермский край.

Последнее десятилетие российские и зарубежные исследователи активно писали об «эрозии этнического» [7, с. 300; 17, с. 68], «деэтнизации» коми-пермяков [3, с. 20; 13, с. 84; 15, с. 200; 18] – коренного финно-угорского населения Пермского края – и предрекали им «пропасть небытия» [16]. Согласно прогнозу сыктывкарского этнолога Ю.П. Шабаева, сделанному в 2006 г., «... скорее всего, следующая перепись населения покажет резко возросшее стремление местного населения идентифицировать себя не как коми-пермяков, а как русских или просто россиян» [17]. Однако итоги последней переписи не позволяют говорить о «резких» изменениях численности коми-пермяцкого населения региона. При сохранении проблем демографического характера коми-пермяки продолжают позиционировать себя в этнических категориях (81 084 чел. [9], т.е. 3,08% от общей численности на-

селения края). Поэтому представляется особо значимым и актуальным обратиться к этнической идентичности коми-пермяков на современном этапе с привлечением эмпирических данных.

В данной работе представлены результаты социологического опроса, проведенного с мая по сентябрь 2016 г. среди коми-пермяков Коми-Пермяцкого округа (КПО), – самого представительного территориального образования с титульным финно-угорским населением на территории РФ (54%) и г. Перми, где проживает одна из самых больших диаспор коми-пермяков за пределами округа (табл. 1, 2, рис. 1).

В анкетном опросе приняли участие 246 человек в возрасте от 20 до 72 лет. Полученные данные анализировались с помощью программы SPSS 22.0 for Windows. Результаты анкетирования дополнены данными 14 полуструктуриро-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-13-59005 «Соотношение уровней территориальной идентичности: Пермский край на фоне России».

Таблица 1

Численность коми-пермяков по субъектам РФ в 2010 г. (чел., %)

Наименование	Численность, чел.	Процент от общей численности населения
Всего в РФ	94 456	0,07
Пермский край	81 084	3,08
Тюменская область	2 621	0,08
ХМАО	2 134	0,14
Свердловская область	1 328	0,03
Ростовская область	1 113	0,03
Республика Коми	659	0,07
Краснодарский край	652	0,01
Кировская область	378	0,03
Челябинская область	326	0,01
Иркутская область	313	0,01
Красноярский край	308	0,01
Омская область	307	0,02
Республика Татарстан	299	0,01
Удмуртская республика	271	0,02
ЯНАО	129	0,02

Источник: Федеральная служба государственной статистики. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации.

URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/vol4pdf.html (дата обращения: 23.08.2016)

Таблица 2

Национальный состав Коми-пермяцкого округа (КПО) на 14.10.2010 г. (чел., %)

Наименование	Численность, чел.	Процент от общей численности населения территории
Все население	116 157	
Коми-пермяки	63 010	54,25
Русские	49 628	42,72
Татары	766	0,66
Лица других национальностей (не перечисленных выше)	1 903	1,64
Без национальности	850	0,73

Источник: Федеральная служба государственной статистики. Национальный состав Коми-пермяцкого округа.

URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst57/DBInet.cgi> (дата обращения: 23.08.2016)

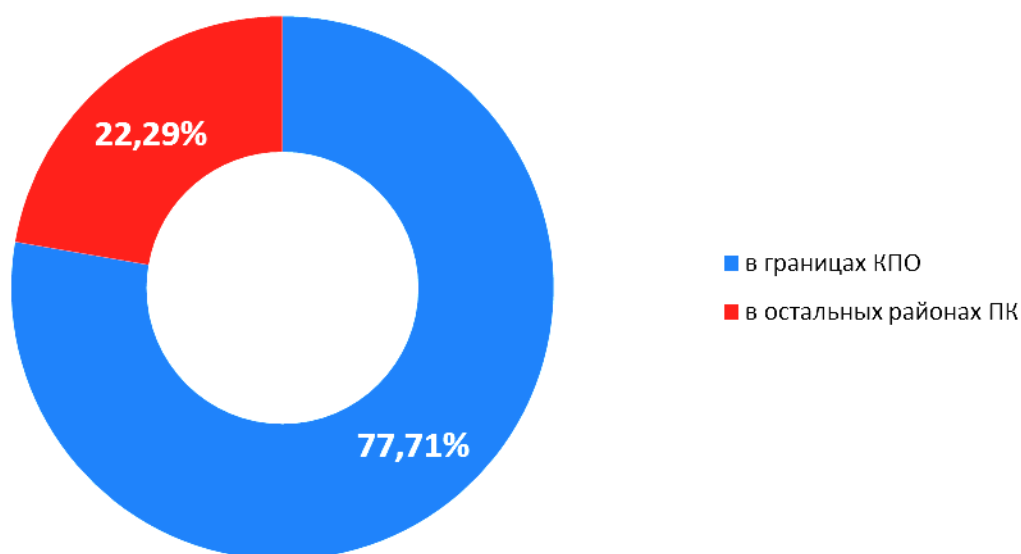

Рис. 1. Расселение коми-пермяков по территории Пермского края (в %)

ванных интервью с коми-пермяками и 6 экспертных интервью с представителями коми-пермяцкой научной, культурной и административной элиты.

Согласно условиям выборки, все респонденты (100%) отметили, что являются коми-пермяками. В исследовательский фокус не попали респонденты с коми-пермяцким происхождением и русской номинальной идентичностью. Однако даже среди отобранных респондентов не всё так однозначно с этнической идентичностью. Часть номинальных коми-пермяков легко переключает свою этническую принадлежность в зависимости от ситуации. Один из респондентов, идентифицировавший себя в качестве коми-пермяка, во время беседы добавил: «Я – русский и вообще считаю, что «россияне» – неправильный термин». Для определенной части респондентов, в том числе с высоким уровнем образования, этническая идентичность реализуется по схеме «русского коми-пермяка». Здесь и непротиворечи-

вость предложенного образа в умах респондентов, и следствие естественных условий исторического развития локального сообщества, а также психологические механизмы самосохранения исчезающего этноса.

Как показали результаты анкетного опроса, этнический компонент играет перво-степенную роль в самоопределении респондентов. В иерархии «я-идентичностей» у опрошенных на первое место с большим отрывом выходит этническая и лишь затем локальная, региональная идентичности. 85,7% опрошенных поставили этническое в «я-самоопределении» на первое место и 14,3% – на второе (табл. 3). Этническая составляющая на групповом уровне выражена слабее: 57,2% опрошенных отметили ее на 1–3-й позиции в иерархии идентичностей (табл. 4).

Полученные данные по коми-пермяцкому населению расходятся с результатами исследования пермских социологов А.В. Шишигина и О.В. Лысенко по

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Кем Вы себя ощущаете в первую очередь?»

Вариант ответа	Среднее значение	Позиция
Житель села/города	2,9	2
Житель района	3,9	5
Житель Пермского края	3,4	3
Житель Урала	4,4	6
Россиянин	3,8	4
Коми-пермяк/русский и др.	1	1
Православный/старообрядец/атеист	4,9	7

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «С кем из данных групп населения Вы испытываете чувство общности и в какой степени?»

Вариант ответа	Среднее значение	Позиция
С родственниками и семьей	1,5	1
С коллегами	5,1	7
Со сверстниками	4,1	4
С определенной группой по интересам	4,6	6
С представителями своего пола	6,1	8
С представителями своего народа	2,5	2
С единоверцами	8,2	9
С жителями моего села/города	4,6	5
С друзьями	4	3
С определенной политической партией/движением/объединением	10,2	11
С россиянами в целом	9,6	10
С определенным гражданским/правовым движением/объединением	10,5	12
Другое	–	–

г. Перми, что объясняется, прежде всего, несопоставимостью кейсов, взятых для анализа, а также спецификой построения выборки. При этом сами исследователи касательно опросов по г. Перми добавляют: «... даже коми-пермяки, демонстрирующие очень высокий уровень ассимиляции, почти в три раза чаще русских ставят национальную идентичность на первое место» [10, с. 51].

В качестве основных маркеров этнической идентичности для коми-пермяков по-прежнему выступают семья/родственные связи, язык, культурные традиции и символы, территория, общее историческое прошлое. Однако значимость этих компонентов, а также их сочетание сильно варьируются среди информантов в зависимости возраста, личного опыта, профессионального статуса, места проживания и т.д.

Для одной группы опрошенных основополагающим признаком их этнической принадлежности выступает язык: «Смотрите, и все равно на первое место выходит язык. Во мне что-то происходит. Язык и территория – для меня явные признаки этнической составляющей, принадлежности». Также с помощью фонетических особенностей родного языка информанты легко маркируют коми-пермяцкое пространство, узнают «своих» по акценту в русской речи: «Если владеет коми, это слышно на русском». Для другой части информантов язык отодвигается на второстепенные позиции: «Я свой среди чужих, чужой среди своих, я – коми-пермяк, но не владею языком, хотя родился в Коми округе». Если одни готовы его изучать даже в зрелом возрасте, то другие не видят в этом необходимости: «Да, я коми-пермяк, но для чего мне учить коми-пермяцкий? Мне лучше иностранный язык, чтобы съездить куда-нибудь за границу».

Территория округа воспринимается информантами как единое целое чаще всего в политико-административном ключе, когда речь идет о присоединении округа или проблемах управления. Так, в беседах с информантами можно услышать альтерна-

тивные названия КПО «Страна Абу» [«Абу» на коми-пермяцком языке означает «место, которого нет» – прим. авт.] или «Коми-Африка» – восприятие, сочетающее в себе осознание реальных проблем территории и в то же время особое эмоциональное отношение к «родной земле», что свидетельствует об определенном состоянии фрустрации коми-пермяцкого населения. В их самовосприятии округ как этническая единица не смог реализовать свой политический потенциал, что озвучивается в формуле «Надо, чтобы хозяин был дома, т.е. в Коми округе!».

На бытовом уровне вопрос территории актуализируется у информантов через локальную идентичность – особую эмоциональную привязанность к «малой родине», которая часто подается через словосочетания «наша сторона». Во-первых, результаты филологического анализа коми-пермяцкого нарратива зафиксировали устойчивую связь этнического («коми-пермяцкого») и локального («деревенского») [13, с. 84]. Сами информанты подают «коми-пермяцкое» как «религиозное», «языческое», «деревенское». Во-вторых, результаты нашего исследования подтверждают тезис о наложении «коми-пермяцкого» на «деревенское», «прошлое», а «русского» – на «цивилизованное», «культурное».

По признанию одной из информанток, связь «этнического» и «локального» особо актуализируется вне г. Перми – на территории края или даже за его пределами, если затрагивается коми-пермяцкая тематика: «Находясь в городе Перми, мне кажется, связь места настоящего проживания и этнической принадлежности для меня редко становится актуальной». Однако в определенных ситуациях и в г. Перми информанты остро ощущают свою этническую и конфессиональную уникальность при получении определенных символических кодов (речь, образ и т.д.), а также при соприкосновении с иноэтничной и иноконфессиональной традицией, например, во время празднования Ураза-байрам.

В вопросе о территории и локальности особую роль играет категория «природы». Размышляя о жизненных перспективах последующих поколений, информанты рассуждают так: «Если мы говорим о детях, тут надо смотреть. Если в плане здоровья – может быть, даже в Кудымкаре: чистый воздух, вода. Что касается образования, конечно, Пермь! ... шансы остаться повышаются все-таки, если есть работа». Вместе с тем респонденты и информанты, даже не владеющие коми-пермяцким языком, демонстрируют достаточно осведомленность в знании истории, народных праздников, традиций и символов. При всех противоречиях этнического самосознания информанты часто испытывают чувство гордости за свою принадлежность к коми-пермякам, когда слышат родную речь, читают вывески на родном языке, встречают «своих» в инокультурной среде.

В то же время интервьюируемые допускают самокритику на грани самоуничижения: «Скромность – это одна их характеристик коми-пермяка. Люди очень скромные, зажатые даже в чем-то. Это может быть и достоинством, и недостатком»; «Мой папа говорил: «Зачем я родился пермяком, лучше бы я родился хомяком, жил под амбаром да ел колхозный хлеб задаром». Полученные данные под-

тверждаются исследованиями пермских филологов С.С. Шляховой и Л.А. Беловой: «... коми-пермяки, весьма высоко оценивая свои внешние данные, недостаточно ценят свои внутренние качества: типичный коми-пермяк спокойный, скромный, добрый, но неуверенный, с заниженной самооценкой» [19, с. 8].

Результаты исследования подтверждают связь между значимостью этничности и ее структурной позицией в идентификационных моделях респондентов (рис. 2). В группе, в которой «этническое» определяет идентификационные практики, 16,7% респондентов отметили среднюю значимость этнокультурной традиции в их жизни, а 83,3% с разной степенью интенсивности подчеркнули важность этой традиции.

Кроме того, можно говорить о высоком совпадении номинальной и реальной этнической идентичности в среде опрошенных коми-пермяков. 42,6% среди тех, кто отметил значимость этнической традиции в своей жизни, указали на представителей своего народа в качестве приоритетной группы, с которой они испытывают чувство общности. Как показывает анализ, чем выше значимость этнической традиции в жизни респондентов, тем чаще они отмечают представителей своего народа в качестве контактных групп.

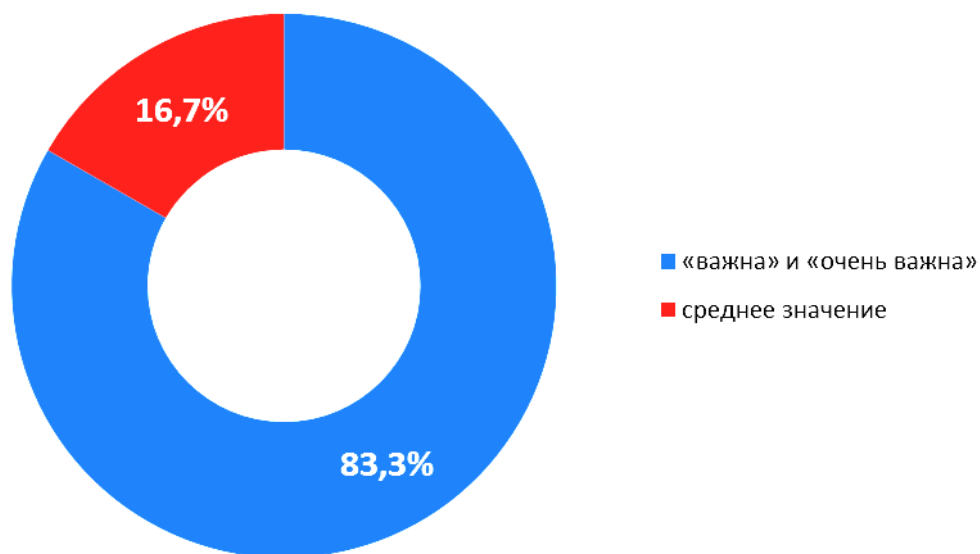

Рис. 2. Оценка респондентами значимости этнической традиции в их жизни (в %)

О значимости коми-пермяцкой идентичности применительно к молодежной среде писали и пермские психологи, которые пришли к выводу о том, что «показатель чувства принадлежности к своей этнической группе выше в группе студентов коми-пермяков», чем в группе русских [11]. Однако в исследованиях конца 1990-х гг. утверждалось обратное: «... принадлежность к коми-пермяцкому этносу не воспринимается сегодня как одна из значимых ценностей» [15, с. 202]. Опыт интервью показал, что в доверительной атмосфере интервьюируемые уверенно декларируют свою коми-пермяцкую идентичность, однако под давлением внешних факторов при формальном общении они так же легко могут мимикрировать в зависимости от обстоятельств.

«Я-идентичность» не всегда характеризует групповую включенность респондента. Для понимания степени эмоциональной близости группе был поставлен вопрос о «мы-идентичности», о чувстве общности с определенными социальными группами. Данное уточнение призвано показать степень солидарности с конкретными сообществами, т.е. структуру значимых социальных общностей для респондентов.

Согласно полученным результатам, определяющими и основными для респондентов остаются семейно-родственные отношения и принадлежность семье, что обусловлено спецификой и частотой данного вида социального общения. На втором месте по частоте ответов указывают представители своего народа. В молодежной среде эту позицию занимают друзья, а лишь затем представители своего народа. В отличие от полученных данных по «я-идентичности» этническая составляющая на групповом уровне выражена слабее. 57,2% опрошенных отметили ее на 1–3-й позициях в иерархии идентичностей.

Одной из характеристик внутригрупповой сплоченности может выступать этническая солидарность, демонстрирующая уровень взаимопомощи и доверия внутри сообщества. Об этнической соли-

дарности в коми-пермяцкой среде информанты рассуждают следующим образом: «... по отношению тех людей, кого я давно знаю, с кем я имею дела, это скорее мой соперник, не враг. Если это человек МОЙ СОПЛЕМЕННИК, но МНЕ НЕ ЗНАКОМЫЙ, почему бы мне не принять участие?!»; «Если бы у нашего народа была солидарность, то ситуация все равно была иной». Многие информанты открыто говорят об обостренном чувстве конкуренции в среде коми-пермяков, порой переходящем в зависть.

Перспективы развития коми-пермяков с точки зрения ученых неутешительны. Сыктывкарский исследователь Ю.П. Шабаяев в конце 1990-х гг. писал о сложившейся ситуации: «В целом же надо отметить, что коми-пермяки обладают неуверенным, шатким идентитетом, и следствием этого неизбежно станет углубление процессов ассимиляции» [15, с. 206]. Финский исследователь С. Лаккулла, автор нескольких монографий о коми-пермяках, полагает, что одной из причин ассимиляции и слабой организации коми-пермяков стала «множественная идентичность, размытость и нечеткость этнических границ и наличие значительных маргинальных групп..., которые ... утратили язык своих предков» [7, с. 301]. На наш взгляд, неубедительным представляется объяснение социокультурной диффузии коми-пермяков с помощью концепции «множественной идентичности», которая стала нормой современного мира и не мешает выживать в аналогичных условиях другим этническим группам. Основная причина пассивности, слабой этнической солидарности сообщества – в принятых в данной среде нормах и образцах поведения, что в некоторых случаях накладывается на недостаточный уровень образования и не позволяет преодолеть сформировавшиеся комплексы неуверенности в себе и заниженной самооценки.

Еще одним немаловажным аспектом духовной жизни, влияющим на формирование этнической идентичности, является религия (рис. 3).

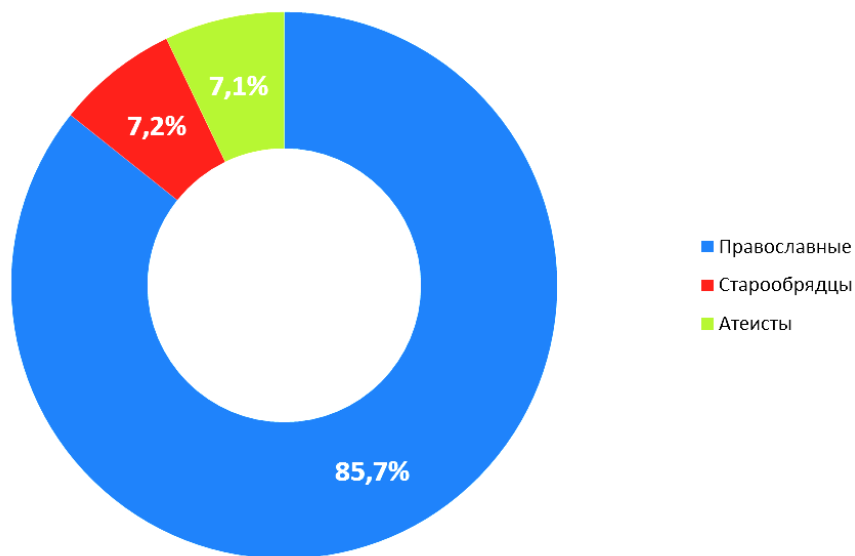

Рис. 3. Конфессиональная принадлежность респондентов (в %)

Конфессиональное пространство коми-пермяцкого сообщества неоднородно. Доминирующей религиозной традицией коми-пермяков остается православие (85,7%). Часть респондентов назвала себя старообрядцами (7,2%) и атеистами (7,1%). Среди опрошенных не выявлено ни одного представителя нетрадиционных для края религиозных течений, о появлении которых на территории округа упомянули в интервью эксперты. Религиозные ориентации большинства опрошенных ассоциируются с православием. При этом старообрядцы соотносят себя с православной традицией, правда, иного качества: «старообрядчество – это и есть истинное православие». На вопрос о распространенности старообрядчества в Кудымкарском районе Пермского края один из информантов пояснил: «Оно почти забыто, в Коми республике больше по этому поводу ответят. Даже в Куве молодежь уже другая». Между тем старообрядчество в силу консервативности и территориальной обособленности лучше сохраняет этническую идентичность и язык определенной части коми-пермяков.

В то же время православная традиция в мировоззрении коми-пермяков тесно переплетена с языческими представлениями. Об этом еще в конце XIX в. писал в своей работе казанский этнограф

И.Н Смирнов: «Всматриваясь в картину верований и обычаев, сложившихся у Пермяков на почве христианства, мы придем к неизбежному заключению, что эта картина не вяжется с сущностью христианства» [12, с. 257]. О синтезе язычества и православия в сознании коми-пермяков свидетельствуют и современные лингвистические [6, 20], этнографические [2, 25] и исторические [3] исследования. Сами информанты добавляют следующее: «Мне кажется, у коми-пермяков языческое и христианское пятьдесят на пятьдесят, я не знаю, мы очень верим всему и вся...»; «Такое восприятие, что раз меня окрестили, то на этом все связи, вся миссия выполнена»; «... мне очень близко так называемое «народное православие», в котором сочетаются народные представления о мире, личные размышления и элементы православия как принятый в народе образ действий и интерпретаций».

Как показали результаты анкетного опроса в иерархии «я-идентичностей», конфессиональная идентичность оказывается не востребовавшейся и заметно уступает не только этнической, но и территориальной идентичности респондентов (7-е место из 7). Столь же неутешительные результаты фиксируются и в иерархии групповых идентичностей рес-

пондентов, где единоверцам отводится 9-е место из 13 возможных.

Согласно полученным данным, 50% опрошенных придают высокую значимость конфессиональному компоненту в персональной идентификации (1–3-я позиции). У оставшейся части она выражена слабее. В групповой идентичности православных конфессиональное измерение актуализируется очень слабо, что свидетельствует об определенных проблемах конфессионального сообщества. У старообрядцев конфессиональный компонент играет более значимую роль в личностной идентификации (3-я позиция) и имеет такое же значение, как у православных, на групповом уровне (рис. 4).

Намного сложнее обстоит дело со значимостью религии в жизни респондентов. Из тех, кто назвал себя православным, «важность» религиозной традиции в своей жизни подчеркнули 33,3% опрошенных (для 16,7% «абсолютно не важна», и для 50% имеет среднее значение). Номинальная религиозность в данном случае оказалась скорее формальной, призванной показать преемственность конфессиональных традиций в семье опрошенных, а не их субъектную религиозность. Среди «православных коми-пермяков» можно выделить несколько групп респондентов: 1) с явным противоречием – те,

кто называет себя православным и указывает на абсолютную незначимость религии в своей жизни (16,7% в среде православных); 2) те, кто позиционирует себя в качестве православного со слабой значимостью религии; 3) номинальные православные со средним значением религии (50% православных); 4) православные, отметившие значимость религии в своей жизни (16,6% православных); и 5) православные с высокой значимостью религии в их жизни (16,7% православных). Представители первой группы называют себя православными в силу формальных причин, не ощущая значимости религиозной традиции в своей жизни. Второй тип опрошенных обычно рассуждает следующим образом: «... да, я крестилась, ну как сказать, пока не до этого, другие обязанности – дети, дом». Представители третьей группы о себе часто говорят так: «Я православный, я понял – это мое, ... я не могу сказать, что я паломник, не соблюдаю посты, но и не отказываюсь от этого». В случае со старообрядцами таких коллизий не возникает. Старообрядцы, принявшие участие в опросе, подчеркивают важность религиозной традиции в своей жизни. Применительно к ним можно говорить об однозначной связи номинальной и реальной идентичности. В их традиции религиозный компонент силь-

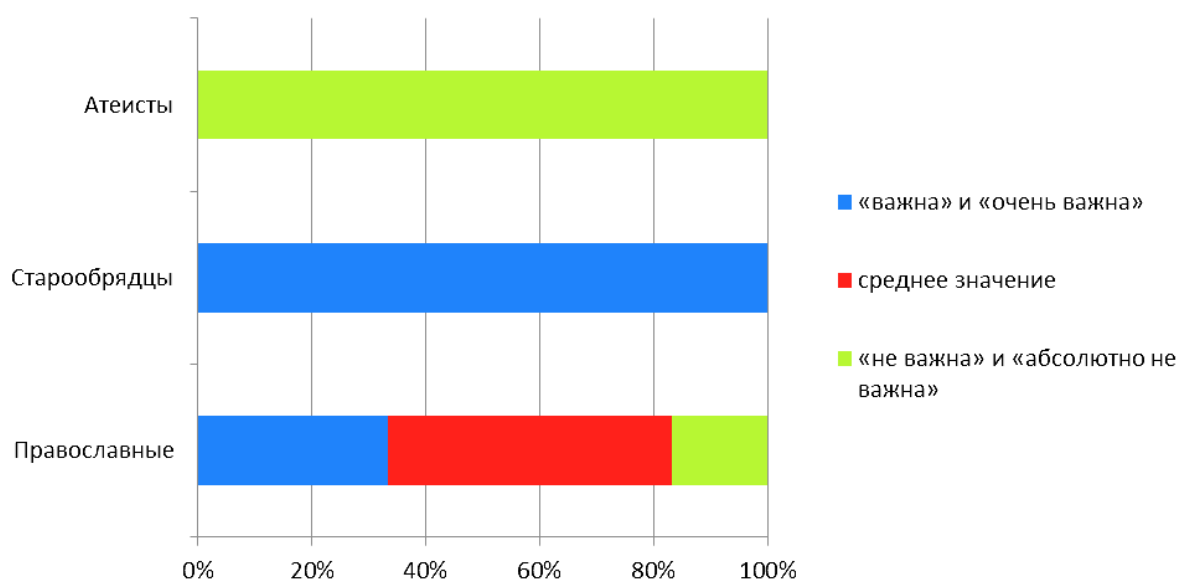

Рис. 4. Оценка респондентами значимости религиозной традиции в их жизни (в %)

нее привязан к этническому самоопределению коми-пермяков. В группе атеистов все респонденты отметили «неважность» религиозной традиции в своей жизни.

В вопросе о трудностях реализации этноконфессиональной идентичности 41,7% респондентов заявили, что никогда не испытывали трудности с этим, 16,7% – не задумывались (рис. 5). Оставшаяся часть (41,6% респондентов) испытывает эти затруднения регулярно. Коми-пермяцкое сообщество оказалось расколотым в равной степени на тех, кто удовлетворен сложившейся ситуацией, и тех, кто испытывает чувство дискриминации. Ответы интервьюируемых позволили выявить перечень основных проблем коми-пермяков: ограниченные возможности для изучения родного языка и культуры, недостаток общения с представителями своего народа, отсутствие активных коми-пермяцких организаций, где можно провести досуг.

Более детальный анализ показывает, что трудности с реализацией этноконфессиональной идентичности испытывают, как правило, те, для кого этническая (100% опрошенных указали на ее важность в разной степени) и локальная идентичности имеют существенное значение (66,7% респондентов отметили ее «важ-

ность», 16,7% – «среднее» значение). Такие информанты обычно говорят: «Долго я не могла понять, кто такие коми-пермяки, чем они отличаются. Если бы я не занималась этим [изучением традиционной культуры коми-пермяков – прим. авт.], то я бы ничего не знала о своей культуре». Вопрос сохранения коми-языка и народных традиций – одна из наиболее частых тем общественных дискурсов, в т.ч. и современного коми-пермяцкого фольклора [21]. При этом серьезные трудности, возникающие на пути сохранения и развития культуры, порой объясняются не только внешними факторами, но и психологической мотивацией, личным жизненным опытом респондентов (рис. 6).

В группе тех, кто не испытывал трудности с реализацией своей идентичности, часто можно услышать обратное: «А зачем мне учить коми-пермяцкий? Я лучше английский выучу». Вместе с тем все респонденты этой группы указали на важность этнической традиции в их жизни.

58,3% респондентов считают, что местная власть недостаточно делает для сохранения и развития коми-пермяцкой культуры. 25% довольны помощью со стороны власти, а 16,7% затруднились с ответом. Точку зрения недовольных точно передал один из экспертов: «... у главы рай-

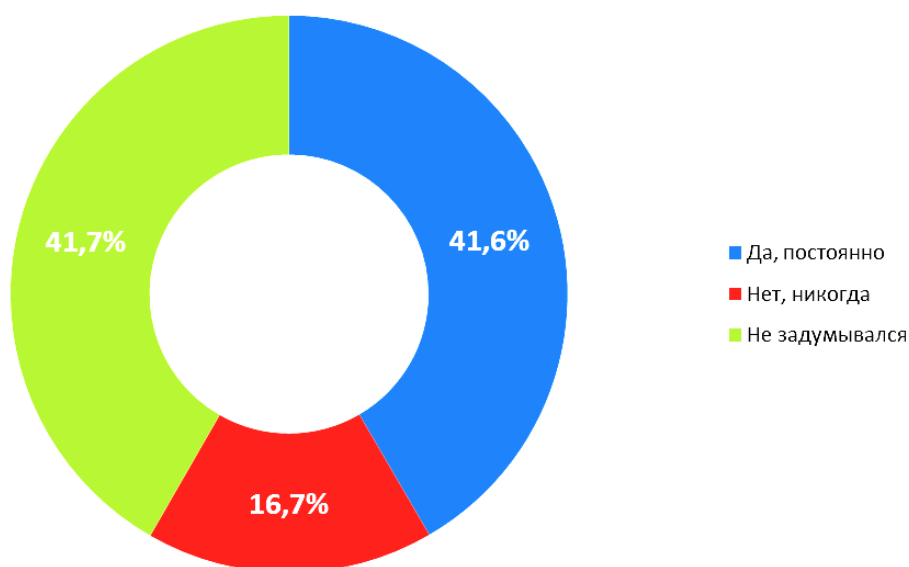

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Испытываете ли Вы трудности с реализацией своей этноконфессиональной идентичности?» (в %)

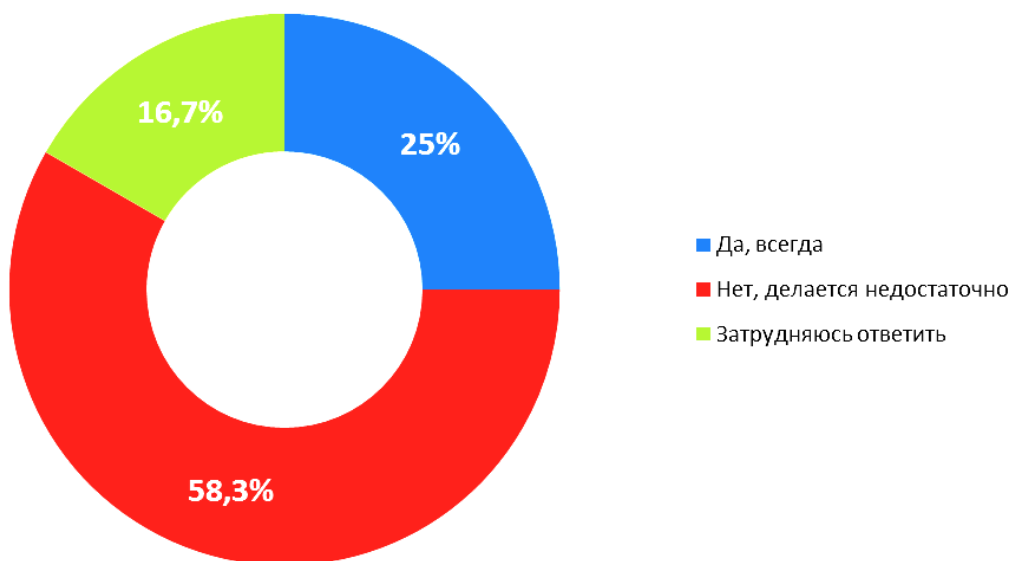

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос: «Ощущаете ли Вы поддержку и помощь со стороны органов власти в реализации своей этноконфессиональной идентичности?» (в %)

она на первом месте дорога, мост, еще раз дорога, детский сад, школа, т.е. руководителей эта этническая составляющая абсолютно не интересует. Это [включение этнокультурных символов в брендовую политику – прим. авт.] делается под таким сильным напором, это когда вице-губернатор или сам губернатор, только под напором, тем более если руководитель не этнический, то это вообще, тогда всё!».

50% респондентов, которые испытывают трудности с реализацией своей этнокультурной идентичности, ощущают усилия власти по исправлению ситуации, 33,3% недовольны действиями властей и 16,7% затруднились с ответом. Недовольство политикой региональной власти в вопросе сохранения коми-пермяцкой культуры в словах эксперта достигает предельно ярких эмоций: «Очень большая опека со стороны администрации, чрезмерно сильная. Департамент внутренней политики решает, как часто издавать учебники, какие учебники издавать, что печатать, а что не печатать, какие исследования проводить, а какие нет, они даже не советуются... Я это опекой назвала, можно было и поглубже слово подобрать, отношение не на равных». Лишь треть опрошенных связывает невозможность реализации своих

этноконфессиональных прав с политикой местных властей, и в объяснительных схемах, как минимум, половины респондентов иные невластные факторы играют решающую роль.

Однако главным предметом критики интервьюируемых коми-пермяков выступают не вопросы сохранения культурного наследия, а критика социально-экономического, политического развития округа. Среди опрошенных сильны негативные оценки деятельности руководства края после объединения, что часто резюмируется все той же итоговой формулой: «Надо, чтобы хозяин был дома, т.е. в Коми округе!». Подобные настроения часто транслируются и местным журналистским сообществом [8].

Несмотря на все неурядицы и проблемы, местное коми-пермяцкое сообщество отличают оптимистичный настрой и позитивная оценка своей роли в сложившейся ситуации. Все опрошенные уверены (100%), что они могут повлиять на ситуацию и изменить ее к лучшему. Этот оптимизм характерен для всех возрастных, гендерных групп, профессиональных сообществ с разным уровнем образования и доходов. Однако при попытке получить развернутые комментарии в разго-

воре с информантами мы наталкиваемся на определенное противоречие: никто из них не готов пожертвовать личным временем и участием для исправления ситуации. Нарратив информантов изобилует императивными, сослагательными формами при личном абстрагировании от проблемных вопросов. Безынициативность коми-пермяков сопровождается пассивностью коми-пермяцкой элиты, которая полагает, что «плыть по течению иногда тоже полезно и даже необходимо – чтобы окончательно не погибнуть, собраться с силами» [4]. Аналогичные рассуждения можно встретить и на интернет-форумах среди пользователей-коми-пермяков (Ладэ, 20.03.2014 г.): «Мы не потопляемы, потому что следуем наипервейшему инстинкту всего живого (это уже я как профессиональный ученый-биолог говорю) – приспосабливайся к окружающему миру (мимикрируй, стань не заметным, не нападай) это лучшая придуманная природой борьба за существование и размножение для дальнейшего сохранения вида, а иногда и для того чтобы добыча сама в ручки пришла» [орфография и пунктуация оригинала сохранены – прим. авт.] [5].

Проблемы социально-экономического и культурного развития Коми-пермяцкого округа не теряют своей значимости для коми-пермяцкого населения. Большинство коми-пермяков недовольны сложившейся ситуацией в сфере сохранения их культуры, однако демонстрируют парадоксальный оптимизм и повышенные

ожидания от власти. Проведенное исследование показало значимость этнической составляющей в иерархии идентичностей коми-пермяцкого населения Пермского края, которая реализуется с большими оговорками и противоречиями. На когнитивном уровне информанты демонстрируют достаточную осведомленность и знание принятых норм и традиций в позитивном ключе. На аффективном уровне для них характерна повышенная гибкость самовосприятия, при этом эмоциональное отношение к группе носит ситуативный характер: в зависимости от внешних условий при повышенной конкуренции с более сильными брендами может переключаться с позитивной на негативную тональность. Поведенческий компонент групповой идентичности тяготеет к негативному контексту, когда предпочтение отдается индивидуальным формам деятельности при низкой групповой солидарности. Религиозное сознание респондентов синкретично, а конфессиональный компонент не играет первостепенной роли в самоопределении коми-пермяков.

Однако многообразие выявленных у респондентов и информантов стратегий реализации этнической идентичности обесценивает утверждения о скором вымирании коми-пермяков как этноса. Скорее, речь идет о специфических, сложившихся веками нормах поведения, принятых в данном сообществе. Этнической идентичности коми-пермяков свойствен амбивалентный характер, что ставит вопрос о необходимости дальнейшего изучения субъектных форм идентичности в этой среде.

Библиографический список

1. *Голева Т.Г.* Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2008.
2. *Головчанский Г.П.* К вопросу о завершенности процесса христианизации коми-пермяков // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – 2009. – № 6.
3. *Дерябин В.С.* Коми-пермяки сегодня: особенности этнокультурного развития. – Институт этнологии и антропологии РАН. – М., 1997.
4. *Истомин Ф.* Золото Пустой страны // Звезда. 15 дек. 2006 г. URL: <http://zvezda.perm.ru/local/zvezda/page.php/zvezda/2006-12-15/2> (дата обращения: 09.07.2016).
5. Комментарии к статье М. Ярдаевой «Привет из страны Абу. О феномене коми-пермяков» URL: <http://turfront.ru/pub-164> (дата обращения: 21.07.2016).

6. *Королёва С. Ю.* «Знающий» в современной коми-пермяцкой деревне. К вопросу о механизмах передачи и сохранения локальных форм традиционной культуры (на материале экспедиционных исследований) URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/koroleva1.htm> (дата обращения: 12.07.2016).
7. *Лаллукка С.* Коми-пермяки и Коми-Пермяцкий округ. – СПб: Европейский Дом, 2010. – С. 301.
8. Мнение «коми-пермяка»: «Процесс объединения округа и Пермской области – это спланированное шоу кремлевских кукловодов». URL: <http://properm.ru/news/region/114892/> (дата обращения: 23.07.2016).
9. Официальный сайт Всероссийской переписи населения 2010 года. Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 23.08.2016).
10. Пермь как стиль. Презентации пермской городской идентичности / под ред. *О.В. Лысенко, Е.Г. Трегубовой*, вступ. *О.Л. Лейбовича*. – Пермь: ПГГПУ, 2013.
11. *Попова Т. А.* Особенности этнической идентификации и самоотношения у русских и коми-пермяков // Ананьевские чтения – 2010. Современные прикладные направления и проблемы психологии: материалы науч. конф., 19–21 окт. 2010 г. / отв. ред. *Л.А. Цветкова*. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2010. Ч. 2. – С. 148–150.
12. *Смирнов И.Н.* Пермяки. Историко-этнографический очерк. – Казань: Типография Императорского Университета, 1891.
13. *Худякова Е.С.* Этничность коми-пермяков как система оппозиций // Вестник Пермского университета. Сер. Российская и зарубежная филология. – 2014. – Вып. 4(28). – С. 80–85.
14. *Чагин Г.Н.* Коми-пермяки. URL: <http://komiperm.ru/library/КОМИ-PЕРМЯКИ> (дата обращения: 17.07.2016).
15. *Шабаетов Ю. П.* Этническое самосознание народов Коми: основа интеграции или база дезинтеграции? // Рубеж (альманах социальных исследований). – 1998. – № 12. – С. 193–208.
16. *Шабаетов Ю.П.* Земля «Абу» и «пермяк солёны уши» // Родники Пармы. – 1996. – Вып. 4. – С. 233–248.
17. *Шабаетов Ю.П.* Этносоциальные последствия объединения регионов (Из опыта формирования Пермского края) // Социс. – 2006. – № 3. – С. 64–71.
18. *Шабаетов Ю.П.* Коми-пермяки: проблемы выживания // Этнографическое обозрение. – 1994. – № 4. – С. 26–35.
19. *Шляхова С.С., Белова Л.А.* Авто- и гетеростереотипы русских, башкир и коми-пермяков. Ст. вторая. Характер // Вестник Пермского университета. Сер. Российская и зарубежная филология. – 2014. – Вып. 1(25). – С. 7–19.
20. *Шляхова С.С., Лобанова А.С.* Элементы религиозного стиля в современном коми-пермяцком языке. URL: <http://pandia.ru/text/77/288/4770.php> (дата обращения: 11.07.2016).
21. Шынь-серём югөршанасыань / Шутки от югөрцев. URL: http://jugor.umi.ru/shyn_ser_m_yug_rshanasyan/ (дата обращения: 22.04.2016).

ETHNORELIGIOUS IDENTITY OF KOMI-PERMYAKS IN PERM KRAI

A.V. Mikhaleva

Perm scientific center RAS UD

The paper discusses the issue of Komi-Permyaks' ethnic identity in Perm krai at the affective, cognitive and behavioural level. On the basis of sociological data conclusions about the role and place of Komi-Permyaks' ethnic and religious identity in modern conditions are made.

Keywords: ethnic identity, religious identity, Komi-Permyaks, Perm krai.

Сведения об авторе

Михалева Альбина Викторовна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов, Пермский научный центр УрО РАН (ПНЦ УрО РАН), 614990, г. Пермь, ул. Ленина, 13А; e-mail: mialba@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 23.11.2016 г.

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ В ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ (1990-е – начало 2000-х гг.)*

М.В. Назукина,
Пермский научный центр
УрО РАН

Анализируется политика идентичности в Пермской области в 1990-х – начале 2000-х годов. Для первого периода 1990-х преобладающим смыслом позиционирования были экономические маркеры особенности региона и ценность стабильности, а сама политика идентичности не была акцентирована. Для периода губернаторства Ю.П. Трутнева стало характерно усиление внимания к имиджу региона. Ключевыми дискурсами идентичности стали либеральность и первопроходчество региона.

Ключевые слова: идентичность, политика идентичности, региональный миф, имидж региона, Пермская область, Г.В. Изумнов, Ю.П. Трутнев.

Одним из следствий трансформации политической системы на рубеже 1980–90-х гг. стала регионализация политического пространства, сопровождавшаяся резким ростом регионального самосознания. Региональные элиты в этих условиях стали проводить символическую политику, направленную на развитие региональной уникальности. Подобные практики не могли не коснуться и Пермской области.

Первая половина 1990-х годов в истории Прикамья зафиксировала одну важную особенность в идентичности жителей региона, связанную со склонностью к политической стабильности: «Еще с конца восьмидесятых Пермь отличалась стабильностью, здесь не было таких массовых выступлений, как, например, в

Екатеринбурге, – отмечает в интервью журналу «Эксперт» политолог Олег Подвинцев. – В то же время по результатам голосования здесь в большей степени проявлялась поддержка демократических сил, а региональные власти в меньшей степени контролировали выборы» [22]. При этом часто итоги выборов в регионе кардинально меняли политическую элиту, что способствовало формированию динамической политической системы. Самый классический пример – проигрыш выборов в Совет Федерации в 1993 году главы области Бориса Кузнецова. Эти итоги выборов – важный показатель позиций первого губернатора Пермской области Бориса Кузнецова, руководившего регионом с 1991 по 1996 г.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-13-59005 «Соотношение уровней территориальной идентичности: Пермский край на фоне России».

Фактически, по оценкам экспертов, в то время власть находилась в руках первого заместителя главы администрации Пермской области Геннадия Игумнова. Именно он и стал единственным претендентом на пост губернатора Пермской области, когда Борис Кузнецов в 1996 году принял решение уйти на работу в Государственную Думу.

Придя к власти, Геннадий Игумнов не поменял ни одного человека в своей команде, за исключением приглашения на должность первого вице-губернатора Геннадия Тушнолобова, мэра Соликамска. Время его губернаторства принято называть «милое, патриархальное» [27]. Самого Игумнова характеризуют как «крепкого хозяйственника, центриста, государственника по убеждениям» и предписывают ему экономическую стабилизацию в регионе: «депрессивная область превратилась в регион-донор, восстановивший полуразрушенную промышленную структуру, стабилизировавший бюджет, нормализовавший социальную обстановку» [7].

В декабре 1996 года Геннадий Игумнов выигрывает первые в истории региона выборы губернатора, которые также впервые показали, что такое грязные технологии. Основным противником действующего главы стал Сергей Левитан, молодой член Совета Федерации (1993–1996). Выборы проходили в два тура. Среди причин, которые не позволили Г. Игумнову быть избранным уже в первом туре, специалисты называют вялость его предвыборной кампании. Во многом это было связано с тем, что одновременно с большей интенсивностью проходили выборы мэра Перми. Геннадий Игумнов тогда поддерживал Владимира Филя, а когда тот проиграл, обратился за помощью к Юрию Трутневу. Команда политтехнологов, которая привела к победе Юрия Трутнева в первом туре, была переброшена на губернаторские выборы [27]. Во втором туре было приложено максимум усилий для организации широкой агитационной кампании. Геннадий Игум-

нов был представлен как гарант стабильности и продолжения процессов реформирования в экономике и социальной сфере. Характерен фрагмент из обращения к избирателям кандидатов в губернаторы с призывом поддержать на выборах Г.В. Игумнова: «Что впереди? Какие потрясения и утраты мы сможем пережить уже в новом 1997 году?.. Пугает шквал клеветы – оружия тех, кто изо всех сил подталкивает нас к опасному решению. Неизвестность или стабильность. Что мы выберем?» [12].

Рейтинг программы Г. Игумнова составил 71,6%, у С. Левитана – 46,6% (среди оцениваемых показателей – цели программы, анализ проблем области, источники наполнения бюджета и его основные расходные статьи, проблемы управления и его правового обеспечения) [21]. Общий итог второго тура голосования: Г. Игумнов – 65,01%, С. Левитан – 29,6%. В выборах приняли участие 39,35% избирателей области.

Если посмотреть, как выглядел Пермский регион глазами федеральных СМИ в начале 2000-х годов, то мы увидим, что он относился к числу незначимых и неинтересных. Это, в частности, отмечено в работе А.С. Титкова, который анализирует образы регионов в федеральных СМИ. На карте регионов, составленной по итогам исследования, Пермская область отмечена в качестве незначимого субъекта [25]. Это в принципе объяснимо самой спецификой течения региональной жизни, где отсутствовали информационные поводы: скандалы, политические кризисы, природные катаклизмы и т.д.

Региональные исследования подтверждают данный тезис. До конца 1990-х годов в пермских СМИ практически не встречаются газетные статьи, связанные с темой имиджа территории. Чаще всего в этот период имидж региона упоминался в контексте инвестиционной привлекательности [17].

Анализируя этап 1990-х годов в контексте проблемы региональной идентичности и символической политики во вре-

мя губернаторства Г.В. Игумнова (1996–2000), обращает на себя внимание невыраженность этой линии в общем политическом курсе. Однако в это время закладываются ценностные основы и векторы будущей имиджевой политики.

Официальный дискурс губернатора исходил из тезиса: «Наш регион – остров стабильности на Урале» [14]. Подтверждалось это ростом промышленного производства и фактом, что область входила в десятку экономически благополучных российских территорий за счет добычи нефти и Верхнекамского месторождения калийных солей.

По данным Я.Г. Ашихминой, на начало 2000-х годов большинство экспертов характеризовало Пермский регион как один из стабильных, демократически развитых субъектов. На протяжении 90-х годов сложилось мнение о Пермской области как о «политическом болоте». Причина крылась в политической стабильности в области [4] и склонности политической элиты договариваться и не прибегать к силовым стратегиям [2].

Итак, образы и смыслы стабильности Пермской области в плане поступательного движения вперед во всех сферах жизни формируются в это время. Мифология стабильности является одной из определяющих характеристик при презентации Пермского региона¹. Традиционно стабильность трактовалась как устойчивость, состояние равновесия, постоянство, непоколебимость. Как отмечает журналист Светлана Федотова, в Прикамье «ярко выраженной оппозиции не было. И сейчас нет. А вот тайная фронда есть и всегда была. Только о ней не говорят. Не принято. Общественное согласие или хотя бы его видимость – краеугольный камень местного менталитета» [26]. Подобный факт подтверждает экспертный опрос местной элиты, проведенный сектором социологического мониторинга Областной администрации в феврале

1999 года (в опросе приняли участие 42 представителя местной элиты). На вопрос: «Что из сегодняшней деятельности губернатора Г.В. Игумнова останется в памяти поколений?» 42,3% ответивших высказались, что «стабильность в трудные для России времена» [23].

Одновременно со стабильностью, демократичность – важный смысл пермской идентичности, акцентируемый на данном этапе. По индексу демократичности в 1990-е и в начале 2000-х гг. регион стабильно занимал лидирующие позиции. В ходе президентских выборов за Б.Н. Ельцина в Прикамье в 1991 году проголосовали 71,1% избирателей (57,3% по РФ), в 1996 году – 70,8% (53,8% по РФ). Выборы в Государственную Думу в 1993 году также свидетельствовали о демократических настроениях пермяков. В 1993 году партии демократической ориентации собрали около половины голосов избирателей, в 1995 году – 36,7% (32% по РФ). В 1999 году на выборах в Государственную Думу в городе Перми за «Союз правых сил» проголосовали 15,24% (8,52 % по РФ), за партию «Единство» – 19,82% (23,32% по РФ), за «Объединение «Яблоко» – 6,97% (5,93 по РФ) [23].

Восприятие и продвижение уникальности региона было связано с экономикой, которая развивалась как бы сама по себе, но точно без привязки к политике идентичности, и традиционными культурными символами: брендами Пермского балета, Пермской деревянной скульптуры, Пермского звериного стиля. Миф о пермском балете, ко всему прочему, дал городу репутацию третьей хореографической столицы России. Здесь с 1990-х годов проводится конкурс артистов балета «Арабеск». На это же время выпадает слава Евгения Панфилова (1955–2002), хореографа с мировым именем и репутацией первопроходца современного танца [13]. Имиджевый эффект в то время формировался и успехами баскетбольной ко-

¹ «Пермская область остается регионом стабильной экономики... Политическая обстановка в области стабильная». См., напр.: [15, с. 52]

манды «Урал-Грейт» (1995–2009), ставшей настоящей визитной карточкой и гордостью Перми и Пермского края.

Время Г. Игумнова – фактически время, когда политика идентичности отсутствовала в принципе. Руководство региона занималось текущими вопросами и управлением. Из символических действий важным стало принятие герба Пермской области в 1995–1996 гг., который стал выглядеть следующим образом: «Герб Пермской области представляет собой изображение серебряного медведя, идущего вправо, помещенного на червленом (красном) геральдическом щите; на его спине Евангелие в золотом окладе с изображением восьмиконечного креста. Евангелие увенчано серебряным уширенным, вогнутым на концах крестом. Щит увенчан княжеской короной» [6]. Однако свой флаг регион получил лишь спустя семь лет, 17 апреля 2003 года.

В целом, губернатор, предпочитал не вмешиваться. Именно таким невмешательством и было обусловлено, что он не выиграл в 1996 году губернаторские выборы в первом туре. В XXI век, таким образом, Пермь вошла все с теми же идентификаторами, что ей достались от прошлого. И эти идентификаторы идентичности находились все в том же состоянии – в состоянии предпосылок.

Для начала 2000-х годов в СМИ и среде экспертного сообщества становится распространенной констатация того, что существовавший на то время образ Перми скорее «серый, негативный, никакой» (В. Абашев), а в представлении столичных жителей Пермь «осталась заштатным уголком империи, медвежьим углом Европы, мы страшные, какие-то дикорастущие» (О. Лейбович) [1]. Параллельно с этим приходило осознание слабой узнаваемости региона в контексте прочих субъектов.

Кроме того, катализатором проблемы неузнаваемости становится путаница Перми с Пензой. В 2003 году проблема путаницы вышла во главу угла оценки имиджевого потенциала региона. Толч-

ком послужила дискуссия «Как формируется имидж региона? Или Почему Пермь путают с Пензой?», которую провела в конце 2002 года Пермская гражданская палата в рамках проекта «Пермская Ассамблея – гражданские дискуссии» [9]. Тогда эксперты сошлись во мнении, что репрезентативная составляющая Прикамья не соответствует финансовому потенциалу территории, а региону не хватает амбиций и мощных проектов [18]. Таким образом, «комплекс Пензы» стал одной из причин, стимулировавшей выработку имиджевой стратегии [24].

Параллельно с усилением проблемы внешнего имиджа проблема уникальности региона становится привязанной к продвижению образа нового губернатора Ю.П. Трутнева, молодого и амбициозного политика, обладавшего колоссальной популярностью у населения, победившего на выборах в 2000 г. Попытки выработки пермской особенности приводили к появлению ряда проектов.

Одним из таких проектов в начале 2000-х годов стал конструируемый региональной элитой миф о Пермском регионе как о земле – оплоте, либеральных ценностей в России («родине российского либерализма» [11]). В качестве основы, на которой строился данный миф, стало конструирование политико-культурных особенностей Пермского региона. Акцент был сделан на нахождении в пермской истории фактов, подтверждающих особое свободомыслие населения региона. Так, в частности, подчеркивались особенности освоения и заселения территории региона – оказалось, что в течение нескольких веков население Прикамья формировалось за счет людей независимых и чуждых официальной власти (беглые крестьяне, старообрядцы, ссыльные, спецпереселенцы).

Кроме того, к началу XX века в Пермской губернии действовало одно из самых демократичных земств, которые, как известно, были «рассадником» либеральных идей в России в то время, а также су-

ществовало высокой степени самостоятельное городское самоуправление. Современные подтверждения давали и некоторые особенности политической жизни региона.

Важным символическим аргументом в пользу реальности данного мифологического сюжета является признание Пермской области самым демократичным субъектом в 2002 г. по итогам исследования, проводимого центром Карнеги [16].

Помимо этого, аргументом было и голосование за либеральные партии в регионе. По словам бывшего лидера СПС Бориса Немцова, побывавшего в начале 2003 г. в Перми, в нашей области *«дух свободомыслия всегда преобладал над рабскими настроениями. Если посмотреть на последние социологические исследования, то уровень доверия к демократическим партиям у вас гораздо выше, чем к «левым» или ультранационалистическим, – добавил Немцов, – этим Пермская область сильно отличается от страны в лучшую сторону»* [3].

По инициативе администрации Пермской области был даже создан проект региональной программы «Демократические традиции Прикамья», целью которой являлось *«формирование привлекательного, узнаваемого имиджа региона и позитивной региональной идеологии, стимулирующей экономическую и гражданскую активность жителей области посредством поддержания и распространения либеральных традиций и пропаганды либерального наследия Пермского региона»* [20]. Продвижение либерального образа стало осуществляться через пропаганду известных российских либеральных деятелей, исторически связанных в Прикамье: Петра Струве, Михаила Осоргина и Владимира Вейдле. Среди наиболее крупных символических мероприятий, идущих в русле утверждения пермского либерального мифа, отметим форум «Либерализм в России» (2003 г.), Вторые Осоргинские чтения (2003 г.), дискуссионные клубы, конференцию и

открытие мемориальной доски Владимиру Вейдле (2005 г.).

Однако сам проект так и не стал региональной программой, а мифотворчество элиты об образе либеральной пермской земли сходит на нет к 2005 году. Ставка лишь на данный миф, как ключевой и определяющий лицо территории, стала малоперспективной. Либеральный пермский миф поэтому сегодня не позиционирован.

Другим вариантом стала попытка создания региональной идеологии как сознательно распространяемых и поддерживаемых представлений о прошлом, настоящем и будущем региона, а также репрезентирующих регион героев и символов [5]. В 2003 году администрацией Пермской области был создан проект «Позитивной региональной идеологии», согласно которому мифом пермской уникальности должна была стать мифологема «первопроходчества» [19].

В качестве оснований утверждения нового пермского мифа и символов региональной идентичности рассматривались особенности региона. Во-первых, это качественное наследие пермского характера – пермяки как потомки первопроходцев – смелых, решительных и трудолюбивых людей, заселивших и освоивших этот край. Во-вторых, их склонности к открытости для информации и новых знаний; стремление к переменам; инициатива и способность к риску и др. В-третьих, объективные показатели развития региона, который входит в число наиболее развитых субъектов России, имеющего значительный потенциал опережающего развития.

Таким образом, из этого вытекала миссия Пермского региона – быть регион-первопроходцем: в модернизации хозяйственной и общественной сферы в направлении постиндустриального развития России. «В будущем Прикамье – регион-первопроходец, открывающий дорогу России на путях технологического и социального прогресса» [10]. Такая интерпретация стратегии «первопроходчества»,

во-первых, сразу же ее политизировала, во-вторых, существенно «размывалась». «Первопроходчество» оказывалось призывом ко всему хорошему.

Впрочем, данный проект, так же, как и проект «Демократические традиции Прикамья», не был принят в качестве ориентира имиджевой стратегии региона. Однако дискурс первопроходчества нашел наибольшее проявление в реализации проекта, позволившего региону «заявить о себе». Этим проектом стало объединение Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа в единый Пермский край по итогам референдума 2003 г., сделавшим регион лидером по отношению к российским политическим процессам в плане укрупнения субъектов РФ. Символическим подтверждением успеха стал визит в Коми-округ в 2003 году президента РФ Владимира Путина, который стал первым за последние 100 лет главой российского государства, посетившим эту территорию.

Для внутреннего самоощущения регионального сообщества важность объединительного проекта и, как его следствие, назначение губернатора Трутнева в 2004 году в Федеральное правительство заключалась в том, что фигура Ю. Трутнева была закреплена в качестве культурного героя в местном пантеоне. Вплоть до сегодняшнего дня фигура Трутнева является сакральной («первооткрыватель»), а период его работы «у руля» территории считается едва ли не «золотой эпохой» в истории Прикамья [8].

Таким образом, на данном этапе происходит осознание необходимости конст-

руирования позитивного имиджа Пермского региона. В то же время в действиях региональной элиты по «отысканию» идеологии идентичности преобладали два основных политических мотива. Первый был обусловлен необходимостью «переработать» то либеральное политическое наследие, которое досталось Ю. Трутневу от демократического тренда и конкретно Г. Игумнова. Второй был связан с продвижением в федеральную политику самого пермского губернатора, затем министра природных ресурсов и экологии РФ, а с августа 2013 г. Заместителя Председателя Правительства Российской Федерации – полномочного представителя Президента Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе, Юрия Трутнева.

Это, в частности, косвенно доказывается тем, что проекты улучшения внутреннего и внешнего образа Пермской области появлялись исключительно в структурных подразделениях областной администрации, курирующих политический процесс в регионе. Спорт, культура, туризм, «чистая» история продолжали существовать сами по себе, вне осознанной политики идентичности. Идентификационные процессы сознательно центрировались в области решения политических задач, в том числе задач по реализации политических амбиций руководителя региона. В свою очередь, «первопроходчество» региона оказалось «первопроходчеством» в решении политических задач, поставленных федеральными властями, и прежде всего задачи по укрупнению регионов.

Библиографический список

1. Асланьян Ю. Город упущенных возможностей... // Личное дело. №1. 25.01.2003.
2. Ашихмина Я.Г. Губернаторские выборы и имидж региона // Панорама исследований политики Прикамья. Вып. 1. – Пермь, 2002. – С. 49–50.
3. Борис Немцов считает Прикамье оплотом либерализма // Комсомольская правда. 04.03.2003.
4. Власть облегчит жизнь инвесторов. Интервью с Белоусовым Ю. // Деловое Прикамье. 20.01.2004. URL: <http://www.dp.perm.ru/article.php?id=757> (дата обращения: 13.04.2016).
5. Горин Н.И., Нецадин А.А. Методология формирования региональной позитивной идеологии в Пермской области. Отчет. – Пермь, 2003. [Личный архив автора].
6. Закон Пермской области о внесении изменений и дополнений в закон Пермской области о гербе Пермской области (принят Законодательным Собранием Пермской области 22.08.1996 года). URL: <http://geraldika.ru/symbols/906> (дата обращения: 13.04.2016).

7. Игумнов Геннадий Вячеславович // Лауреаты Строгановской премии в 2013 г. // Пермское землячество. URL: http://xn--b1afaaktleeshbpqir1gsh.xn--p1ai/award/years/2013/igumnov_gennadii_vyacheslavovich_304/ (дата обращения: 13.04.2016).
8. *Колпаков И.* Вихри враждебные веют над нами. Пермский край наконец-то обрел свое «лицо», но попасть с такой харизмой в высшее общество будет непросто // Новый компаньон. № 1. 16.01.2007.
9. Материалы гражданской дискуссии «Как формируется имидж региона? Или Почему Пермь путают с Пензой?», г. Пермь, 26.12.2002 г. URL: <http://www.prpc.ru/discuss/image.shtml> (дата обращения: 13.10.2016).
10. *Неганов С.В.* Региональная позитивная идеология и региональный миф. Выступление на круглом столе «Местное культурное наследие и проблемы маркетинга территории» 14 ноября 2003 г. [Личный архив автора].
11. *Никитин А.* Пермь – родина российского либерализма. – М., 2004. 136 с.
12. Обращение четырех. Обращение к избирателям кандидатов в губернаторы В. Ильиных, С. Пархоменко, Ю. Перхуна, А. Новикова с призывом поддержать на выборах Г.В. Игумнова // Звезда. 18.12.1996.
13. Пересоленные боги // Эксперт Урал № 9(181). 07.03.2005. URL: <http://www.expert-ural.com/archive/9-181/peresolennie-bogi.html> (дата обращения: 13.04.2016).
14. Пермская область // Коммерсант. 21.11.2000. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/18010> (дата обращения: 13.04.2016).
15. Пермская область. Путеводитель. – М.: «Авангард», 2004.
16. *Петров Н.В.* Пермская область оказалась демократичнее Москвы и Санкт-Петербурга // Панорама исследований политики Прикамья: Альманах. Вып. 1. – Пермь, 2003. – С. 108–125.
17. *Печищев И.М.* Актуализация темы имиджа региона в пермской периодике последнего десятилетия // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Филология, искусствоведение. – 2007. – Вып. 15(93). – С. 102–109. URL: <http://www.dompasternaka.ru/library/detail.php?id=462> (дата обращения: 13.04.2016).
18. Прикамье в пиаре, или серые начинают и выигрывают // Пермский обозреватель. № 2. 20.01.2002.
19. Проект программы «Формирование региональной корпоративной идеологии в Пермской области». [Личный архив автора].
20. Проект региональной программы «Демократические традиции Прикамья». [Личный архив автора].
21. *Рязанцев И.П., Германов И.А.* Пермская область во втором полугодии 1996 года // Международный институт гуманитарно-политических исследований. URL: <http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/1996/1296/59.html> (дата обращения: 13.04.2016).
22. *Силаев Н.* Просвещенная олигархия // Эксперт. 03.04.2006. URL: http://expert.ru/expert/2006/13/oligarhicheskiy_stroy_mozhet_byt_effektivnym_77926/ (дата обращения: 13.04.2016).
23. *Старкова М.А.* Трансформация имиджа политической элиты Прикамья: конец XX века. URL: http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod_id=36&pod3_id=52 (дата обращения: 13.04.2016).
24. *Субботин А.* Прикамье-2003, или О пользе провинциальных комплексов // Новый компаньон. № 48. 30.12.2003.
25. *Титков А.С.* Образы регионов в российском массовом сознании // Политические исследования. – 1999. – № 3. – С. 73
26. *Фадеева Л.А.* Психологические основы политической поддержки региональной власти (на примере Пермской области). URL: http://elis.pstu.ru/index.php?a=9&pod_id=30&pod3_id=103 (дата обращения: 13.04.2016).
27. *Федотова С.* Реальная Пермь. 1996. Первые выборы губернатора. URL: <http://www.newsko.ru/articles/nk-2597729.html> (дата обращения: 13.04.2016).

**FIRST EXPERIENCE OF IDENTITY POLITICS IN PERM REGION
(1990s – early 2000s)**

M.V. Nazukina

Perm scientific center RAS UD

The article examines identity politics in Perm region in the 1990-s and early 2000s. For the first period of the 1990s, the predominant sense of positioning was economic markers of the region's uniqueness and the value of stability, whereas identity politics itself was not accented. The period of Yuri Trutnev's governorship was characterized by an increased attention to the image of the region. The key discourses of identity became liberalism and the region's pioneering attitude.

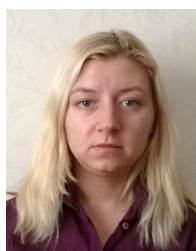
Keywords: identity, identity politics, regional myth, the image of the region, Perm oblast, G.V. Igumnov, Y.P. Trutnev.

Сведения об авторе

Назукина Мария Викторовна, кандидат политических наук, научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов, Пермский научный центр УрО РАН (ПНЦ УрО РАН), 614990, г. Пермь, ул. Ленина, 13А; e-mail: nazukina@mail.ru

Материал поступил в редакцию 23.11.2016 г.

ЛОКАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ В СИСТЕМЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ ГОРОДОВ УРАЛА*

Р.И. Петрова,
Пермский научный центр
УрО РАН;
Пермский государственный
национальный
исследовательский
университет

Статья посвящена особенностям актуализации локальной идентичности в городах Свердловской и Челябинской областей. Разработано несколько блоков и индикаторов для анализа локальной идентичности, которые позволили определить базовые смысловые характеристики локальной идентичности Нижнего Тагила, Каменск-Уральского, Магнитогорска и Миасса.

Ключевые слова: локальная идентичность, бренд, социальное самочувствие, маркеры идентичности, символическая политика, город, Урал.

Локальная идентичность является наиболее приближенным уровнем пространственной организации жизни сообщества, основанной на совокупности эмоциональных значений, смыслов, являющихся важными для самоидентификации человека [3]. Предполагается, что определить актуализацию локальной идентичности можно через следующий набор индикаторов:

- самоидентификация с территорией;
- осмысление особенности статуса территории в региональном пространстве, в том числе на фоне иных городов;
- выраженный локальный патриотизм (чувство гордости за город);
- наличие локального бренда или выраженного вектора позиционирования города;
- низкое миграционное сальдо и высокий уровень удовлетворения местными

властями и уровнем жизни.

В соответствии с индикаторами была разработана анкета для проведения исследования в Свердловской и Челябинской областях, содержащая следующие блоки:

1. Осмысление образа территории и города. Специфика особенности места определяется через категории: природа, экономика, география, люди и др.

2. Осмысление места и специфики города в региональном пространстве. Выполнение функциональных и значимых ролей в регионе.

3. Определение историко-культурных и этнокультурных традиций, мифов места.

4. Определение символов и героев места. Знаменитые уроженцы и земляки, «гении места», значимые монументы и памятники.

5. Осмысление привлекательности

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, научный проект № 15-13-59005 «Соотношение уровней территориальной идентичности: Пермский край на фоне России».

места для туристов, инвесторов и жителей. Имидж и позиционирование места.

Экспертное интервью было проведено в четырех городах Свердловской и Челябинской областей (Нижний Тагил, Каменск-Уральский, Магнитогорск и Миасс). Всего было проведено 29 экспертных интервью с представителями локальных сообществ (локальной элиты). Дополнительно использовался метод дискурс-анализа материалов городских медиа- и социальных сетей. Наполнение образами и характеристиками места анализировалось через выделение базовых лексем («узловых точек»), нагруженных определенным содержательным смыслом и символами, которые, в свою очередь, связаны с индикаторами исследования:

1) уникальность города – базовые характеристики, через которые определяется специфика города (экономические, культурные, политические, исторические и пр.);

2) персонификация или культурные герои города (легендарные и реальные персоны);

3) экономическая дискурс-оценка социального самочувствия и удовлетворения социально-экономическим положением города;

4) бренд города – образы, позиционирующие место, характеризующиеся по типам: привлекательного места жительства, инвестиций и бизнеса, туризма.

Данная работа является продолжением исследования локального уровня территориальной идентичности жителей городов Пермского края, где методика и модель исследования прописаны более подробно [4].

Нижний Тагил – второй по величине город в Свердловской области, где проживает около 360 тысяч человек. Идентичность города главным образом связана с его промышленным прошлым и настоящим, попытками возродить территорию как «крупнейшего промышленного центра Урала», «железного царства».

В центре символического ряда Тагила

выступает единственный в России музей-завод – Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводский Урал». «Железо с клеймом «Старый соболю» из Нижнетагильских заводов было известно почти во всем мире, европейцами покупалось, считалось «одним из лучших», «уникальным памятником индустриальной культуры России и Урала», – отмечают эксперты. Толчком в развитии промышленности, как и еще одним значимым символом города, является династия Демидовых. «Демидовы – основатели города, владельцы тагильских заводов»; «благодаря Демидовым в городе развивались не только заводы, но и культура, образование».

Попытки возродить интерес и значимость к памятнику индустриальной культуры предпринимаются уже около 20 лет. Первый проект «Индустриально-ландшафтный Демидов-парк» был представлен еще в 1994 году, где основной задачей было сохранение и развитие территорий музея – завода и связанных с ним других металлургических производств. «Этот проект – вторая жизнь для музея»; «сохранение еще имеющегося наследия и воссоздание утраченного». Наряду с пониманием важности реализации проекта экспертами выражается и некоторый скепсис: «сколько было обещаний начать реконструкцию завода, необходимы большие инвестиции».

Ориентация и идентификация города как промышленного центра подтверждается и тем, что в 2013 году музей-заповедник «Горнозаводский Урал» участвовал в конкурсе «Россия 10», проводимый телеканалом «Россия 1» и Русским географическим обществом с целью отобрать 10 визуальных символов России. Участие в этом конкурсе воспринимается с гордостью. «Наш музей прошел во второй этап. И это о многом говорит!».

Позитивно оценивается реконструированный музей «Демидовская дача», который используется сейчас как современный досуговый центр. «Демидовская Усадьба – одно из самых живописных мест в городе»; «там воссозданы интерьеры»

ры и быт XIX века»; «прекрасный парк и панорамы пруда». В летнее время еженедельно в музее проводятся «Субботние променады», где организуются творческие площадки, мастер-классы, конкурсы.

В 2015 г. закончилась реконструкция еще одного значимого символа города – башни на Лисьей горе. В истории города башня служила как сторожевая наблюдательная, позже – как противопожарная каланча, тем самым в разные годы, имея разные функции, оставалась важным объектом для горожан. «Про нашу башню писали и поэты, и художники»; «а какой красивый вид открывается с башни на Тагил»; «башня – самая высокая точка Тагила».

Дополняет индустриальную идентичность и образ города «с характером» выпустившийся в годы Великой Отечественной войны в Нижнем Тагиле танк Т-34. Город в то время являлся крупнейшим в мире центром по производству этого оружия, и память об этом факте сохраняется, являясь также одним из предметов гордости. «Танки были самые лучшие, а наш город называли «Танкоград»; «есть замечательный музей бронетанковой техники, там и сами чертежи сохранились, и танки можно посмотреть».

Попытка брендинга территории предпринималась в 2014 г., когда администрация города объявила открытый конкурс идей по разработке туристического бренда города. Несмотря на то что конкурс признали состоявшимся, по решению организаторов первое место не присуждалось. Занявшие второе и третье место проекты в жизнь не воплотились. Поиски и конструирование бренда города продолжаются.

Каменск-Уральский – один из старейших промышленных городов Урала, расположенный на юге Свердловской области. Главной отличительной чертой города является его градообразующие предприятия и промышленная направленность. Лидирующие позиции в экономике города занимают цветная и черная металлургия. «У нас около 27 промышленных

предприятий, есть и радиозавод, литейный выпускает запчасти для самолетов, есть свой хлеб и молоко», «большинство жителей занято на предприятиях города». При этом социально-экономическое и экологическое положение города оценивается экспертами как неблагоприятное. «Инфраструктура города не развита, система общественного транспорта развалена»; «цены на съемное жилье, как в крупных городах, хотя зарплаты небольшие»; «из-за промышленных сбросов воздух сильно загрязнен», «река Исеть, к сожалению, уже давно считается непригодной для купания». О неблагоприятном статусе города свидетельствует и то, что он официально входит в список моногородов России с наиболее сложным социально-экономическим положением [2].

Несмотря на то что промышленная идентификация Каменск-Уральского как «города заводов» выходит на передний план, немаловажную роль в определении уникальности города играет его природа. Потенциал использования природного комплекса положительно оценивается экспертами и видится как основа туристической привлекательности города. «Скалы «Каменные ворота» и «Семь братьев» – это однозначно визитная карточка города»; «не зря ведь это место называют музеем под открытым небом»; «здесь можно полюбоваться уникальным сотворением природы»; «есть замечательная водная экскурсия по «Исетскому каньону», можно увидеть сразу все природные места в акватории реки Исеть»; «скалы «Три пещеры», «Говорливый камень» и «Пельмень-камень» образуют настоящий каньон».

Значимым объектом города выступает Колокольный завод Пяткова и компании, он считается главным колокольным производством России, а город негласно получил статус колокольной столицы. С этим связана еще одна традиция Каменск-Уральского – ежегодный фестиваль колокольного звона, проводимый в городе, куда съезжаются лучшие звонари со всей России.

Магнитогорск – город, расположенный на юго-западе Челябинской области, с населением 409 300 человек (2012 г.). Появление города было связано с освоением запасов железной руды горы Магнитной, что в дальнейшем предопределило строительство Магнитогорского металлургического комбината, ставшего основой города. Являясь первым социалистическим городом в мире, Магнитогорск сохранил уникальное архитектурное наследие. В связи с этим основная характеристика, через которую определяется специфика города, связана с промышленной сущностью с советским окрасом. «Рабочий и советский»; «город со своим лицом, с сильным характером, добрый и работающий»; «местные обычно делят Магнитку на левобережную – «азиатскую», промышленную, с «рабочими кварталами» и архитектурой в стиле сталинского ампира, и правобережную часть города – «европейскую», где встречаются панельные дома брежневской эпохи, хрущевки, новостройки, множество респектабельных частных поселков».

В свою очередь основные символы города так или иначе связаны с памятью и гордостью за промышленное наследие. Важными с этой точки зрения, по оценке экспертов, являются памятник «Палатка первых строителей Магнитогорска», расположенный в парковой зоне близ городского пруда, памятник «Металлург», монумент «Тыл – фронту».

Наряду с существующими промышленными образами и советской архитектурой, конструированием идентичности современного Магнитогорска совместными усилиями занимаются местные власти и общественность. Разработка бренда города началась в 2010 г., путем голосования горожане выбрали слоган «Магнитогорск – место встречи Европы и Азии», который впоследствии стал основой нового имиджа города [1]. Позже по итогам конкурса был выбран визуальный образ бренда, в основе которого мост, соединяющий Европу и Азию, две части города, находящиеся в разных частях света, а также

идея связать духовное прошлое и индустриальное настоящее. Положительно оценивается реализация символической политики через выпуск учебников краеведения для школьников 9–11-х классов об истории города. «Дети совсем не знают истории своего родного города, о важных датах, людях и местах. А это знать необходимо»; «учебник – это отличная идея, там собрана история, начиная с легенд о горе Магнитной до событий последних лет».

Хоккейный клуб «Металлург» – еще один символ и гордость города, является одним из самых успешных российских клубов по количеству выигранных титулов. Одной из популярных персон города является воспитанник хоккейной школы магнитогорского «Металлурга» Евгений Малкин, ныне успешный и прославленный хоккеист.

Миасс – город, расположенный в 96 км к юго-западу от Челябинска на восточном склоне Южного Урала. Население города составляет 151 387 человек (2016 г.). Уникальность города осмысливается в нескольких плоскостях, где на первое место ставятся его географическое положение и природное богатство: «Город наш называют «Уральской Швейцарией» – живописные горы находятся в окружении сотен чистейших озер». С особой теплотой и гордостью эксперты отзываются об озере Тургойак: «жемчужина Урала, второе по чистоте озеро после Байкала». Привлекательность и уникальность природных мест считаются перспективными для развития туризма и города в целом: «у нас в любое время красиво и есть чем заняться и что посмотреть туристам. Зимой – горнолыжные центры, а летом отдых на природе у озер», «привлекая туристов, расширяется и инфраструктура города».

Также можно отметить высокий уровень идентификации с местом и доминирующий позитивный образ города: «в целом хороший город. Хороший из-за своего географического положения. Здесь рядом красивейшая природа: горы, озера,

чистый воздух... Пожалуй, природный фактор и несуетливость – это преимущества города»; «Экология и природа у нас – да, хорошая. Много добрых, душевных, внимательных и образованных людей»; «Очень чистый воздух, живешь, как будто в санатории».

Следующий важный пласт смыслов уникальности города связан с его градообразующими предприятиями. Изначально появление города определило строительство в 1773 году медеплавильного завода, а благодаря разработке месторождения золота до XX века золотодобыча оставалась градообразующим производством. В настоящее время ведущими предприятиями города являются автомобильный завод «Урал», выпускающий большегрузные автомобили, и Государственный ракетный центр, создающий ракетные комплексы для обороны страны. При упоминании ракетного центра особое почтение выражается его основателю академику Виктору Макееву, которому в городе установлен памятник. «Макеев был легендарным человеком. Ученый, создатель конструкторского направления».

Значимым смыслом локальной идентичности выступает герб города – золотой лось на синем фоне, что отражает исторические и географические особенности Миасса. «Лось – это визитная карточка города»; «Лось – приветственный знак, встречает жителей и гостей на въезде в город».

Резюмируя, можно отметить, что во всех рассмотренных случаях одно из центральных мест в актуализации локальной идентичности занимает экономическая направленность и историческое наследие города. Маркировка культурного пространства, эмоциональная привязка к месту, выражение любви к «малой родине» позволяют говорить о приоритете локальной идентичности.

Схожие по своему промышленному происхождению и профилю города Урала, тем не менее, по-разному расставляют предпочтения и маркируют пространство. В локальной идентичности Миасса на первое место ставится географическое расположение города, природные богатства, хорошая экология, в этом видится большой потенциал для развития. Обращение к индустриальной культуре и ее возрождение является определением уникальности Нижнего Тагила. Промышленная идентификация Каменск-Уральского как «города заводов» формирует локальную идентичность и выстраивает основные смыслы и символы. Магнитогорск, сохраняя внешний облик «рабочего и советского», ориентирован на создание имиджа современного и динамичного. Из четырех городов только в Магнитогорске можно наблюдать попытки системного брендинга, проводимого с привлечением местного сообщества (таблица).

Распределение по символическим рядам

Город	Уникальность, специфика места	Герои	Экономическая дискурс-оценка	Бренд города
Нижний Тагил	1. Промышленность, заводы 2. История	Династия Демидовых, Братья Черепановы, Династия Худояровых	Средняя	Индустриальная культура («Музей-завод»)
Каменск-Уральский	1. Моногород 2. Природа	Н. Пятков	Слабая, проблемная	Производственный («Город заводов»)
Магнитогорск	1. Промышленность 2. История	Е. Малкин	Средняя	Культурный «Магнитогорск – место встречи Европы и Азии»
Миасс	1. Природа 2. Туризм 3. Промышленность 4. История	В. Макеев	Средняя	Природный туризм («Уральская Швейцария», «Золотой лось»)

Библиографический список

1. Бренд Магнитогорска [Электронный ресурс] URL: https://www.magnitogorsk.ru/index.php?option=com_k2&view=item&layout=item&id=2162&Itemid=1873&lang=ru (дата обращения: 20.08.2016).
2. Моногорода России: полный список [Электронный ресурс] URL: <https://regnum.ru/news/economy/1886332.html> (дата обращения: 18.07.2016).
3. Назукина М.В. Локальная идентичность // Идентичность как категория политической науки: в 2 т. – Т. 1. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – С. 140–143.
4. Назукина М.В., Петрова Р.И. Локальный уровень в матрице территориальной идентичности жителей Пермского края // Вестник Пермского университета. Сер. «Политология». – 2015. – № 4. – С. 127–143.

**THE LOCAL LEVEL IN THE SYSTEM OF TERRITORIAL IDENTITIES
OF URAL CITIES**

R.I. Petrova

*Perm Scientific Centre RAS UD
Perm State University*

The article is devoted to the peculiarities of actualization of local identity in the cities of Sverdlovsk and Chelyabinsk oblast. Several blocks and indicators have been developed to analyze local identity, which allowed determining the basic semantic characteristics of local identity of Nizhny Tagil, Kamensk-Uralsky, Magnitogorsk and Miass.

Keywords: local identity, brand, social well-being, identity markers, symbolic politics, city, the Urals.

Сведения об авторе

Петрова Регина Игоревна, старший лаборант-исследователь отдела по исследованию политических институтов и процессов, Пермский научный центр УрО РАН (ПНЦ УрО РАН), 614990, г. Пермь, ул. Ленина, 13А; ассистент кафедры политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет (ПГНИУ), 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: rance.regina@mail.ru

Материал поступил в редакцию 24.08.2016 г.

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ: ДИСКУРСЫ И ПРАКТИКИ

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК РЕСУРС ПРЕДВЫБОРНОЙ БОРЬБЫ (на примере выборов губернаторов 2012–2015 гг.)

Д.А. Ширинкин

Рассматриваются практики использования региональной идентичности в качестве символического ресурса на примере выборов губернаторов 2012–2015 гг. (в частности, на материале кампаний по выборам губернатора в Забайкальском крае 2013 г., Брянской области 2012 г., Смоленской области 2013 г., Красноярском крае 2014 г., Краснодарском крае 2015 г.). Критерии актуализации дискурса региональной идентичности предлагается выявлять через призму моделей воспроизводства власти, актуализированных на вновь введенных в российскую политическую практику выборах глав регионов.

Ключевые слова: региональная идентичность, выборы, губернаторы, регионы, варяг, инкубент.

Возвращение в политическую практику процедуры выборов глав субъектов России вновь актуализировало использование региональной идентичности в качестве символического ресурса предвыборной борьбы. Однако, учитывая тот факт, что выборы губернаторов «вернулись» в несколько измененном виде как в процедурном, так и в общественно-политическом контексте, и являясь, по сути, механизмом легитимации кадровых решений в губернаторском корпусе, проводимых федеральным центром, фактор территориальной идентичности на выборах 2012–2015 гг. проявлялся с несколько смещенным относительно периода 1995–2004 гг. фокусом.

Целью настоящей статьи является рассмотрение роли и интенсивности использования ресурса региональной идентичности на вновь введенных в российскую

политическую практику выборах губернаторов через призму предложенной типологии моделей воспроизводства власти, формирующих основную повестку выборных кампаний.

Для выявления индикаторов и стратегий использования региональной идентичности на губернаторских выборах регионы (в которых проходили кампании), составляющие выборку, были отобраны по принципу учета модели воспроизводства власти. По состоянию на середину 2016 года, исходя из проведенных кампаний и их результатов, можно выделить следующие основные типы воспроизводства регионального руководства, перспективных для проявления региональной идентичности (таблица).

Тип 1 «Смена власти». Инкубент (местный/варяг), по причине своей от-

Типы воспроизводства власти на выборах губернаторов 2012–2015 гг.

Тип	Конфигурации предвыборной борьбы по идентификационному признаку кандидатов
Тип 1 «Смена власти» Инкумбент (местный/варяг), уступает пост (добровольная или досрочная отставка) врио губернатора (варяг)	Инкумбент – варяг; основной соперник – местный представитель парламентских партий Инкумбент – местный; основной соперник – варяг-представитель парламентской партии
Тип 2 «Переизбирающийся инкумбент» (по причине досрочных выборов либо окончания срока полномочий)	Инкумбент – местный/варяг; основной соперник – местный/варяг
Тип 3 «Местный преемник» Отставка инкумбента (как варяга, так и местного) и передача власти в регионе «местному» преемнику	Инкумбент – местный; основной соперник – местный/варяг

ставки, обстоятельства которой не имеют решающего значения, уступает пост **врио губернатора (варяг)**, который идет на выборы, имея временную легитимацию как кандидат от Кремля, поддерживаемую, в том числе, за счет личного авторитета президента. В регионах со слабо выраженной региональной идентичностью и/либо неблагоприятным социально-экономическим положением, как правило, вхождение в региональную повестку подобных кандидатов не вызывает особых трудностей и, в целом, зависит от того, как будут выстроены отношения врио и региональных элит в предвыборный период. В остальных случаях кандидатам, так или иначе, приходится затрагивать дискурс региональной идентичности в своей риторике. Данный тип подразумевает следующие конструкции предвыборного противостояния: **инкумбент (варяг) – местный представитель одной из парламентских партий**, по рангу не ниже руководителя фракции в региональной легислатуре, либо председателя/заместителя парламентского комитета, **инкумбент (местный) – варяг-представитель парламентской партии**, как правило, депутат Госдумы, не обязательно представляющий в парламенте регион, в котором проходят выборы.

Тип 2 «Переизбирающийся инкумбент». Второй тип, который наиболее часто встречался на губернаторских выборах в период 2012–2013 гг., предполагает наличие **инкумбента-кандидата**, получившего санкцию федерального центра на досрочное прекращение полномочий, либо с целью переизбрания на пря-

мых выборах, либо по причине окончания срока губернаторских полномочий инкумбента, и последующее назначение его врио до выборов. Данный тип дает большую вариативность конфигураций предвыборного противостояния в контексте какой-либо идентификационной принадлежности кандидатов к территории. Так, наиболее распространенная конфигурация представляет собой борьбу между инкумбентом местного происхождения либо в разной степени укоренившегося варяга и его основного соперника как «варяжского», так и местного происхождения, причем, как показал случай Иркутской области, где местный инкумбент проиграл во втором туре (абсолютно до этого нехарактерном явлении на губернаторских выборах после их возвращения) местному же кандидату от КПРФ, который, несмотря на длительную работу в Госдуме, не терял связи с регионом и в контексте региональной политической повестки оставался значимым политическим актором, не гарантирует инкумбенту автоматического переизбрания.

Тип 3 «Местный преемник». Третий тип, характеризующийся наиболее редким проявлением – своеобразная передача губернаторского поста от местного инкумбента, ушедшего в отставку (например, в связи с переходом на федеральный уровень), к местному преемнику (например, случай Краснодарского края, Пензенской области 2015 г.), прошедшему через прямые выборы, и абсолютно единичный случай передачи региона (именно передачи, т.к. отставки инкумбентов связаны с их

карьерным повышением, либо с уходом на пенсию) от губернатора-варяга к преемнику местного происхождения, проживающему и осуществляющему профессиональную деятельность в регионе (например, Ивановская область 2014 г., Забайкальский край 2016 г.). Как показал случай Ивановской области, врио губернатора П. Коньков, заменивший ушедшего в Правительство РФ М. Меня, успешного варяга «московского» происхождения, выиграл выборы с внушительными по среднероссийским меркам 80,32% процентами голосов [6], тем самым значительно превысив результат параллельно избиравшихся в других регионах как варягов-новичков, так и досрочно переизбиравшихся, но проработавших достаточный срок и узнаваемых в регионах опытных губернаторов не местного происхождения. При этом, не обладая выраженной харизмой, присущей его предшественнику, но, тем не менее, являясь видным представителем ключевой для региона текстильной отрасли и добившись в ее рамках определенных успехов, что в контексте Ивановской области является гораздо более важным идентификационным маркером, чем что-либо другое. Коньков неоднократно подчеркивал в своих высказываниях, что «текстиль – это не только главный бренд региона, но и его душа» [13].

Далее предлагается рассмотреть предложенную типологию на примерах конкретных избирательных кампаний, прошедших в период с 2012 по 2015 г., в рамках которых дискурс региональной идентичности так или иначе был актуализирован либо имел предпосылки к актуализации.

***Пример Забайкальского края 2013, 2016
(Тип 1, «от местного к варягу»)***

Депутат Госдумы от Забайкальского края (член фракции «Справедливая Россия») К. Ильковский, назначенный президентом и.о. губернатора, и ранее рассматривался экспертами как один из перспективных кандидатов на губернаторскую должность. Среди положительных сторон кандидата – его сравнительно молодой

возраст (48 лет), богатый управленческий опыт как в сфере бизнеса, так и на госслужбе и его выраженная заинтересованность в регионе, поскольку Ильковский, будучи депутатом Госдумы, избранным от Байкальского края, не терял связь с регионом, часто бывал на его территории, активно участвовал в обсуждении внутререгиональных проблем и позволял себе резкую критику действующего краевого правительства [8]. В то же время его положение существенно осложняло то, что он состоял членом партии «Справедливая Россия», по мнению экспертов, это являлось основным барьером для назначения К. Ильковского врио губернатора. Тот факт, что К. Ильковский был выходцем из республики Саха (Якутия), создавал ему определенные сложности при «вхождении» в регион, долгое время управлявшийся исключительно местными политическими элитами. Вскоре после назначения временно исполняющего обязанности в его адрес последовал ряд критических публикаций региональных СМИ, в том числе опубликованная в газете «Коммерсантъ» информация об обращении забайкальских единороссов к В. Путину с просьбой разрешить партии выдвинуть своего кандидата на выборы губернатора, а на улицах Читы появились баннеры газеты «Вечёрка» с провокационной надписью «Незванный гость хуже татарина» [4], вероятно, обыгрывающей национальную принадлежность бывшего губернатора.

Помимо К. Ильковского, заявлявшего о желании участвовать в выборах еще до его назначения исполняющим обязанности, в кампании также принял участие бывший вице-премьер региона по финансово-экономическим вопросам А. Кошелев, который на старте кампании позиционировал себя как самый сильный конкурент для К. Ильковского. А. Кошелев всячески подчеркивал свое местное происхождение, прямо противопоставляя себя варягу К. Ильковскому. Однако, по причине неудавшейся попытки прохождения муниципального фильтра, А. Кошелев так и не был зарегистрирован и вы-

был из предвыборной гонки. Несмотря на это, в окрестностях Читы успели появиться билборды кандидата А. Кошелева.

Визуальная стратегия неудавшейся кампании Кошелева подразумевала использование региональной идентичности в контексте завуалированного противопоставления себя (А. Кошелева), как коренного забайкальца, и Ильковского, как варяга. Налицо очередная актуализация противопоставления «свой-чужой» в контексте выборов с участием варяга. Основной посыл кандидата заключается в лозунге «ЗАбайкалец!», в котором семантически и визуально обыграны призыв к голосованию за кандидата и его территориальная принадлежность (рис. 1).

Рис. 1 [18]

В целом, кампания прошла неярко и ровно во многом потому, что поддержанный Президентом К. Ильковский удовлетворял запрос края на обновление региональной элиты. Сами выборы прошли при достаточно низкой явке 33,24%, из которых 71,63% набрал К. Ильковский [5]. В агитационном компоненте кампании К. Ильковского основной акцент делался на обновление региональной власти, которое после длительного руководства краем его предшественника интерпретировалось как обновление региона в целом.

**Пример Брянской области, 2012
(Тип 2, противостояние
«местный-варяг»)**

Среди прочих, самыми высококонкурентными в 2012 году стали выборы губернатора Брянской области. Действующему губернатору Н. Денину, у которого

подходил к концу очередной срок полномочий (один из редких случаев, когда инкумбент участвовал не в досрочных выборах в качестве врио), серьезную конкуренцию составил представитель КПРФ В. Потомский, на тот момент депутат Госдумы. Остальные зарегистрированные кандидаты снялись с выборов в пользу Н. Денина.

В первую очередь, кампания явила себя как ставший впоследствии одним из классических, пример актуализации дискурса региональной идентичности на вновь введенных в политическую практику губернаторских выборах. Кампания интересна еще и тем, что впервые в новейшей политической практике статус варяга имел не инкумбент, а «второстепенный» кандидат. Выходец из Ленинградской области В. Потомский, ранее никак не проявлявший себя на политическом поле Брянской области и с подачи сторонников конкурента быстро начавший восприниматься частью населения как «чужак» и «варяг», тем не менее, не стал предпринимать попыток нивелировать эти статусы, но и не выделял их.

Напротив, в публичных выступлениях он подчеркивал, что пришел в Брянскую область из успешного региона (имея в виду Ленинградскую область), который достиг успеха не без его вклада, и того же он будет добиваться и здесь [12]. Вопросы формирования команды В. Потомский планировал решать, не учитывая партийную и идеологическую принадлежность, опираясь исключительно на профессионализм специалистов, публично заявив, что «этих специалистов он найдет здесь» (в Брянской обл.). В. Потомский нередко упрекал действующую областную власть в халатности, отмечая, что выгодное географическое положение области никак не используется для контактов с соседними странами в рамках ВТО, когда, по его мнению, «лучшего региона для этого нет» [12].

Визуальная составляющая кампании инкумбента, традиционно для оппонирования сопернику-варягу, состояла из контента, иллюстрирующего, во-первых, ме-

стное происхождение инкубента и, во-вторых, его личностные особенности, присущие только уроженцу «брянщины». Временное выбывание Н. Денина из губернаторской гонки и последующее восстановление его как кандидата в агитации нашло отражение в жанре политической листовки [1] под заголовком «Брянский характер» и подзаголовком «Брянские не сдаются» (рис. 2).

Рис. 2 [19]

Визуальная агитация Вадима Потомского не содержала региональной тематики и в основном отличалась призывами к смене региональной власти. В частности, на одном из билбордов в качестве лозунга использовался парафраз песни группы «Кино»: «Наши сердца требуют перемен».

Н. Денин выиграл выборы с результатом 66%, в то время как В. Потомский уступил ему с результатом 33%. Высокий процент поддержки «чужака» В. Потомского на губернаторских выборах в Брянской области и «скандальный» характер самих выборов, обеспечивший В. Потомскому известность в среде федеральной элиты, позволили ему в будущем получить право на вторую попытку участия в губернаторских выборах на территории другого региона и на качественно иных условиях.

Случай Смоленской области (Тип 2, «инкубент-варяг, досрочные выборы»)

В отличие от Нижегородской области губернаторская кампания в Смоленской

области, несмотря на схожую типологию, отличалась выраженным наличием региональных мотивов. Губернатор А. Островский, назначенный в Смоленский регион в 2012 году, на стыке смены эпох формирования губернаторского корпуса, еще до подписания президентом закона «о выборах губернаторов», имел право не участвовать в губернаторских выборах, пройдя через процедуру «наделения полномочиями» Законодательным собранием. Наконец, в мае 2015 года, А. Островскому удалось добиться санкции федерального центра на досрочное переизбрание [2].

Референдумный тип кампании подчеркивает также отказ партии «Единая Россия» выставлять на выборы своего кандидата (сам А. Островский является членом ЛДПР). Кампания А. Островского как кандидата, вся жизнь и профессиональная деятельность которого никак и никогда не была связана со Смоленской областью, сопровождалась обширными символическими жестами, затрагивающими региональную идентичность. Так, за месяц до выборов в региональных СМИ появилась новость о том, что А. Островский в прямом смысле стал смолянином [3]. Губернатор сменил свою московскую прописку на регистрацию в типовой, солидного возраста, панельной девятиэтажке Смоленска.

В данном случае региональная идентичность задействуется как электоральная технология. Вероятно, столь поздний срок для совершения такого символического шага и неразглашение его в официальном дискурсе кампании означает, что смена прописки и территориальной идентификации А. Островского должна была быть использована не только в символической, но и практической плоскости. Речь в данном контексте идет о графе в избирательном бюллетене «о месте постоянного проживания (регистрации)» кандидата. Москва, как обозначенное место проживания кандидата в губернаторы и в то же время лица уже несколько лет руководившего регионом, в момент выборов и фактического завершения кампании, вероятно, это могло

сыграть злую шутку и оттолкнуть внушительную часть потенциальных избирателей, тем самым создать угрозу второго тура, к которому, исходя из референдумного сценария кампании, штаб А. Островского был не готов.

А. Островский всячески пытался снять «негативный заряд» своего варяжского статуса. В эфире одной из местных радиостанций он отмечал: «Смоленская область не является для меня родной от рождения. Но на самом деле она для меня давно стала родной. Я с этой замечательной областью связан 14 лет. 10 лет представлял ее в Государственной Думе. Избирался от Смоленской области, курировал ее. Поэтому когда почти 4 года назад... я уже ехал принимать дела в абсолютно знакомый, понятный мне регион» [11]. Обоснованность назначения «варяга» А. Островский обосновывал тем, что «мои (А. Островского, прим. авт.) предшественники не смогли решить конфликты элит, конфликты между властью субъекта и властью муниципальной» [11].

Визуализацию региональной идентичности в кампании А. Островского, по типологии А.Ю. Щербакова, по типу примененных маркеров можно назвать «персоналистской» (знаковые персоны, непосредственно связанные с территорией) [17]. На избирательных плакатах А. Островский появлялся вместе со значимыми для регио-

на общественными деятелями, пользующимися авторитетом у жителей региона.

Стоит отметить, что в целом данный шаг имел, скорее, отрицательный эффект, вызвав череду скандалов, суть которых состояла в том, что А. Островского обвиняли в том, что на плакатах он был обозначен как «Глава Смоленской области» в то время, как он находился в статусе врио губернатора, а также в публичном дискурсе активно обсуждался факт того, что большинство общественных деятелей, представленных в агитационных материалах (рис. 3), являлись подчиненными Островского как губернатора, что было интерпретировано как использование кандидатом А. Островским административного ресурса [15].

После формирования окончательного списка кандидатов на губернаторский пост в кампании проявился феномен московборчества. В одном из местных СМИ появилась статья под заголовком «Смоленской областью хотят управлять москвичи», в которой описывалась ситуация, когда трое из девяти зарегистрированных кандидатов москвичи, в их числе и сам А. Островский, еще не успевший к тому моменту сменить свою регистрацию [16].

Кандидат от партии «Справедливая Россия», бывший глава Смоленска Сергей Лебедев в своем агитационном видеоролике радикально обозначил оппозицию «Свой-чужой». В ролике, который начина-

Рис. 3. Источник: Попробуй отказаться! Власть в Смоленской области включила аппаратный ресурс // Смоленская народная газета. 2015. 29 июля. [Электронный ресурс]. URL: <http://smolnarod.ru/politroom/poprobuj-otkazatsya/> (дата обращения: 20.06.2016)

ется с символического изображения административных границ региона, стилизованного под цвета кампании, появляется мужчина пенсионного возраста, представленный как председатель ТОС одного из районов Смоленска, который в форме возмущения повествует о том, что «главу администрации привезли откуда-то с Дальнего Востока, губернатор приезжий из Москвы, у нас что, нет своих грамотных и образованных людей?», после чего голос за кадром на фоне все той же карты Смоленской области уточняет: «Чтобы надежды смолян оправдались, им предстоит избрать своего, смоленского губернатора». После этого в кадре появляется Сергей Лебедев, который повествует о своей глубокой территориальной принадлежности к региону: «Я родился и вырос на Смоленской земле...». Ролик заканчивается демонстрацией лозунга «С. Лебедев – Смоленский губернатор», семантически обыгрывая двойственность толкования смысла словосочетания «Смоленский губернатор».

Подобная стратегия оказалась эффективной и способствовала получению С. Лебедевым второго места по итогам выборов с результатом 12,42% голосов [7]. А. Островский выиграл выборы с результатом 65,18% голосов, что представляет собой достаточно стандартный показатель для вновь введенных в политическую практику губернаторских выборов с учетом того, что переизбиравшийся инкубент находится в статусе «варяга», которому, несмотря на продолжительное присутствие в регионе, в полной мере не удалось войти в регион как полноценному главе области и который воспринимался лишь как временный московский назначенец.

***Случай Красноярского края 2015
(Тип 2, «от варяга к варягу»)***

После перехода губернатора Красноярского края Л. Кузнецова на федеральный уровень (был назначен министром по делам Северного Кавказа) врио губернатора был назначен Полпред Президента в СФО, а также бывший губернатор (2000–2010 гг.) Новосибирской области В. Толо-

конский. Новоназначенный руководитель края полностью подпадал под представления о классическом варяге в стилистике кадровой политики федерального центра периода 2009–2012 гг., его положение «отягощалось» еще и продолжительным опытом руководства другим регионом (Новосибирской обл.), ко всему прочему, являющимся конкурентом Красноярского края внутри СФО. Несмотря на то что у В. Толоконского были все предпосылки для необходимости апелляции к дискурсу региональной идентичности в рамках своей кампании, предпочтение было отдано общефедеральной повестке, а ресурс региональной идентичности заменен технологией создания видимости активной поддержки на выборах кандидатуры В. Толоконского Президентом России.

Основным контентом визуальной и полиграфической продукции кандидата В. Толоконского были совместные фото с президентом. В целом, кампания характеризовалась низкой конкурентностью, референдумным характером и выраженным апеллированием к проблемам краевой промышленности. Низкая степень актуализации дискурса региональной идентичности в рамках предвыборной кампании и относительное равнодушие к территориальному происхождению В. Толоконского, вероятно, объясняется выработавшимся иммунитетом региона к губернаторам-варягам, начавшего свое формирование в 1998 году, когда в ходе одной из самых финансово дорогостоящих губернаторских кампаний главой региона был избран первый для края варяг А. Лебедь, позже получивший в регионе прозвище «генерал-губернатор». Начиная с 1998 года в регион не назначалось (и не было избрано) ни одного губернатора, который подходил бы под критерии «местного».

***Пример Краснодарского края 2015
(Тип 3, «местный преемник»)***

Случай передачи губернаторского поста «от местного к местному» в основном нашел свою актуализацию в выборном цикле 2015 года. Показателен пример

Красноярского края, где стратегия региональной идентичности нового главы региона была обозначена непосредственно в момент его назначения врио губернатора на приеме у президента. Новый глава региона В. Кондратьев, продолжительное время проработавший вице-губернатором в администрации А. Ткачева и в 2014 году на время покинувший регион для работы в Управлении делами Президента РФ (столь малый срок работы в столице не позволяет считать его полуварягом-возвращенцем [14]), сразу после объявления о его назначении затронул крайне важную для потенциального руководителя края тему казачества. В частности, В. Кондратьев подчеркнул, что в его понимании, казачество – не «фольклорная группа, а сплоченная, объединенная часть жителей края, сохранившая свою самобытность, принципы своих предков, веру в бога и безграничную любовь к своей земле» [9]. Фактор казачества был одной из основ регионального режима, выстроенного за годы управления регионом бывшего губернатора А. Ткачева.

Казачество в Краснодарском крае было задействовано А. Ткачевым как внушительный культурный, идеологический и в некоторых случаях силовой ресурс, крайне не лояльный краевому руководству. Тот факт, что тема казачества проявилась в первом выступлении В. Кондратьева, как временного и потенциально постоянного главы Краснодарского края, свидетельствует о преемственности стратегии региональной идентичности его предшествен-

ника А. Ткачева для максимально комфортного его преемнику «входа в регион» и последующего использования ресурса казачества в предвыборной кампании и в дальнейшем руководства регионом. После победы на выборах В. Кондратьев обозначил казачество как один из главных приоритетов своей политики и выразил намерение в перспективе значительно расширить полномочия казачества как структуры общественной безопасности [10].

В итоге можно заключить, что в контексте предложенной типологии воспроизводства региональной власти, актуализированной на губернаторских выборах, использование региональной идентичности в качестве ресурса предвыборной борьбы играет, по существу, вспомогательную роль, призванную обеспечить дополнительную легитимацию новоназначенному инкубенту-варягу и более мягкое «вхождение в регион». Для кандидатов, не имеющих статуса инкубента, но в то же время являющихся представителями местной политической элиты, стратегии региональной идентичности, вкуче с актуализацией оппозиции «своей-чужой», могут стать основным идеологическим наполнением для их предвыборных кампаний и, как показывает практика (см. случай Смоленской области, 2015), при активном ведении избирательной кампании эта стратегия производит определенный эффект, но в целом не дает выраженного преимущества перед кандидатом в статусе инкубента.

Библиографический список

1. *Ворожцова Н.В.* Предвыборный дискурс и его жанры. [Электронный ресурс]. URL: <https://docviewer.yandex.ru/?uid=131573837&url=yamail%3A%2F%2F159033361841524431%2F1.4&name=predvybornyy-diskurs-i-ego-zhanry.pdf&c=576b3cf3129a> (дата обращения 20.06.2016).
2. В. Путин назначил А. Островского врио губернатора Смоленской области. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.smolnews.ru/news/223896> (дата обращения 20.06.2016).
3. Врио губернатора Островский внезапно стал смолянином // Смоленская народная газета. 2015. 22 августа. [Электронный ресурс]. URL: <http://smolnarod.ru/sn/vrio-gubernatora-ostrovskij-vnezapno-stal-smolyaninom/> (дата обращения 20.06.2016).
4. Забайкальский край. [Электронный ресурс]. URL: <http://politcom.ru/13679.html> (дата обращения 25.02.2016).
5. Избирательная комиссия Забайкальского края. [Электронный ресурс]. URL: <http://zabkray.izbirkom.ru/way/949858/sx/art/952602/cp/1/br/949846.html/> (дата обращения 22.06.2016).

6. Избирательная комиссия Ивановской области. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ivanovo.vybory.izbirkom.ru/region/region/ivanovo?action=show&root=1&tvд=2372000693361&vrn=2372000693357®ion=37&global=&sub_region=37&prver=0&pronetvd=null&vibid=2372000693361&type=234 (дата обращения 21.06.2016).
7. Избирательная комиссия Смоленской области. [Электронный ресурс]. URL: http://www.smolensk.vybory.izbirkom.ru/region/region/smolensk?action=show&root=1&tvд=2672000696408&vrn=2672000696404®ion=67&global=&sub_region=67&prver=0&pronetvd=null&vibid=2672000696408&type=234 (дата обращения 20.06.2016).
8. Ильковский назначен врио губернатора Забайкальского края // Городской портал Чита.Ру. 2013. 28 февраля. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.chita.ru/news/46910/> (дата обращения 25.02.2016).
9. И.о. губернатора Краснодарского края назначен Вениамин Кондратьев. [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/r7n9r0-Jr0I> (дата обращения 21.06.2016).
10. «Казачество – это приоритет». Кондратьев требует расширить полномочия кубанских казаков. [Электронный ресурс]. URL: http://yasonews.ru/news/obchestvo/kazachestvo_eto_prioritet_kondratev_trebuеt_rasshiryat_polnomochiya_kubanskikh_kazakov/ (дата обращения 20.06.2016).
11. Как Алексей Островский стал губернатором. Кто от этого выиграл, а кто проиграл? // Газ. «О чем говорит Смоленск?». 2015. 3 декабря. [Электронный ресурс]. URL: http://smolensk-i.ru/authority/kak-aleksey-ostrovskiy-stal-gubernatorom-kto-ot-etogo-vyiigrал-a-kto-proigrал_134625 (дата обращения 20.06.2016).
12. Ответы на записки из зала на встрече с избирателями. [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/VdWS-OKDERY> (дата обращения 15.02.2016).
13. Павел Коньков: «Хлопчатобумажный текстиль – это наш бренд, наша жизнь и наша душа». [Электронный ресурс]. URL: <https://ivanovolive.ru/news/9962> (дата обращения 20.06.2016).
14. *Подвицнев О.Б.* Губернаторы-«варяги» и региональные политические элиты в современной России: условия и тенденции взаимодействия // Политэкс. – 2009. – Т. 5. – № 2.
15. Попробуй отказаться! Власть в Смоленской области включила аппаратный ресурс // Смоленская народная газета. 2015. 29 июля. [Электронный ресурс]. URL: <http://smolnarod.ru/politroom/poprobuj-otkazatsya/> (дата обращения: 20.06.2016).
16. Смоленской областью хотят управлять москвичи. [Электронный ресурс]. URL: <http://smolnarod.ru/sn/smolenskoj-oblastyu-hotyat-upravlyat-moskvichi/> (дата обращения 20.06.2016).
17. *Щербаков А.Ю.* Визуализация идентичности на региональных и местных выборах / Выступление на конференции «Визуализация выбора: история и современное состояние предвыборной агитации в России», Пермь, 22 апреля 2015 г.
18. Дениниана. «Лента.ру» о скандальной губернаторской гонке в Брянской области: репортаж. [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2012/10/12/bryansk/> (дата обращения 25.06.2016)

**REGIONAL IDENTITY AS A RESOURCE OF THE ELECTION STRUGGLE
(on the example of the gubernatorial elections in 2012–2015)**

D.A. Shirinkin

The article considers the practices of using regional identity as a symbolic resource on the example of the gubernatorial elections in 2012–2015 (in particular, based on the materials of the governors' campaigns in Zabaykalsky krai in 2013, Bryansk oblast in 2012, Smolensk oblast in 2013, Krasnoyarsk krai in 2014, Krasnodar krai in 2015). The criteria of actualization of the regional identity discourse are suggested to be revealed in the light of models of the reproduction of power, which became acute in Russian politics during the newly reintroduced practice of electing the heads of regions.

Keywords: regional identity, elections, governors, regions, outsider, incumbent.

Сведения об авторе

Ширинкин Денис Андреевич; e-mail: dw-20@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 22.08.2016 г.

ГЕРОИ-«ПЕРВООТКРЫВАТЕЛИ» В ИДЕНТИЧНОСТИ РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ДОМИНИРОВАНИЕ ДИСКУРСА УНИФИКАЦИИ

В.Д. Бедерсон,
Институт философии
и права УрО РАН;
Пермский государственный
национальный
исследовательский
университет

Рассматривается политика идентичности региональных политических элит на основе актуализации образов исторических персоналий в дальневосточных субъектах Российской Федерации. С помощью метода дискурс-анализа делается вывод, что на уровне персоналистской политики идентичности политические элиты российского Дальнего Востока выбирают в качестве политического ресурса образы «первооткрывателей» и проводят через них доминирующий дискурс унификации.

Ключевые слова: политика идентичности, региональная идентичность, Дальний Восток.

Настоящая статья посвящена дискурсивному анализу политики идентичности, в основе которой лежат образы исторических персоналий и которую проводят региональные политические элиты в регионах российского Дальнего Востока.

С методологической точки зрения статья опирается на синтез конструктивизма и инструментализма (как частное проявление теории рационального выбора). Мы исходим из того, что данный методологический фокус позволяет говорить об идентичности как политическом феномене более емко и конкретно: конструктивизм понимает идентичность как социальный конструкт, перекресток специфических практик и смыслов, а также вынуждает исследователя не забывать о ценностно-идейной составляющей, которая и

воспроизводится в практиках. Инструментализм же, в свою очередь, позволяет говорить на «политологическом языке», выделяя в процессе социального конструирования заинтересованных акторов, их ресурсы, стратегии и т.п. и понимая идентичность не столько как политическую цель, а как одну из политических возможностей для действий политических субъектов.

При этом такой синтез позволяет выстраивать исследовательскую теоретическую модель на двух уровнях аналитической абстракции: на «высоком» уровне мы разрабатываем теорию на новом эмпирическом материале, на «среднем» уровне – предлагаем конкретный аналитический концепт для анализа и изучения идентитарных и политико-символических

процессов в современной России.

Оба подхода имеют неоспоримые академические традиции. Так, среди ключевых авторов социального конструктивизма необходимо назвать П. Бергера, Т. Лукмана, Ф. Барта, Б. Андерсона, П. Бурдьё, И. Гофмана, Г. Гарфинкеля [1, 2, 4, 10, 12] и др. Важными теоретико-методологическими направлениями внутри конструктивизма (и даже выходящими в значительной мере за его пределы) являются теория практик [9] и теория фреймов [8], которые нацелены на структурирование и формулирование непосредственных аналитических техник изучения социальных и политических процессов как продуктов конструирования. Инструменталистское прочтение социально-политических и идентитарных процессов характерно, в частности, для Э. Хобсбаума, Т. Рейнджера, Р. Уортмана [19, 20, 22] и др. Данный подход опробован и достаточно проработан и на российском региональном материале [11, 17, 21].

В статье используются следующие ключевые понятия.

Политика идентичности, которая, вслед за Е.Ю. Цумаровой, понимается нами как «деятельность политических акторов по формированию как представлений о «мы-сообществе», так и чувства принадлежности к нему в границах политического сообщества». Соответственно целью политики идентичности является «укрепление позиций и легитимация властвующих институтов», а основными направлениями – «символизация пространства, ритуализация принадлежности к политическому сообществу, формирование образа «мы-сообщества» и установление границ «свой»–«чужой» [21, с. 32].

Персоналистский идентификатор – имеющий символическую и семиотическую природу структурный элемент региональной идентичности, отличающийся от иных тем, что в его основе лежит образ персоналии (персоналистский/персоналифицированный образ). В данном исследовании под персоналистскими идентификаторами понимаются только те персона-

листские образы, которые являют собой актуализацию *исторических персоналий*.

Другими словами, это лишь те персоналии, которые как конкретные личности (действующие политики, культурные, спортивные или общественные деятели) не существуют в настоящее время. По этой причине в поле анализа большей частью не входят образы современных персон, даже если они являются частью политики идентичности (например, образы действующих или недавних губернаторов в ряде регионов).

Однако исключение было сделано для тех персоналий, которые в соответствующих регионах можно без преувеличения отнести к «живым легендам», то есть те, вокруг которых в регионах уже сформирован и закреплён определенный миф, и данная персоналия, хоть и является ныне здравствующим человеком, в регионе не является активным актором общественно-политических процессов и, тем самым, не может изменить и не меняет миф в отношении себя.

Кроме того, персоналистские идентификаторы должны быть институционально закреплены в дискурсивном и, что важно, объективном (физическом) пространстве региона (их имена присвоены какому-либо учреждению, в их честь сооружены монументы, проводятся масштабные публичные мероприятия и т.д.). Еще один критерий выборки – включенность «героя» в элитистский идентитарный дискурс, то есть речь идет только о тех персоналистских идентификаторах, которые актуализируются региональной элитой.

Вне проведенного анализа остались мифологическо-легендарные антропоморфные персонажи (герои сказок, легенд, художественных произведений и т.п.).

Мы опираемся на авторскую типологию [3] дискурсов, конструируемых политикой идентичности региональных элит на основе актуализации персоналистских идентификаторов с точки зрения отношений регион–Центр. Типология выделяет три типа доминирующих дискурсов:

1. Дискурс унификации выражается в том, что кодировка смыслов актуализированного персоналистского идентификатора проявляется в логике «соподчинения» регионального идентитарного проекта общенациональному, государственному, «центральному». Другими словами, через доминирование данных персоналистских идентификаторов региональные элиты стремятся подчеркнуть, что регион является, прежде всего, частью общенационального культурного и символического пространства России.

2. Дискурс партикуляризации включает в себя такие смыслы, закладываемые элитами в актуализируемых идентификаторах, которые, в отличие от унификации, направлены на символическое обособление региональной «самости» от общенационального символического пространства. По своему содержанию данный дискурс, равно как и предыдущий, ориентирован на «значимого Другого», которым является Центр, общегосударственное символическое пространство. Но, в отличие от унификационного дискурса, партикуляристский направлен на поиск отличного, а не общего. Персоналистские идентификаторы партикуляристского дискурса выражают определенную логику дискриминации исторического влияния Центра на регион.

3. Дискурс уникализации имеет смыслом отражение уникальности региона без причастности к вопросу о вписывании или об отделении от общенационального пространства. Уникальность региона с помощью персоналистских идентификаторов в данном случае наполняется обозначениями роли персоналии для обретения «самости» и «особости» региона, которую не следует путать с «самостоятельностью».

Региональная идентичность регионов российского Дальнего Востока представляет собой идентичность регионов-форпостов России на окраине страны, как бы последних рубежей культуры, определенных ценностей и т.п. России. При этом

верно утверждение, что каждый из регионов может быть метафорически описан как «остров», т.е. территориально-социальное единство, окруженное внешней (очевидно, враждебной) средой, где сохраняется и поддерживается цивилизация и культура «метрополии» [5, 6].

Данное утверждение подкрепляется и отражается в отдельных элементах региональной идентичности дальневосточных регионов, в центре нашего внимания – образы героев в региональной идентичности регионов Дальнего Востока.

В обозначенной «островной» идентичности особую и, пожалуй, первостепенную роль играют «первооткрыватели» этого «острова», т.е. персоналии, сотворившие дело, чтобы «остров» стал частью государственного единства, принял для себя государственные социокультурные формы.

Важно отметить, что реальный исторический контекст для героизации персоналии в региональной идентичности не имеет принципиального значения, первостепенны смыслы, которые закладываются в образ героя и которые начинают воспроизводиться в массовом сознании регионального сообщества.

Среди героев-«первооткрывателей» дальневосточных регионов необходимо назвать Е. Хабарова, С. Дежнева, В. Беринга, И. Крузенштерна, Г. Невельского, Н. Муравьева-Амурского.

Достижение «открытия» не является единственной основной характеристикой героя-«первооткрывателя», собственно таковым героем делает его образ «государственника», т.е. герой не просто «технически» «первооткрывает» регион, но и вписывает в него специфические социокультурные и политические практики, делая регион частью политического государственного пространства. В связи с этим из названных исторических персоналий в региональной идентичности большинства регионов Дальнего Востока явно выделяется Н.Н. Муравьев-Амурский [18]. Важнейшее место этот герой занимает в идентичности Амурской об-

ласти, Хабаровского и Приморского краев, между которыми существует латентная борьба за конструирование культа героя. Так, например, независимо друг от друга в Амурской области и Хабаровском крае по распоряжению губернаторов регионов успешным и прилежным студентам выплачивается стипендия имени Н.Н. Муравьева-Амурского [13]. Кроме этого, имя героя запечатлено и в региональной топонимике: в Хабаровске есть памятник Муравьеву и улица в его честь, в Благовещенске, помимо улицы и памятника, именем героя названа областная библиотека, во Владивостоке также есть соответствующая улица, а сам Приморский край расположен на полуострове Муравьева-Амурского.

Герой Муравьев-Амурский в идентичностях трех названных регионов наделяется весьма размытыми и общими характеристиками, как то «выдающийся государственный деятель», «первооткрыватель», «выдающийся сын Отечества» и т.п., что подтверждает мысль о непринципиальности реального исторического содержания героя по сравнению с тем содержанием, которое с его помощью конструируют те или иные агенты идентичности (региональные элиты, интеллектуальные сообщества).

Нельзя не сказать о практике ассоциирования губернаторов названных регионов с деятельностью и героизированной личностью Муравьева-Амурского. Например, названные стипендии вручаются по инициативе и личному указу губернатора Амурской области О. Кожемяко и губернатора Хабаровского края В. Шпорта, об ассоциировании с героем ныне бывшего приморского губернатора С. Дарькина точно говорит цитата одного из его сторонников: *«Не знаю лучшего примера «эффективного менеджмента». Пожалуй, по масштабам в истории края у него остался один конкурент – граф Муравьев-Амурский»* [16].

Другие регионы Дальнего Востока на символический потенциал образа Муравьева не претендуют. Так, в идентично-

сти Камчатского края героизируются «первооткрыватели» С. Дежнев и особенно В. Беринг, которому в Петропавловске-Камчатском установлен памятник и именем которого названы улица и Морской университет. Образ Беринга, как и в случае с Муравьевым, актуализируется не столько в связи с его географическими и естественно-научными достижениями, сколько с «открытием» Камчатки для Петровского государства. В таком фрейме Беринг не столько путешественник, сколько государственный-«первооткрыватель». Подобным образом первопроходцы героизируются в идентичности Чукотского АО. Здесь не отдается явного предпочтения кому-либо из героев, важен сам факт создания некоего культа «первооткрывателя» на основе реальных исторических личностей, имеющих отношение к «открытиям» Чукотки.

Весьма показательна цитата из новостного материала с сайта губернатора ЧАО, посвященного презентации регионального проекта «Чукотка – территория открытий»: *«Он (проект – В.Б.) посвящен годовщине открытия Берингова пролива, осуществленного экспедицией Семена Дежнева в 1848 году. Губернатор Чукотского автономного округа Роман Копин является куратором проекта вместе со знаменитым исследователем Арктики и Антарктики, Героем Советского Союза и Российской Федерации Артуром Чилингаровым»* [14]. Показательно не только стремление губернатора ассоциироваться с «первооткрывателями» как прошлого, так и настоящего, но и непринципиальность реального исторического содержания (пролив, открытый экспедицией Дежнева на 200 лет раньше Беринга, очевидно, не мог называться на тот момент Беринговым, и более того, событие это произошло в 1648 году).

В Сахалинской и Магаданской областях мы не находим таких ярких примеров актуализации героев-«первооткрывателей» в региональной идентичности. Персоналистская инфраструктура в формате культов героев в Магаданской области

практически вообще отсутствует, во многом это объясняется слабой выраженностью самой региональной идентичности: «В регионе отсутствует четкое понимание относительно того, что объединяет людей кроме общего пространства и лагерного прошлого территории» [15]. В Сахалинской области же предпринимаются некоторые попытки актуализации героев для усиления региональной идентичности: сахалинская «особость» производится в данном случае через имена известных общероссийских писателей, посвятивших часть своего внимания или произведений Сахалину – А. Чехов, В. Пикуль. Характеристика «первооткрывателей» в случае данных героев неявно,

но все-таки в некоторой степени тоже присутствует – писатели «открывают» Сахалин для русской культуры, «прикрепляя» остров к ней.

Таким образом, мы можем заключить, что для региональной идентичности большинства регионов Дальнего Востока образ героя-«первооткрывателя» имеет первостепенное значение, при этом герой интуитивно наделяется политическими характеристиками, зачастую оторванными от исторического содержания. Герои-«первооткрыватели» символизируют собой включенность регионов-форпостов в общегосударственный смысловой фрейм, их защищенность, универсальность и в то же время особость.

Библиографический список

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М., 2001.
2. *Барт Ф.* Этнические группы и социальные границы. – М., 2006. – 200 с.
3. *Бедерсон В.Д.* Персоналистские образы как ресурс политики региональной идентичности в субъектах Российской Федерации: дис. ... канд. полит. наук. – Казань, 2016.
4. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
5. *Бляхер Л.Е.* Дальний Восток России: в поисках политической идентификации // Политическая наука. – 2005. – № 3. – С. 104.
6. *Бляхер Л.Е.* Политические мифы Дальнего Востока // Политические исследования. – 2004. – № 5. – С. 28–39.
7. *Бурдые П.* Социология политики / пер. с фр.; сост., общ. ред. и предисл. *Н.А. Шматко.* – М., 1993. – 336 с.
8. *Вахштайн В.С.* Социология повседневности и теория фреймов. – СПб., 2011. – 334 с.
9. *Волков В.В., Хархордин О.Л.* Теория практик. – СПб., 2008. – 298 с.
10. *Гарфинкель Г.* Исследования по этнометодологии. – СПб., 2007. – 335 с.
11. *Гельман В.Я., Попова Е.В.* Региональные политические элиты и стратегии региональной идентичности в современной России // Центр и региональные идентичности в России. – СПб., 2003. – С. 187–254.
12. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. – 304 с.
13. Губернатор края поощрил лучших представителей молодого поколения. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.khabkrai.ru/printversion.html?type=news&id=17461> (дата обращения 23.02.2012).
14. Губернатор представил проект «Чукотка – территория открытий». [Электронный ресурс]: URL: <http://www.rkopin-chukotka.ru/news/article.storyid/206.htm> (дата обращения 23.02.2012).
15. *Назукина М.В.* Региональная идентичность в современной России: типологический анализ: дис. ... канд. полит. наук. – Пермь, 2009.
16. Николай Морозов: Не верил я в Дарькина... а он оказался, как Муравьев-Амурский! [Электронный ресурс]: URL: <http://www.forumdv.info/news/?id=160496> (дата обращения 23.02.2012).
17. *Ножженко М.В., Белокурова Е.В.* Северо-Запад России: регион или регионы. – СПб.: Норма, 2010. – 164 с.
18. *Пирагис А.* Петропавловск-Камчатский. Улицы города рассказывают. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.piragis.ru/knigi-po-istorii-kamchatki/petropavlovsk-kamchatsky/pervoprohodscy-moreplavately-uchenye.html> (дата обращения 23.02.2012).
19. *Уортман Р.С.* Изобретение традиции в репрезентации российской монархии // Новое литературное обозрение. – 2002. – № 56. – С. 33–41.
20. *Уортман Р.С.* Сценарии власти. – М., 2004. – 597 с.

21. Цумарова Е.Ю. Политика идентичности в республике Карелия // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. Общественные и гуманитарные науки. – 2014. – № 1. – С. 39–41.
22. The Invention of Tradition / eds. by E. Hobsbawm, T. Ranger. – Cambridge, 2003. – 320 p.

**HEROES-«PIONEERS» OF THE IDENTITY OF FAR EAST REGIONS:
DOMINATION OF UNIFICATION DISCOURSE**

V.D. Bederson

*Institute of the philosophy and law of the Ural branch of the RAS
Perm state university*

The article considers identity politics of regional political elites, which is based on actualization of images of historical personalities in Far East regions. Using the discourse analysis method the author concludes that at the level of personalistic identity politics, political elites in the Russian Far East choose, as a political resource, images of «pioneers» and carry the dominant discourse of unification through them.

Keywords: identity politics, regional identity, the Far East.

Сведения об авторе

Бедерсон Всеволод Дмитриевич, младший научный сотрудник, Институт философии и права УрО РАН (ИФиП УрО РАН), 620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16; старший преподаватель кафедры политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет (ПГНИУ), 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15; e-mail: vsbederson@gmail.com

Материал поступил в редакцию 23.11.2016 г.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ГОСУДАРСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ УКРАИНЫ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД*

А. А. Плеханов,
Институт этнологии
и антропологии имени
Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Статья посвящена использованию тематики национального прошлого в посланиях президентов Украины. При помощи контент-анализа показано, к каким историческим периодам обращались президенты в своих посланиях. Проанализированы функции отсылок к национальному прошлому. Продемонстрированы общие тенденции обращения к историческим темам в посланиях президентов за последние 20 лет. Рассматриваются индивидуальные особенности дискурсивных практик четырех президентов Украины. Обращается внимание на связь исторической политики, идеологии и практик нациестроительства.

Ключевые слова: Украина, историческая политика, нациестроительство, элиты, идеология, политика памяти.

Нациестроительство и историческая политика

Распад биполярной системы мировых отношений дал импульс к развитию процессов трансформации политических систем в странах бывшего социалистического лагеря. Вместе с глобализацией на пространстве Восточной Европы и бывшего Советского Союза происходят процессы изменения национальных, религиозных, культурных идентичностей.

Украинская элита, следуя примерам государств Восточной Европы, реализует активную политику национального строительства. Реальная практика политических решений продемонстрировала, что этнополитическая ситуация оказалась

сложнее, чем представлялось политикам в начале 90-х гг. Принятое решение о построении государства по модели унитарного национального государства (nation state) столкнулось с рядом проблем ввиду политической мобилизации нескольких этнических групп, имеющих представления о себе как о нации и наличии своей национальной территории [6, с. 134–135]. В течение 25 лет украинской государственности неоднократно давали о себе знать конфликтные этнополитические ситуации; внутри- и внешнеполитический кризис 2013–2014 гг. и последовавший за ним конфликт на востоке страны показал колоссальные проблемы в сфере реализации национального строительства.

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 15-18-00099.

Вместе с тем Украина в настоящий момент переживает период активного нациестроительства. Социолог И. Валлерстайн в своих рассуждениях о формировании наций отмечает: «Чтобы создать нацию, нужно восстановить ее историю и долгую хронологию (многое при этом приходится придумывать)...» [1, с. 139–140]. Анализ практик нациестроительства также неотделим от феномена исторической политики. Историк А.И. Миллер определяет ее как особую конфигурацию методов, практикуемых политическими элитами, общим для которых является «использование государственных административных и финансовых ресурсов в сфере истории и политики памяти в интересах правящей элиты» [10, с. 18–19]. Таким образом, основной вопрос данной работы состоит в том, как украинские элиты за последние 20 лет в своих дискурсивных практиках использовали и формировали тематику истории и национального прошлого.

Теоретическая рамка и методы исследования

Для ответа на данный вопрос был проведен анализ корпуса текстов посланий президентов Украины Верховной Раде, в рамках данной работы было отобрано 21 ежегодное и внеочередное послание с 1996 по 2016 г. Обращение с ежегодными и внеочередными посланиями является, согласно 2-му пункту 106 статьи Конституции Украины, одним из полномочий Президента Украины [7]. Послания Президента Украины – один из инструментов, который организует текущие и будущие действия органов государственной власти для достижения установленных долговременных и среднесрочных приоритетных задач [4, с. 29]. Они определяют дискурс властей и тезисы, утверждаемые в послании, обращены как к политической элите, так и к населению страны.

Основным методом исследования выступил контент-анализ, единицами измерения стали текстовые фрагменты из посланий президентов Украины, вне зависи-

мости от размера фразы, объединенные определенной темой упоминания и/или отсылкой к событию, временному периоду, персоне. В качестве классифицирующих категорий выступила историческая периодизация: «постсоветский период», «советский период», «история Украины в досоветский и межвоенный периоды». В последнюю категорию входят исторические события и личности, связанные с историей украинских земель в составе Киевской Руси и Российского государства, Польши, а также события Украинской революции 1917–1921 гг. Была выделена категория «История Украины в целом», в нее вошли высказывания об истории Украины, не связанные с каким-либо историческим периодом или событием.

Каждая ссылка на прошлое классифицирована по функции, которую она выполняет, всего было выделено шесть основных функций: «легитимация традиций», «демонстрация достижений нынешнего политического курса», «оправдание критически оцениваемого настоящего трудностями прошлого», «подкрепление современных политических решений ссылками на уроки истории, исторических личностей», «определение/переопределение прошлого как политический акт», «апелляция к истории как к высшему судье». Данная методологическая рамка была создана на основе работ О.Ю. Малиновой, в которых были проведены исследования по анализу использования политического прошлого в посланиях президентов Российской Федерации [9, с. 130–138].

Президентство В.Д. Кучмы (1994–2005 гг.)

В целом структуру использования отсылок к национальному прошлому в дискурсе посланий второго президента Украины можно описать следующим образом. Во-первых, следует отметить, что наибольшее число высказываний, связанных с историей, принадлежит второму президенту Украины Л.Д. Кучме, который, в отличие от своих коллег, избирался

два срока подряд, а в 2002 г. выступил с внеочередным посланием помимо основного. Во-вторых, наиболее часто упоминаемой темой в его выступлениях стала тематика истории постсоветской Украины, составляющая 20% от общего числа высказываний на тему истории в период первого президентского срока и выросшая до 47,6% в посланиях второго (табл. 1). В-третьих, советское прошлое в риторике оценивалось критически, как сложное и проблемное, ему противопоставлялась современная украинская государственность. Подобное противопоставление характерно для дискурса большинства постсоветских политических элит, которые стали выстраивать виктимизированный образ своих стран [16, с. 292–327]. В посланиях Л.Д. Кучмы критическое отношение к СССР происходило без агрессивных и националистических формулировок. Отсылки к прошлому были связаны с экономической тематикой, которая в целом преваляла в большинстве посланий:

«Это диктуется как традиционной деформированностью промышленности Украины, унаследованной от советских времен, так и тенденциями, которые начали очерчиваться уже в последние годы...» [14];

«За короткое, в историческом измерении, время она [Украина – прим. авт.] превратилась из обломка бывшего Советского Союза в самодостаточный организм» [13].

В то время как происходит рефлексия национального исторического нарратива украинскими политическими элитами, начинается его активное использование. В 2003 г. Л.Д. Кучма издает *opus magnum* своего президентства – книгу «Украина – не Россия». В ней он в мягкой форме озвучивает те положения, которые будут активно использоваться В.А. Ющенко и П.А. Порошенко. Он нормализует фигуру гетмана Мазепы и акцентирует внимание на Богдане Хмельницком, который представляется отцом нации, символом «преемства украинской государственности от Киевской Руси до наших дней» [8, с. 258]. Президент активно поддерживает идею создания единой Украинской православной церкви и критикует РПЦ МП за политическую несознательность: «осторожные или упрямые батюшки «запоздали» с признанием украинской независимости, не поддержав ее с самого первого дня» [8, с. 490–491].

Таким образом, можно сказать о том, что Л.Д. Кучма, как представитель старой

Таблица 1

Упоминания событий, процессов, явлений и действующих лиц национальной истории в посланиях президентов Украины Верховной Раде 1996–2016 гг.

Упоминание исторических периодов и персон национального прошлого	Л.Д. Кучма, 1996–1999		Л.Д. Кучма, 2000–2004		В.А. Ющенко, 2005–2009		В.Ф. Янукович, 2010–2013		П.А. Порошенко, 2014–2016	
	Всего	%	Всего	%	Всего	%	Всего	%	Всего	%
Всего упоминаний	10	100	21	100	20	100	5	100	23	100
История Украины в досоветский и межвоенный периоды	0	0	0	0	6	30	0	0	5	21,7
Советский период	4	40	4	19,0	2	10	0	0	2	8,7
Постсоветский период	2	20	10	47,6	2	10	5	100	5	21,7
Упоминание исторических личностей	0	0	0	0	7	35	0	0	5	21,7

технократической элиты, в своих посланиях обращался скорее с экономическими и социальными вопросами. Вместе с тем он апеллировал к национальному чувству, используя измененные элементы советского украинского национального проекта. Большую часть своего президентства он стремился к умеренности в сфере политики памяти.

Президентство В.А. Ющенко (2005–2010 гг.)

Послания третьего президента Украины резко отличаются от посланий его предшественника. Риторика пришедшего в ходе Оранжевой революции В.А. Ющенко связана с националистическим дискурсом. 30% его высказываний на тему истории связаны с периодом до советской истории Украины (см. табл. 1). Президент в своих посланиях активно продвигает собственное видение национального исторического нарратива и пантеона исторических личностей, являющихся авторитетными для формирующейся украинской нации.

Наиболее часто употребляемая функция, составляющая 50% от общего числа высказываний, – это подкрепление политических тезисов ссылками на уроки истории и авторитетных исторических личностей:

«Не сомневаюсь: мы достигнем согласия как внутри страны, так и среди внешних партнеров Украины... Я хорошо осознаю свою ответственность. "Что касается меня, то не буду жалеть ни жизни, ни силы для общей свободы и покоя". Этими словами в мае 1648 года Богдан Хмельницкий обратился к Раде, старшине и украинскому народу» [11];

«Наши "украинский Сократ", мой любимый философ Григорий Сковорода говорил: "Наибольшая потеря – это потеря времени". И когда я слышу, что некоторые аналитики прогнозируют отсутствие значительных изменений в Украине из-за политической борьбы, то задаю себе вопрос, понимают ли политики ту цену, что платит и будет платить обще-

ство в целом и каждый человек своей жизнью, благосостоянием, своим нереализованным потенциалом, за чьи-то амбиции, за борьбу за власть» [5].

Проанализировав личностей, которых упоминает президент, можно сказать, что они соответствуют одобряемым персонажам советской украинской историографии. Это такие герои национально-освободительного движения, как Богдан Хмельницкий, Иван Франко, Тарас Шевченко, Григорий Сковорода. Единственным новым персонажем, которого можно было бы назвать антисоветским, был М.С. Грушевский, автор основополагающей для украинского национализма работы «История Украины-Руси». Вместе с тем, несмотря на репрессии в отношении его последователей в сталинский период, в целом М.С. Грушевский был сложной, но не однозначно отрицательной фигурой. Отбор таких персоналий в очередной раз демонстрирует тот факт, что основная канва украинского исторического нарратива, который из периферийно-регионального стал национальным, был сформирован в Советском Союзе.

Второй по частотности, 22% от общего числа высказываний, идет функция определение/переопределение прошлого как политический акт, что во многом выражается в обращении внимания на голод 1932–1933 годов (табл. 2). Голодомор переопределяется как геноцид украинского народа и закрепляется на институциональном уровне созданием Украинского института национальной памяти:

«Верю, что Верховная Рада Украины примет закон об уголовной ответственности за отрицание Голодомора и Холокоста. Такое решение поставит точку в любых попытках глумиться над памятью жертв геноцидов» [11].

В целом политические решения и дискурсивные практики исторической политики В.А. Ющенко оказались чрезмерно радикальными для украинского общества, его политика по языковому вопросу, определение голода 1932–1933 гг. как геноцида украинцев, героизация членов

Таблица 2

Функции ссылок на прошлое в посланиях президентов Украины Верховной Раде 1996–2016 гг.

Функция ссылок	Л.Д. Кучма, 1996–1999		Л.Д. Кучма, 2000–2004		В.А. Ющенко, 2005–2009		В.Ф. Янукович, 2010–2013		П.А. Порошенко, 2014–2016	
	Всего	%	Всего	%	Всего	%	Всего	%	Всего	%
Легитимация традицией	0	0	2	9,5	0	0	1	25	1	6,25
Демонстрация достижений нынешнего политического курса	1	10	4	19	1	7,1	0	0	2	12,5
Оправдание критически оцениваемого настоящего трудностями прошлого	3	30	8	38	0	0	3	50	4	25
Подкрепление современных политических решений ссылками на уроки истории, исторических личностей	2	20	1	4,7	7	50	1	25	6	37,5
Определение/переопределение прошлого как политический акт	0	0	3	14,2	3	21,4	0	0	1	6,25
Апелляция к истории как к высшему судье	2	20	2	9,5	2	14,2	0	0	2	12,5
Иное	2	20	1	4,7	1	7,1	0	0	0	0

ОУН-УПА и другие действия вызвали резкое отторжение на Юго-востоке Украины. Именно в период В.А. Ющенко возникают такие организации, как Донецкая Республика, Народный фронт «Севастополь – Крым – Россия», Одесская партия «Родина», противопоставляющие себя украинскому национализму и президенту как его воплощению, члены этих организаций сыграют свою роль в событиях Русской весны и конфликта на Востоке Украины.

Президентство В.Ф. Януковича (2010–2014 гг.)

Наименьшее число высказываний на тему национального прошлого зафиксировано в посланиях четвертого президента Украины В.Ф. Януковича. В них ис-

пользуются отсылки только к постсоветскому периоду. Функция оправдания критически оцениваемого настоящего трудностями прошлого занимает 50% от общего количества высказываний по поводу истории (см. табл. 2), и это так же, как и у Л.Д. Кучмы, связано в первую очередь с экономической тематикой:

«Сегодня уже очевидно для всех, что именно нереструктурированность страны, неэффективность "старой постсоветской экономики", внутренние конфликты и несогласованная внешняя политика, наряду с действиями глобальных кризисных процессов, и стали главной причиной кризиса в Украине» [12];

«...Украина «потребляла» свой безопасный ресурс за счет наследства, доставшегося нашей стране с распадом

бывшего СССР. Сегодня этот ресурс почти исчерпан» [3].

В.Ф. Янукович победил на выборах как идейный противник политики В.А. Ющенко. Он принял ряд важных решений, изменив тем самым государственную политику памяти, в частности, отменил присвоение звания Героев Украины С. Бандеры и Р. Шухевича, дискурс Голодомор был оценен не как геноцид украинского народа, а как бедствие стран бывшего Советского Союза. Но его слабость, как в целом элиты юго-востока Украины, состояла в невнимательности по отношению к гуманитарным вопросам. Общий дискурс, заданный Л.Д. Кучмой и В.А. Ющенко, продолжил существовать, хотя и в конфронтации с государственным дискурсом. Подобное положение привело к тому, что президент и его команда не смогли выставить альтернативный националистическому пантеон героев и в достаточной мере переформатировать память об исторических событиях, уже актуализированных предыдущими президентами.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что неумелое использование тем истории оказалось одной из причин провала работы юго-восточных элит на гуманитарном направлении, что ярко продемонстрировало отсутствие в посланиях каких-либо внятных исторических символов.

Президентство П.А. Порошенко (2014–2016 гг.)

Обращение к истории в выступлениях ныне действующего президента Украины П.А. Порошенко по структуре отсылок схоже с дискурсом В.А. Ющенко. Наиболее часто упоминаемые периоды – это история Украины вообще (26,1%) и история Украины досоветского и межвоенного периодов (21,7%) (см. табл. 1). Наиболее частая функция актуализации прошлого (31%) – подкрепление современных политических решений ссылками на уроки истории, исторических личностей (см. табл. 2).

Ввиду конфликта на востоке Украины

общий дискурс стал более националистическим, что повлияло на выбор личностей, упоминаемых в выступлениях. Если при В.А. Ющенко это были персонажи, включенные в советскую историографическую традицию украинской истории, то П.А. Порошенко активно привлекает персон, табуированных в советское время, и его современников, таких как В.К. Винниченко, В.М. Черновол, В.А. Симоненко. Также упоминаются исторические личности межвоенного периода, такие как радикальный националистический и расистский философ Д. Донцов и активно сотрудничавший с немецкими оккупационными частями митрополит Греко-католической церкви отец Андрей (Шептицкий):

«Митрополит и выдающийся общественный деятель Андрей Шептицкий... писал: "Тиранья более опасна, чем испорченная аристократия или олигархия, но эта снова хуже и опаснее демократии". Любой ученый, исследующий типологию политических режимов, скажет, что так называемая конкурентная олигархия действительно лучше авторитаризм и является переходным этапом к либеральной демократии» [17];

«Я вспоминаю слова... Вячеслава Чорновола, [он] говорил: "И парламенты, и премьеры, и президенты приходят и уходят. Остается только святое дело нашего исторического возрождения, дело демократии и государственной независимости. Дай Бог нам любить Украину больше всего сегодня, когда она у нас есть. Чтобы не пришлось горько любить, потеряв"» [2].

В целом, для П.А. Порошенко характерна гораздо более агрессивная риторика, во многом это радикализация уже использованных Д.Л. Кучмой и В.А. Ющенко форм дискурсивных практик. Особого внимания и отдельной работы заслуживают обращения к иностранным и зарубежным личностям и историческим событиям. Президент проводит аналогии между гитлеровской Германией и Российской Федерацией, между В.В. Путиным и Гитлером [18].

Общие тенденции

Как показали результаты исследования за последние 20 лет, к истории в той или иной степени обращались все президенты Украины, в общем числе упоминаний событий наибольшее число – 30% – занимают ссылки на историю постсоветского периода. На втором месте история Украины в целом – 26%, следом идут советский период – 15% и история Украины в досоветский и межвоенный периоды – 13%. Общей тенденцией также является уход от тематики советского прошлого. Если во время первого срока Л.Д. Кучмы соотношение упоминаний советского периода составляло 40%, то ко второму сроку оно сократилось до 19%, в посланиях В.А. Ющенко эта тема составляет 10%, П.А. Порошенко – 8%, В.Ф. Янукович вообще не поднимал тем из советского прошлого (см. табл. 1). Это коррелирует с поступательным трендом декоммунизации как в символической сфере, так и в концептуальном решении отказа от советского прошлого.

В целом, историческая политика, сформулированная в посланиях, демонстрирует национальный исторический нарратив, телеологически соединяющий государства и протогосударственные образования от времен Киевской Руси и Гетманской Украины, Украинской революции 1917–1923 гг., общественно-политического движения украинцев в межвоенный период к периоду обретения государственности в 1991 г. Тематика истории Украины в досоветский и межвоенный периоды поднималась представителями элит запада и центра Украины В.А. Ющенко и П.А. Порошенко, что составило 30% и 22% от общего числа высказываний соответственно. Можно предположить, ввиду необходимости реализации трендов евроинтеграции и декоммунизации, увеличение числа высказываний на тему досоветской истории Украины с целью символически привязать историю к Европе и отстраниться от российской истории.

Данная тенденция схожа с политикой памяти государств Восточной Европы, где возникает популистская логика «пер-

манентного очищения от прошлого» [15, с. 174], что в данном случае сделать сложнее, так как Украина значительно дольше существовала в рамках советского проекта, чем страны бывшего ОВД. Следует также отметить тот факт, что модернизация большей части территорий современной Украины произошла именно в советский период.

Можно выделить закономерность, сложившуюся на протяжении последних четырех президентских сроков. В первом (за срок) президентском послании всегда присутствует максимальное число отсылок к истории, затем следует уменьшение числа упоминаний, их число вновь возрастает в последний год президентства (рис. 1). Это демонстрирует тенденцию необходимости легитимации своего права на власть в начале президентского срока и использование истории как аргументацию заявки на продолжение властных полномочий.

Наибольшее число упоминаний истории и национального прошлого фиксируется в посланиях в годы после событий Оранжевой революции и Евромайдана, которые оказались важнейшими в изменении риторики в отношении прошлого, которое выступило ресурсом легитимации «революционных» изменений. Вместе с этим подобным образом учащается употребление понятия «нация», что также тесно связано с ситуациями, когда элиты оказываются неспособны решить противоречия внутри своих групп или вынуждены обращаться к мнению граждан. Это ситуации выборов, кризисных ситуаций, экстраординарных событий. График демонстрирует увеличение числа упоминаний термина в посланиях периода дефолта 1998 г., сложной ситуации перед выборами 2004 г., необходимости легитимации Ющенко В.А. как президента всей Украины в 2006 г., кризиса 2008 г., предвыборной ситуации, когда Ющенко В.А. имел крайне низкий рейтинг 2009 г., ситуации военного конфликта 2014 г. (рис. 2).

Тематика прошлого и исторических

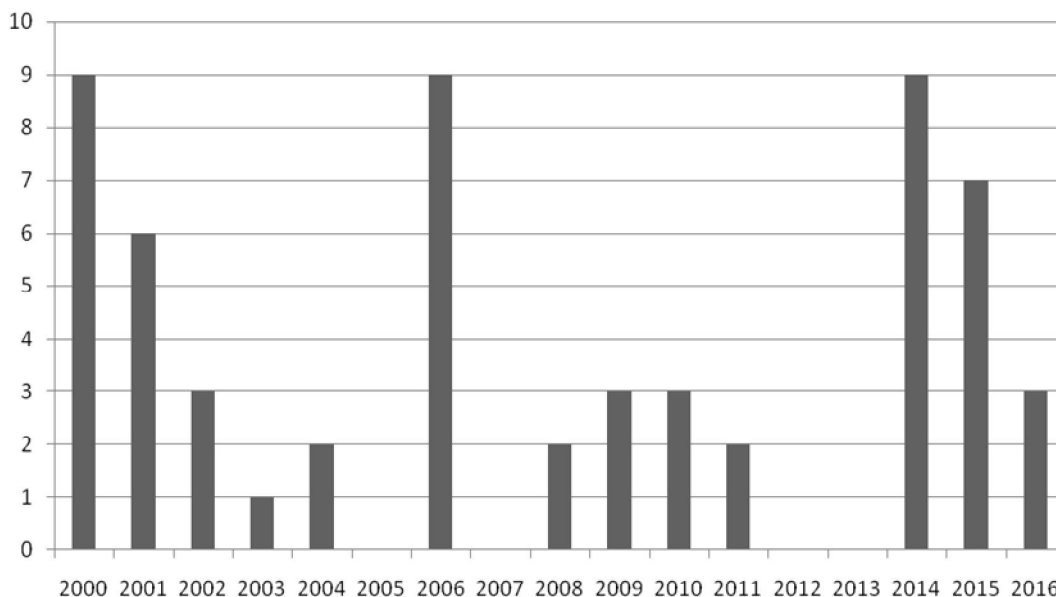

Рис. 1. Всего упоминаний национального прошлого в посланиях президентов Украины 2000–2016 гг.

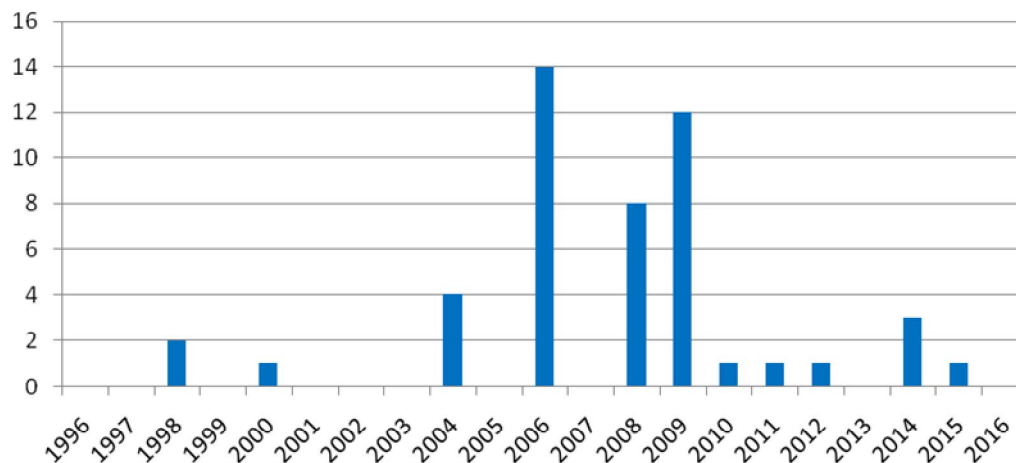

Рис. 2. Число упоминаний понятия «нация» в посланиях президентов Украины 1996–2016 гг.

тем за последние 20 лет оказалась актуальна в качестве инструмента легитимации политики украинских элит в будущем. В заключение можно сделать вывод о том, что использование украинскими элитами тематики истории и национального прошлого во многом связано с конъюнктурой

действующего в данный момент президента и его ближайшего окружения. Несмотря на то что Украина долгое время была парламентской республикой, институт и сама личность президента оказываются важными, а зачастую и решающими в плане проведения исторической политики.

Библиографический список

1. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. – М.: Территория будущего, 2006. – С. 139–140.
2. Внеочередное послание Президента Украины к Верховной Раде Украины [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.president.gov.ua/ru/news/pozachergove-poslannya-prezidenta-ukrayini-do-verhovnoyi-rad-34118> (дата обращения: 01.01.2017).
3. Выступление Президента в Верховной Раде (полный текст) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.unn.com.ua/ru/news/325753-vistup-prezidenta-u-verhovniy-radi-povniy-tekst> (дата обращения: 01.01.2017).
4. Жиляев И.Б. Послания Президента Украины как инструмент державної політики // Стратегічні пріоритети. – 2007. – №1(2). – С. 29.
5. Звернення Президента України до Верховної Ради України у зв'язку з Посланням Президента

- України до Верховної Ради України «Про внутрішнє і зовнішнє становище України у 2005 році» [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/n0001100-06/page2> (дата звернення: 01.01.2017).
6. Касьянов Г.В. Украина 1991–2007: очерки новейшей истории. – Киев: Наш час, 2008. – С. 134–135.
 7. Конституція України – Розділ V [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://www.president.gov.ua/documents/constitution/konstituciya-ukrayini-rozdil-v> (дата звернення: 01.01.2017).
 8. Кучма Л.Д. Украина – не Россия. – М.: Время, 2003. – С. 258.
 9. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – С. 130–138.
 10. Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе в XXI века // Историческая политика в XXI веке: сб. статей. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 18–19.
 11. Послання Президента України Віктора Ющенка до Верховної Ради України про внутрішнє і зовнішнє становище України 2008 рік [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/n0013100-08> (дата звернення: 01.01.2017).
 12. Послання Президента України Віктора Януковича до Українського народу [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/n0003100-10> (дата звернення: 01.01.2017).
 13. Послання Президента України до Верховної Ради України 2001 рік [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/n0002100-01> (дата звернення: 01.01.2017).
 14. Стенограмма первой сессии Верховной Рады Украины четырнадцатого созыва 12 мая 1998 г. 10:00 [Електронний ресурс]. Режим доступу: http://static.rada.gov.ua/zakon/sk13/BUL31/120598_01.htm (дата звернення: 01.01.2017).
 15. Тимонин Л.В. Идеология популизма в политическом процессе на Украине // Вестник Российской нации. – 2016. – № 2(47). – С. 174.
 16. Финкель Е. В поисках «потерянных геноцидов»: историческая политика и международная политика в Восточной Европе после 1989 г. // Историческая политика в XXI веке: сб. статей. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 292–327.
 17. Щорічне Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє та зовнішнє становище України в 2015 році» [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://www.president.gov.ua/news/shorichne-poslannya-prezidenta-ukrayini-do-verhovnoyi-radi-u-35412> (дата звернення: 01.01.2017).
 18. Щорічне Послання Президента до Верховної Ради «Про внутрішнє та зовнішнє становище України у 2016 році» [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://www.president.gov.ua/news/shorichne-poslannya-prezidenta-do-verhovnoyi-radi-pro-vnutri-38077> (дата звернення: 01.01.2017).

HISTORICAL POLITICS IN THE STATE DISCOURSE OF UKRAINE IN THE POST-SOVIET PERIOD

A. A. Plekhanov

N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology

This article describes the way to use the theme of the national past-time in the Ukrainian Presidents' messages to The Verkhovna Rada. In this study, the method of content analysis has shown which historical periods the Presidents referred to in their messages. The functions of the references to the national past-time are analyzed. General trends of references to historical themes in the Presidents' messages in the last 20 years are demonstrated. Individual peculiarities of discursive practices of the four Ukrainian Presidents are considered. Attention is paid to the connection of historical politics, ideology and practices of nation-building.

Keywords: Ukraine, historical politics, nation-building, elites, ideology, commemoration politics.

Сведения об авторе

Плекханов Артемий Александрович, аспирант, Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (ИЭА РАН), 119991, г. Москва, Ленинский проспект, 32А; e-mail: plekhanov.art.alex@gmail.com

Материал поступил в редакцию 20.11.2016 г.

«БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК» – СИМВОЛИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

А.С. Токарев,
Казанский федеральный
университет

Начиная с 2013 года акция «Бессмертный полк» проводится в городах России и ближнего зарубежья, а со следующего года она вышла за пределы постсоветских государств. Динамичное распространение мероприятия, за считанные годы ставшего новой традицией и включенного в программу празднований Дня Победы, привлекает внимание исследователей с точки зрения концепции политики памяти. В связи с этим предпринимается попытка провести символический анализ акции через ее смысловой и визуальный контент.

Также представляется интересным происхождение «Бессмертного полка» с позиции теории коллективной травмы, объясняющей данный феномен через межпоколенческую передачу невроза, накапливающегося из-за препятствий к вербализации негативных воспоминаний. Такой подход требует серьезной критики, поскольку неясен психологический механизм передачи травмирующего невроза. В то же время его наличие у непосредственных жертв катастрофических событий не вызывает сомнений.

С позиции политики памяти как части символической политики в данной статье анализируется визуальное, смысловое и ассоциативное содержание акции «Бессмертный полк» на основе фото-, видео- и других материалов. Результатом исследования стало установление происхождения мероприятия, вызванного проводившейся ранее политикой памяти через организацию торжеств к 9 Мая. Цель данной политики – укрепление общенациональной идентичности, и акция «Бессмертный полк» оказалась идеальным решением для демонстрации видимого единения «народа-победителя».

Ключевые слова: политика памяти, символическая политика, коллективная травма «Бессмертный полк», День Победы.

«Патриотические праздники» как часть политики памяти

На протяжении последних лет активно проводятся мероприятия, связанные с увековечиванием памяти отдельных исторических периодов России в лице глав-

ных лиц тех эпох, появлением новых праздников и укреплением их позиций в массовом сознании граждан. Последним актом, относящимся к исторической политике и политике памяти, стало установление памятника князю Владимиру I в

центре Москвы [22]. В событии приняли участие как первые лица страны, представленные президентом и премьер-министром, так и персоны министра культуры и Патриарха Московского и Всея Руси, чья деятельность в общественном дискурсе претендует на звание духовно-нравственной и просветительской.

Присутствие представителей Русской православной церкви, а также освящение памятника отсылают к концепции «1000-летней Руси» [22], которая становится одной из основ формируемой коллективной памяти об истории России. В то же время акт религиозного ритуала в данном случае кажется уместным, поскольку именно с князем Владимиром связано принятие христианства на Руси. Некоторые публицисты также полагают, что совпадение имен исторического персонажа и президента РФ не случайно, поскольку установка памятника проведена с согласия главы государства. С этой позиции можно предположить, что символически памятник князю и президенту – одно и то же действие, однако его завуалированность и обходной характер говорят о том, что нынешняя политическая элита не создает культ личности, но хочет опираться на авторитет главы страны и оказываемую поддержку от населения, о которой свидетельствуют соц-опросы [2].

Установка памятника произошла накануне одного из новейших праздников – Дня народного единства. Проводимый 4 ноября с 2005 года, он призван перекрыть собой другую дату, немаловажную для коллективной памяти постсоветского поколения россиян – годовщину Октябрьской революции 7 ноября. Обладая значительным политическим и символическим потенциалом, политическая элита современной России стремится переключить внимание масс с относительно близкого прошлого на более дальнее, одновременно меняя и знаковую составляющую. Вместо воспоминаний о революционных событиях 1917 года населению предлагаются события 1612 года, связанные с

окончанием Смутного времени и народно-освободительном движением против польских интервентов [8].

С точки зрения символов здесь также происходит смена парадигм: в случае 7 ноября отмечалась революция как борьба против узурпирующего режима; в случае 4 ноября смысловым содержанием праздника становится народное объединение против внешних врагов и укрепление государственности. Таким образом, День народного единства обладает созидательным и примиряющим посылом как внутри общества, так и по отношению к устоявшемуся режиму. Помимо светского значения здесь можно найти основания и для религиозного смысла (католики пытались узурпировать «православный трон»), ввиду чего освящение памятника патриархом выглядит еще более уместным.

В то же время с 12 ноября 2016 года в социальной сети «ВКонтакте» стартовал «проект1917», имитирующий в новостной ленте пользователей заметки, якобы написанные от лица важных исторических персон того периода, соблюдая точность публикации столетней давности. На момент написания статьи хроника ведется начиная с 12 ноября 1916 года [18]. И хотя акция, направленная на воспоминание о событиях, предшествующих Октябрьской революции, в своем значении противостоит вектору, заданному проведением Дня народного единства, в настоящий момент трудно оценить то, какую форму и влияние она приобретет.

Возвращаясь к началу вопроса о проведении государственных праздников, необходимо сделать акцент на тех, что составляют часть т.н. патриотического воспитания. Значение Дня Победы, а также размах его проведения, особенно в юбилейные даты, активно обсуждался и в прессе, и в научных кругах. Затраты на проведение парада как на Красной площади, так и в городах России [16] подтверждают тезис о том, что 9 Мая является одной из главных дат для политики памяти.

Ответный запрос наблюдается и у населения, подтверждением чему стала ак-

ция «Бессмертный полк». Ее видимая массовость показывает необходимый сигнал для конструирования единой российской нации, проводимой с помощью праздника. За 4 года существования акция приобрела международный размах, однако ее происхождение и дальнейшая судьба остаются неутвержденными.

«Бессмертный полк» – конструкт или запрос масс?

Чтобы понять нынешнее значение акции «Бессмертный полк», необходимо обратиться к открытым источникам и изучить историю происхождения этого явления. Свое начало мероприятие берет в 2012 году как гражданская инициатива в Томске, проведенная местным медиа-обществом. По данным одноименного движения, тогда в городе было пронесено 20 00 портретов ветеранов, а в самом марше приняли участие 6 000 томичей. При этом, как указано на сайте «Бессмертный полк», с самого начала организация и акция задумывались вне коммерческой или политической направленности. Также в ней мог участвовать любой желающий без каких-либо ограничений, поскольку основная цель данного проекта – создание всенародной традиции [11].

Спустя год информация распространилась как по городам России, так и ближнего зарубежья. Учитывая, что для участия в акции некоммерческой организации нужно лишь подтвердить согласие с уставом, в 2013 году присоединились Москва, Владивосток, Екатеринбург, Симферополь и другие города. На следующее 9 Мая подключается первая страна дальнего зарубежья – Израиль, а еще через год – Норвегия, Ирландия, Эстония, Ливан, «Республика Корея» (однако здесь не указывается, Северная или Южная Корея, что вызывает вопросы – дано ли такое название умышленно или спонтанно), США, Германия, Австрия.

Фактически за три года акция стала международной, а в России она приобрела визуально всенародный масштаб. В связи с этим возникает закономерный во-

прос: действительно ли проект, рожденный как гражданская инициатива, сохранил народные корни, даже приобретя такой размах, или здесь имеет место применение административного ресурса? На самом сайте организации сказано, что в юбилейном 2015 году стала заметна гонка за цифрами и показателями. Такое проявление могло стать эффектом, вызванным новостным стилем в описании СМИ и пресс-релизов, где количественные показатели всегда выходят на первый план [3]. В то же время имелись свидетельства использования административного ресурса, когда в интернете начали появляться брошенные плакаты ветеранов, собранные в кучу [1].

Истоки акции «Бессмертный полк» заставляют задуматься о ее нынешнем состоянии, прошедшем генезис от локального до международного события. В связи с этим в данной ситуации видится влияние двух подходов, которые смогут дать объяснение произошедшему – теории культурной травмы и политики памяти.

Согласно первой концепции, разработанной такими психологами, как Зигмунд Фрейд, Карл Юнг и Дональд Калшед, индивидуальная психологическая травма (или травматический невроз [13]) представляет собой нарушение в психике индивидов, ставших жертвами катастрофических событий в прошлом. Бессознательно эти лица используют разные способы для смягчения отрицательного влияния травматического опыта, один из которых – расщепление [22, с. 40]. Суть этого способа психологической защиты заключается в том, что в сознании индивида эмоциональный и когнитивный компоненты травмирующего воспоминания отделяются друг от друга, и в итоге сохраняется только последний. В результате жертва может помнить только факты о негативном прошлом, лишённые чувственной окраски. Подобная ситуация открывает путь для политики памяти, которая может заполнить образовавшуюся эмоциональную брешь новым содержанием.

Однако также часто в случае травмирующих неврозоз встречается т.н. повторение, когда индивиды пытаются вновь и вновь воспроизводить негативный опыт с помощью различных коммеморативных практик. С точки зрения психоанализа и аналитической психологии этот опыт, обладая значительным психическим потенциалом, становится частью глубинных слоев бессознательного, где не ощущается поток времени и новых событий [27, с. 47].

Несмотря на то что психологи всегда работали с индивидуальными пациентами и клиентами, наиболее крупные катастрофы затрагивали группы людей, что дает основание для работы исследователей социальных наук над коллективной травмой. Таким образом, гражданское, народное начало в инициации акции «Бессмертный полк» в рамках представленного подхода становится очевидным. Массовые действия в данном случае представляют попытку излечения от травмирующих воспоминаний путем вербализации человеческого горя и утрат.

Однако нынешняя ситуация имеет несколько спорных моментов. Смена поколений должна приводить к тому, что коллективная память естественным образом очищается от носителей с травмированным прошлым. Приверженцы психологического подхода в исследовании коллективной травмы считают, что негативные события, не найдя вербализации и терапии, способны накапливаться и передаваться от старших к младшим. В связи с этим возникает вопрос: какова суть механизма передачи травмирующих воспоминаний? Ответ могла бы дать теория коллективного бессознательного, однако ее автор Карл Юнг утверждал, что общими для всего человечества являются лишь архетипы – примитивные паттерны бессознательного, становящиеся основой для построения образов и сюжетов сновидений и мифов. Однако сами эти сюжеты могут передаваться только в том случае, если человек был включен в ту культуру, которая могла породить тот или иной образ [27, с. 47].

Таким образом, остается неясным, как происходит межпоколенческая передача травматического опыта, а также его накопление. Это дает право для предположений о том, что сам опыт является результатом грамотной работы акторов политики памяти, конструирующих необходимое восприятие и отношение к истории страны.

В то же время с позиции американского социолога Джеффри Александера коллективная травма выглядит как конструкт даже в тех случаях, когда ее жертвами становятся непосредственные участники событий. Согласно позиции исследователя, если травмирующие воспоминания выпадают из индивидуальной памяти жертв, это означает, что коллективная травма является целиком вымышленной. Такая точка зрения кажется чересчур детерминистской, однако критика интерпретации феномена коллективной травмы отсылает к тому, что под травмирующими событиями понимаются те, что нарушают права человека и гражданина. Поскольку эти понятия были выработаны в западной Европе и актуализированы после Второй мировой войны, концепция культурной травмы выглядит идеологически ангажированной и также может являться элементом конструирования идентичностей [13].

Теперь рассмотрим акцию «Бессмертный полк» как элемент политики памяти. Под политикой памяти понимается комплекс мероприятий, направленный на конструирование социальных представлений о прошлом. Политика памяти является частью символической политики, которая производит или укрепляет существующие смыслы социальной реальности. Основателем данного направления считается американский политолог Мюррей Эдельман, выпустивший работы «Символическое использование политики» и «Политика как символическое действие» [25, с. 78]. В отечественной науке можно выделить два подхода к интерпретации символической политики: согласно первому, данная сфера является имитацией

политической деятельности, своего рода постановкой и инсценировкой, называемой также «политическим театром»; второе направление придерживается более нейтральной позиции, в которой символизм важен так же, как и т.н. «реальная политика» [14, с. 57]. Последняя точка зрения позволяет рассуждать о существовании не только символической политики «сверху», т.е. инициированной властными элитами, но и «снизу», что подразумевает участие народных масс. Также возможна т.н. «символическая политика снизу и сверху одновременно» [20, с. 21], и в данном случае акция «Бессмертный полк» подходит под это описание – будучи изначально гражданской инициативой, при участии первых лиц и их поддержке ее удалось распространить как в России, так и за ее пределами.

«Бессмертный полк» выглядит здесь как очередной элемент политики памяти, базирующийся на выстроенной традиции празднования 9 Мая и уже готовой символической схеме. Акция, даже с учетом применения административного ресурса, выполняет функции, поддерживающие укоренившиеся представления о победе в Великой Отечественной войне. Одна из них – создание эффекта массовости, хотя соотношение добровольного массового участия и «вынужденного» остается, как уже указывалось выше, под вопросом.

Тем не менее в данной ситуации основная цель – создание видимости единения всего народа за счет большого количества людей. В этой связи важно участие первых лиц, а также проведение акции в других странах ближнего и дальнего зарубежья. В совокупности это создает картину того, что к победе причастны люди всего мира и все они разделяют выбранную историческую интерпретацию.

Наиболее важная функция здесь связана с самим фактом сакрализации образов ветеранов. Выбранная модель позволяет установить и сохранить межпоколенческую связь с умершими участниками войны. Это позволит продлить актуальность Дня Победы и сохранить ту символиче-

скую форму и эмоциональное сопровождение, которые удалось сконструировать на протяжении последних лет. Поскольку самым молодым ветеранам (даже при условии, что некоторые, уходя на фронт, в документах приписывали себе дополнительно год или два) сейчас более 90 лет, привлечение т.н. «карнавальных ветеранов» со временем окажется невозможным из-за естественного сокращения численности населения. Актеры политики памяти осознают это, в связи с чем они адаптировали акцию «Бессмертный полк» под свои нужды.

Концепция политики памяти в качестве способа конструирования социального восприятия прошлого в рассматриваемом случае должна показывать «Бессмертный полк» как мероприятие, вызванное искренним гражданским призывом. В то же время это не отрицает зависимость томских активистов от проводимой ранее символической политики, а скорее, подтверждает это. Кроме того, можно констатировать, что они допустили ошибку при создании ключевой идеи акции, которая с самого начала стала массовой. Возвращаясь к позиции психологии и теории коллективной травмы с учетом теории массового сознания [10, с. 58], можно сказать, что подобная форма механизма борьбы с травмирующим неврозом неэффективна, так как вместо вербализации утраты здесь происходят культивирование образа предка и ассоциация себя с ним. Наличие невроза требует постановки соответствующего диагноза, а также индивидуального терапевтического лечения. Поэтому роль помощи здесь могла бы сыграть другая, семейная традиция без народных шествий. Однако это не соответствует конструированному образу Дня Победы, общепринятому восприятию и отыгрыванию праздника.

Таким образом, можно сказать, что акция «Бессмертный полк» стала реакцией на проводимую ранее политику памяти, что позволило ей стать частью конструированного образа победы в Великой Отечественной войне.

Анализ символов акции «Бессмертный полк» в контексте празднования Дня Победы и политики памяти

От установления истоков и назначения акции «Бессмертный полк» необходимо перейти к непосредственному анализу символического контента. Однако прежде здесь нужно пояснить сущности понятий «символ» и «знак», а также их отличия. Согласно типологии американского философа Чарльза Пирса, можно выделить три типа знаков: индексы, иконы и символы. В отличие от двух первых символ выполняет функции выражения и представления смыслов, выполняя своего рода кодировку, привязанную к некоему объекту. Индексы и иконические знаки, в свою очередь, способны только направлять, указывать и обозначать [14, с. 57].

Первым и одним из наиболее важных элементов акции «Бессмертный полк» является логотип, так как он является визитной карточкой, которая позволяет идентифицировать то или иное событие. В центре логотипа изображена красная пятиконечная звезда – легкоузнаваемый символ Красной Армии. По замыслу авторов акции, она также подразумевает, что все, кто прошел Великую Отечественную войну, будут считаться героями вне зависимости от их воинского звания или заслуг. На фоне звезды виден журавль, взмывающий в небо, который также, по словам организаторов «Бессмертного полка», символизирует участие не только военных всех рангов, но и тружеников тыла, партизан и всех, кто так или иначе причастен к образу Победы. «...Очень личный, пронзительный, лишенный пафоса и плакатности образ... Символ, не делящий тех, кто вынес войну на своем хребте, на «фронт» и «тыл». Соединяющий души ушедших и память потомков». Также изображение отсылает к фильму «Летят журавли», рассказывающем о судьбе Москвы до, во время и после Великой Отечественной войны. Главные герои картины видели стаю улетающих журавлей перед началом боевых действий и уже на закате войны, что создает ассоциацию с мирной жизнью, кото-

рая вместе с птицами покинула москвичей. Культовая кинолента, снятая в 1957 году и получившая приз Каннского кинофестиваля [12], известна большинству участников акции «Бессмертный полк», благодаря чему выбранный символ вызывает верные ассоциации с миром, который удалось принести вместе с победой.

Нынешний логотип был утвержден в 2015 году, поэтому на более ранних фотографиях с мест проведения шествий в разных городах присутствуют транспаранты с надписью «Бессмертный полк» в другом виде – часто на красном фоне (что также отсылает к пятиконечной звезде) и с иными изображениями, сопровождающими праздник 9 Мая на тематических открытках, плакатах и других визуальных материалах.

Наиболее встречающимися в цветовой палитре здесь после красного фона являются биколорные ленты черного и оранжевого цветов, известные в качестве неотъемлемого элемента воинских наград и часто появлявшиеся на открытках в советские годы [18]. Еще большую известность, а также «реинкарнацию» в виде отдельной ленты (а не дополняющего элемента) биколор получил после акции «Георгиевская ленточка». Впервые мероприятие начали проводить в 2005 году под патронажем «РИА Новости» и РООСПМ «Студенческая община». Кодекс акции во многом сходен с уставом акции «Бессмертный полк», в том числе, согласно 9-му пункту «Георгиевской ленточки», ее нельзя использовать в политических целях [9].

Однако спустя годы после старта проведения акции накопилось множество критики к использованию «Георгиевской ленточки», которое касалось фактического нарушения 9-го пункта кодекса. Так, российские публицисты обвиняли [24] молодежную организацию «Молодая гвардия» [26] и политическую партию «Единая Россия» [6] в том, что они участвовали в раздаче лент в школах и местах массового скопления граждан. В Белоруссии полемика приобрела несколько иную

форму – местное движение «За свободу» бойкотировало раздачу лент в гипермаркетах [7], а общественная организация «Молодой фронт» объявила акцию «Стоп империя», направленную на запрет использования и раздачи биколорных лент.

По словам сопредседателя организации Дмитрия Дашкевича, некогда нейтральная акция «Георгиевская ленточка» приобрела негативный контекст после начала событий на Востоке Украины, где пророссийски настроенные ополченцы-сепаратисты (название которых также маркирует точку зрения и приверженность к одной из двух трактовок на происходящие в Донбассе события) используют в своей символике сочетание черного и оранжевого цветов. Распространение на территории Белоруссии этих лент подразумевает принадлежность страны к т.н. «русскому миру», а также пророссийским настроениям у местных политических элит. Все это, по мнению белорусских гражданских активистов, символически дискредитирует независимость страны [4].

В России же, несмотря на противоречивость позиций, установившихся в общественно-политическом дискурсе, использование биколора уже стало традицией, что также заметно во время шествий «Бессмертного полка». Лента используется как аксессуар у участников акции, и в особенности у первых лиц, а также у журналистов и ведущих крупнейших федеральных и региональных СМИ [5]. Часто ленту начинают прикреплять к одежде и личным автомобилям накануне празднования Дня Победы, что противниками акции «Георгиевская ленточка» трактуется как принадлежность к провластным политическим взглядам, особенно если лента появлялась вне празднований 9 Мая.

Несмотря на всю полемику, биколорная лента остается элементом символики Дня Победы, что обусловлено не только исторической предпосылкой ее появления, но и доступностью, а также удобством использования как дополняющего визуального элемента или аксессуара.

Акция «Бессмертный полк», в то же

время, остается менее политизированной и подверженной критике, чем «Георгиевская ленточка», что подтверждается незначительной критикой в общественном дискурсе и сообщениях СМИ [16]. Участие политиков, в том числе и высшего ранга, анализируя фото- и видеоматериалы, выглядит органичным, поскольку они участвуют в шествии наравне с остальными гражданами, также неся в руках портреты и транспаранты с изображением покойных ветеранов. Это создает внешний эффект единства народной массы и ее добровольный порыв к участию в акции.

Сами политические лица чаще всего располагаются в начале колонны, рядом с транспарантом-логотипом «Бессмертный полк». Далее часто люди, одетые в советскую военную форму, несут полотно, имитирующее либо «Знамя Победы» [23], либо штурмовые флаги других дивизий, сшитые воедино [5]. Таким способом проводится «хронологическая сшивка разрозненных временных слоев» [19], при этом солдаты «из прошлого» попадают в настоящее, связывая воедино более 70 лет празднования Дня Победы в сознании зрителей и участников марша.

Следом за полотном идет подавляющее большинство участников акции. Процессия движется в хаотичном порядке, т.е. невозможно выделить отдельные группы, за исключением правоохранительных органов, политиков и волонтеров. Транспаранты также принимают самые разные формы, среди которых встречаются как похожие (вероятно, сделанные на заказ в копи-центрах или типографиях), так и явно сделанные вручную, на которых есть лишь фотография ветерана с именем и годами жизни. В случае напечатанных транспарантов также обнаруживается типичная символика Дня Победы, о которой говорилось выше, а «самодельные» иногда приобретают форму обрамленного фотопортрета предка-героя.

Проведенный анализ акции «Бессмертный полк» установил ее происхождение

как результат конструирования прошлого и символической политики, направленной «снизу и сверху одновременно», что точно характеризует ее генезис. Начавшаяся как гражданская инициатива, при участии политических акторов она приобрела международный масштаб. Мероприятие вписалось в проведение торжеств, связанных с празднованием Дня Победы.

Символика акции демонстрирует добровольность и всенародность акции, объединяющую всех граждан и их предков-героев вне зависимости от социально-экономического положения, а также заслуг

последних в прошлом. Такая постановка проведения шествия способствует основному символическому назначению праздника 9 Мая как события, в котором родилась современная российская нация.

Дальнейшая судьба акции в настоящее время видится как органичное внедрение в традицию празднований Дня Победы. В то же время это также может подразумевать ее политизацию – приобретение контекста излишнего бюрократизма и ассоциацию с т.н. «российским империализмом».

Библиографический список

1. «Бессмертный полк» объяснил фотографии с выброшенными плакатами. Портал РБК. URL: <http://www.rbc.ru/society/14/05/2015/5554bff69a7947e61c26f6ef> (дата обращения: 19.11.2016).
2. 86% Путина: верить или нет. Портал социологической службы «Левада-центр». URL: <http://www.levada.ru/2015/12/09/86-putina-verit-ili-net> (дата обращения: 19.11.2016).
3. Амзин А.А. Новостная интернет-журналистика. Интернет-версия. URL: <http://alex-alex.ru/nij/NIJ-2-20131006.pdf> (дата обращения: 19.11.2016).
4. В Беларуси объявили охоту на георгиевские ленты. Новостной портал BY24.ORG. URL: http://by24.org/2014/09/22/no_colorado_ribbons_in_belarus-2 (дата обращения: 19.11.2016).
5. В День Победы все часовые пояса России связало шествие «Бессмертного полка». Сюжет из выпуска новостей «Первого канала» за 09.05.2016. Интернет-портал телеканала «Первый». URL: http://www.itv.ru/news/2016/05/09/301813-v_den_pobedy_vse_chasovye_poyasa_rossii_svyazalo_shestvie_bessmertnogo_polka (дата обращения: 19.11.2016).
6. Георгиевскую ленту может получить каждый ярославец. Интернет-портал газеты «Комсомольская правда». URL: <http://www.kp.ru/online/news/82513/> (дата обращения: 19.11.2016).
7. Движение «За Свободу» призывает власти запретить раздачу и использование «георгиевских» лент в общественных местах. Белорусская информационная компания «Белаяпан». URL: <http://belapan.by/archive/2014/05/04/699316> (дата обращения: 19.11.2016).
8. День воинской славы – День народного единства. Портал Calend.ru. URL: <http://www.calend.ru/holidays/0/0/94> (дата обращения: 19.11.2016).
9. Кодекс акции. Портал «Георгиевская ленточка». URL: <http://gl9may.ru/about/codex> (дата обращения: 19.11.2016).
10. Лебон Г. Психология народов и масс. 124 с. URL: <http://socioline.ru/files/5/309/psihologia.pdf> (дата обращения: 19.11.2016).
11. Летопись Полка. Официальный сайт движения «Бессмертный полк». URL: <http://moypolk.ru/letopis-polka> (дата обращения: 16.11.2016).
12. Летят журавли. Портал «Кинопоиск». URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/7724> (дата обращения: 19.11.2016).
13. Мороз О.В. Методология изучения коллективной травмы. Портал «Пост-наука». URL: <https://postnauka.ru/video/68725> (дата обращения: 19.11.2016).
14. Мухарьямов Н.М. О символических началах в языке политики // Символическая политика: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Отв. ред. О.Ю. Малинова – Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – М., 2012. – 334 с.
15. На празднование 70-летия Победы власти потратят более 7 млрд руб. Интернет-газета РБК. URL: <http://www.rbc.ru/society/30/04/2015/553e729d9a794762bdb3ae84> (дата обращения: 19.11.2016).
16. Немцев М.Ю. К биополитике «Бессмертного полка». Портал Anthropological Research Center. URL: <http://www.anthropya.com/articles/18/69> (дата обращения: 19.11.2016).
17. Ноябрь. 1916. Видео из социальной сети «ВКонтакте». URL: https://vk.com/wall-128254611_668 (дата обращения: 15.11.2016).
18. Открытки «С Днем Победы!». Портал ретро-открыток. URL: <http://retropost.ru/postcards/9may.html> (дата обращения: 19.11.2016).
19. Ошакин С.А. Вспоминая на публике: Об аффективном менеджменте истории. URL: <http://gefter.ru/archive/13513> (дата обращения: 19.11.2016).

20. *Поцелуев С.П.* «Символическая политика»: к истории концепта // Символическая политика: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Отв. ред.: *О.Ю. Малинова* – Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – М., 2012. – 334 с.
21. С важными лицами. Кому возводит памятники путинская Россия. Интернет-газета Griffon. URL: <https://www.griffon.media/articles/14/11/2016/monuments-of-putins-russia> (дата обращения: 19.11.2016).
22. *Семилет Н.В.* Концепция трансгенерации коллективной травмы: способы исцеления. С. 37–49. Научная библиотека открытого доступа «Киберленинка». URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-transgeneratsii-kollektivnoy-travmy-sposoby-istseleniya> (дата обращения: 19.11.2016).
23. Символ «Знамени Победы». Историческая справка. Портал «РИА Новости». URL: https://ria.ru/history_spravki/20110411/363197944.html (дата обращения: 19.11.2016).
24. Современная молодежь и Великая Отечественная война. Стенограмма радиотрансляции «Ищем выход...». Портал радиостанции «Эхо Москвы». URL: <http://echo.msk.ru/programs/exit/51618> (дата обращения: 19.11.2016).
25. *Токарев А.С.* Архетипический дуализм мифов как проявление символической политики // Вестник междисциплинарных гуманитарных исследований «Номос». – Казань: Казан. ун-т, 2015. – 165 с.
26. Тюменские «молодогвардейцы» отправились в школы. Интернет-издание NewsProm.ru. URL: http://newsprom.ru/Raznoe/120903325802727/Tjumenskie_laquo_molodogvardejcy_raquo_otpravilis_v_s_hkoly.html (дата обращения: 19.11.2016).
27. *Юнг К.Г.* Тэвистокские лекции // Исследование процесса индивидуации / пер. с англ. – М.: «Рефл-бук», Киев: «Ваклер», 1998. – 295 с.

«THE IMMORTAL REGIMENT» – SYMBOLIC ANALYSIS

A.S. Tokarev

Kazan Federal University

Since 2013 the Immortal Regiment march has taken place in cities of Russia and the former Soviet republics. In a year the event overstepped the limits of these countries. The dynamic spread of the event, which became a new tradition and was included in the celebration programme of Victory Day, attracts researchers' attention from the point of commemoration politics. In this regard, an attempt is made to conduct a symbolic analysis of the event thorough its notional and visual content.

The origin of the Immortal Regiment march is also of particular interest from the view of collective trauma theory. This theory explains the phenomenon through an intergenerational transmission of neurosis, accumulating due to obstacles to verbalize negative memories. This approach needs serious critics as long as the mechanism of trauma neurosis transmission is still obscure. At the same time, the presence of neurosis in the immediate victims of disasters does not raise doubts.

From the point of commemoration politics as a part of symbolic politics in this article visual, notional and associative content of the Immortal Regiment march is analyzed based on photos, videos and other materials. As a result of this research the origin of the event, caused by the carried out earlier commemoration politics through the organization of Victory Day celebrations, was established. The main purpose of this politics is strengthening of national identity and the Immortal Regiment march turned out to be the ideal decision to demonstrate «people-winners» visible unity.

Keywords: commemoration politics, symbolic politics, collective trauma, the Immortal Regiment, Victory Day.

Сведения об авторе

Токарев Александр Сергеевич, студент 2-го курса магистратуры кафедры политологии, Казанский федеральный университет (КФУ), 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18; e-mail: for.school3@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 20.11.2016 г.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ КАК ЯВЛЕНИЕ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И ВСЕГДА

С.В. Рязанова,
Пермский научный центр
УрО РАН

Статья посвящена изучению мифологической составляющей мировоззрения как фактору формирования позиции индивида и группы в политической сфере. Миф рассматривается в качестве базовой составляющей традиционного мышления и актуального компонента индивидуального и коллективного сознания на современном этапе развития общества. Анализируются характеристики религиозного типа мировоззрения, специфически сочетающегося с особенностями политического сознания. Светское начало трактуется как элитарное и неконкурентоспособное по отношению к мифологии политической сферы. Выделяются основные характеристики политического мифа, являющегося разновидностью социального мифа. Осуществляется изучение политической мифологии – архаической составляющей менталитета, оказывающей влияние на другие его компоненты. Рассматриваются идеи власти, правителя и пирамиды властных отношений, являющиеся центральными для системы политической мифологии. Образ правителя сочетает в себе функции космократа, демиурга и дивинатора в границах космического и социального пространств. Учитываются общие и локальные особенности мифовосприятия традиционного и модернизированного политического сознания. Анализируются политические аспекты мифологических систем на основе нарративов традиционных культур. Религиозное и светское начала рассматриваются в роли факторов формирования альтернативных моделей политического сознания, воспроизводящих частично особенности традиционной политической мифологии.

Ключевые слова: миф, мифосознание, политическое сознание, традиционные и модернизированные мифы.

Если обратиться к человеческой культуре на протяжении всей ее истории, то неминуемо столкнешься с большим числом мифов, возникших в разное время и на разных территориях (подробнее см. [5]). Сами мифы могут относиться к лю-

бой сфере общественной жизни, но чаще всего они связаны с функционированием политико-идеологического пространства. Именно там наиболее интенсивно идет процесс рождения мифа, и возникающие в результате образы становятся наиболее

завершенными и эффективными в воздействии на общественное сознание. Политическая сфера, в которой вырабатываются принципы и технологии управления обществом, в наибольшей мере нуждается в производстве эффективных средств воздействия на сообщество людей. Именно в пространстве политического наиболее ярко выявляются такие черты мифа, как доступность восприятия и открытость сочувствованию, вне зависимости от возраста человека, его половой, национальной и социальной принадлежности.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, почему такой популярностью пользуется именно политический миф, в отличие от религиозно-политических построений. Религия, будучи одной из важнейших сфер общественного сознания, неминуемо вовлекается в течение политической жизни, поскольку так же, как и политика, регулирует отношения между индивидуумами. Частичное совпадение социальных функций религии и политики может приводить к тому, что их интересы будут пересекаться, сталкиваться, совпадать, противоречить друг другу. Созданный религией инструментарий для воздействия на социальное пространство может быть использован политикой для легитимации политических практик, снижения социальной напряженности, компенсации несбывшихся чаяний.

Однако – при самых благоприятных обстоятельствах – религия не может в полной мере соответствовать запросам политической ситуации в силу того, что она ориентирована на непреходящие принципы и ценности, являясь одним из наиболее консервативных начал в культуре. В отличие от нее политика имеет установку на разрешение сиюминутных противоречий и проблем, выстраивание стратегии поведения в границах текущего момента. Религиозное начало в культуре не приспособлено и не предназначено для гибкого реагирования и учета деталей в хитросплетении политической жизни.

Потребностям политической жизни в наибольшей мере соответствуют принци-

пы функционирования светской культуры, допускающей изменение системы норм и ценностей в соответствии с интересами индивида и/или группы. Однако светское мировоззрение является наиболее сложным для воспроизводства людьми, требует как специальной системы формирования гражданина, так и ментально-волевых усилий для личности.

В отличие от религии миф, возникающий в связанных с политикой реалиях общественной жизни, пластичен, гибок, общепонятен, не требует специальной подготовки для восприятия, ориентирован на отражение изменяющейся политической реальности. Он «может принимать любую форму в соответствии с существующими системами политических ценностей» [9, с. 333]. Поэтому в тех случаях, когда в политической сфере возникает потребность в конструировании новых сущностей, формировании идеалов, обращении к экзистенциальным ценностям, именно миф замещает религию в общественном сознании.

При рождении мифа в политике происходит одно из его многочисленных превращений в культуре. Из феномена, описывающего мир, определяющего границы человеческого познания, он превращается в инструмент для разрешения противоречий и издержек политической сферы, легитимации участников политической деятельности, выполнения компенсаторной функции для малообразованных слоев общества, особенно в ситуациях протеста против правящего режима. Д. Орлоу пишет, что по своим функциям политический миф ориентирован на искажение реальности либо придание социуму дополнительного политического импульса [12, с. 906], и именно этим влиянием он отличается от фольклора [10, с. 474]. Неслучайно существует мнение, что благодаря всем этим функциям [8, с. 198] упадок мифа может стать большой проблемой для социума [8, с. 183].

Политический миф как явление формируется сразу в нескольких плоскостях

социального пространства. Как разновидность мифа вообще, он относится к социальной мифологии и обладает всеми ее характеристиками (связь с общественными реалиями, ориентация на решение сиюминутных задач, синтетический характер содержания). Вместе с тем у политического мифа имеется собственная специфика. Одновременно политический миф испытывает влияние тех сфер общественной жизни, которые по объекту воздействия частично совпадают со сферой политического. В большей мере это касается идеологии и политтехнологий, в меньшей – обыденного сознания.

К. Леви-Строс, характеризуя отношение мифосознания и политической сферы социума, отмечал: «Ничто не напоминает так мифологию, как политическая идеология. Быть может, в нашем современном обществе последняя просто заменила первую» [3, с. 217]. Это не означает, что стоит ставить знак равенства между идеологией и мифом, однако утверждает наличие мифа в политической сфере и подразумевает его актуальность и значимость. Специфика политического пространства наложила свой отпечаток на существующие в ее границах мифологические сюжеты и образы.

Политический миф выделяется, прежде всего, по субъекту мифологического описания, тесно связанному с областью политических отношений. Это обстоятельство определяет ряд характерных черт, которыми он наделен. Поскольку миф реагирует на все изменения в культуре, он в полной мере включается в проходящие в обществе процессы модернизации. Поэтому внутри него всегда присутствуют две составляющие – совокупность сюжетов и образов, основанная на архаических образах, и постоянно эволюционирующие элементы (персонажи, события, оценки и др.). Следы мифа мы можем обнаружить в светских внешне явлениях. Дж. Хиллман справедливо отмечает: «Мы определяем местоположение каждого события на основе его сходства, аналогии с мифическими формами» [7, с. 92].

Политический миф всегда связан с породившей его культурой, «это проекция социальных ценностей на мир в целом» [9, с. 332]. Именно этот вид мифа содержит наибольшую, по сравнению с другими мифами, долю архаического компонента. Г. Почепцов пишет: «Мифы выступают в роли банка данных, из которого черпаются все серьезные идеи и цели. Даже если не признавать существования определенных архетипов, нам следует согласиться, что определенный набор сюжетов имеет высокую степень повторяемости, и новый сюжет возникает с опорой на их существование» [4, с. 23].

Для мифологического взгляда на политику характерно представление о том, что единый закон, главенствующий над миром, определяет принципы существования общества и управления им. Миф предполагает, что части космоса и общества не только связаны между собой, но и взаимозависимы, обладают способностью в каждой частичке воспроизводить качество целого, чутко реагируют на любые внешние воздействия. Опора на такие представления в общественной жизни приводит к жесткой регламентации поведения участников политических и социальных отношений.

Общество и его политическая система функционируют по единожды установленному мифологическому сценарию, с распределением ролей всех членов. Каждое действие узаконено, ориентировано на замкнутый макрокосм и гарантирует его сохранение. Особенно важной становится роль политической системы как направляющего начала и правителя как ее центра. Ориентация на образцы в прошлом приводит к культурному замыканию общества, постоянному воспроизводству существующей социальной модели, медленному темпу происходящих изменений и малому объему инокультурных заимствований.

Такая логика развития политического мифа является сходной для всех традиционных культур, что не отрицает наличия специфических локальных вариаций.

Универсальная логическая связь формирует политическое пространство внутри любой традиционной культуры, заставляя весь социум существовать в едином культурном ритме. Политическое начало в такой культурной ситуации не локализуется в определенной сфере, не выделяется как самостоятельное, сливаясь с существующими верованиями, ритуальными предписаниями, установками быта. Отсутствует сама возможность определения той части социального пространства, в которую не проникали бы политические отношения – наравне с идеологией, религией, экономикой. Политика в традиционном обществе, формируясь в качестве сферы управления, считается обеспечивающей гармоничность существования социума в мироздании. Миф подчиняет себе представления о социальном устройстве, являясь основным организующим началом для общества.

Ярче всего особенности мифологических представлений о политике и ее роли отражены в описании основных действующих лиц и сил политической жизни. Это власть в различных ее аспектах, правитель как фигура, осуществляющая управление обществом, пирамида властных отношений. Миф выполняет по отношению к политической сфере этиологическую функцию, указывая на истоки и механизмы формирования политических отношений. Одновременно реализуется и нормативная функция, благодаря которой задаются границы и закономерности политической жизни. Все субъекты политических отношений включаются в единый механизм, родственной тому, что управляет миром в целом, и не имеют права нарушать изначально заданные правила поведения.

Самым важным образом становится идея власти, имеющей сакральную природу и всегда возникающей из одного источника. Власть, согласно архаической традиции, напрямую связана с персонажем-демиургом и применяется не только к социуму, но к тому миру, который его окружает. Основной задачей власти счи-

тается соблюдение изначально установленного порядка, связанного с включением всего существующего в единый космический ритм, подчинение универсальному закону и структурирование по иерархическому принципу.

Идея единого источника власти порождает представление о монархии как управленческом идеале. Монархическое управление, каким бы плохим оно не было, в большей мере соответствует мифологическим политическим представлениям. Для людей, воспроизводящих традиционный уклад жизни и стереотипно воспринимающих окружающий мир и социум, восприятие идеи власти как управления обществом, сконцентрированного в руках одного человека, является более естественным, чем власть большинства. Такая власть создает больший уровень психологического комфорта, ощущение более эффективной защиты от внешних врагов и стабильного существования социума. Легитимация, осуществленная на уровне мифологических представлений, оказывается более весомой, чем демократическая аргументация, апеллирующая к интеллекту и свободе выбора для индивида.

Правитель-космократ в политических мифах предстает вписанным в систему космических связей, а не самостоятельным персонажем. Границы его полномочий определены не степенью личного могущества, а теми обязательствами, которые налагаются его статусом и местом в мире. Космократ подчиняется мировому порядку и одновременно обеспечивает его. В соотношении «власть-субъект власти» первая является доминирующей, что выражается в идее недопустимости смены системы управления. Сам принцип управления в равной мере применяется для всех участников политической жизни и реализуется в виде идеи всеобщего детерминизма/фатализма.

Выразитель идеи власти иногда бывает наделен всеми характеристиками божеств архаических мифологий. В современных мифологических системах чаще всего имеет место его подмена внешне

обычной фигурой, наделенной характеристиками сакрального начала. Архаические атрибуты могут отходить на задний план, проявляться ситуативно. Правитель распространяет свои полномочия как на окружающий мир, так и на весь спектр социальных отношений. Он служит либо воплощением, либо проводником, гарантом соблюдения того порядка, на реализацию которого направлена власть, имеющая священный статус. Если рассматривать социальный аспект, то глава пантеона традиционной мифологии выступает как образец идеального царя. Он является основой справедливости в мире и гарантом соблюдения системы социальных норм, обязанностей и ценностей.

В культуре ранних цивилизаций царь как необходимый компонент социального пространства даже не локализован как индивид¹. Тем самым заранее преодолевается потенциальная возможность разделения единого культурного пространства и возникновения оппозиций. Оппозиция совершенно невозможна для мифа, поскольку она нарушает целостность мира, в котором все согласовано. Популярный в мифах сюжет о дуализме – богов, демонов, людей – на самом деле не создает элементов противостояния, это только разные части одной системы вещей. Священное начало, сконцентрированное в царе как фигуре и в управлении как необходимым процессом корректировки общества, скрепляет все аспекты мифологической реальности и даже оправдывает возможные ошибки носителей власти.

Отсутствие индивидуальности правителя отслеживается по изображениям, пластике и описаниям в тексте. Все они подгоняются под портрет идеального властителя, по-видимому, имеющий архаическую природу. Это касается и личной

жизни, и отправления государственных функций. Подчиняясь сакральной природе своего социального статуса, правитель, как подразумевается, присутствует в любой точке общественного пространства. С ним могут быть связано все, что важно для существования общества². При этом глава государства этически амбивалентен, его нельзя оценивать с позиции хорошего и плохого. Подразумевается, что царствует тот, кто имеет определенную территорию, с четкими границами, где недопустимы проявления беспорядка/Хаоса, и только так возможно осуществление власти.

Поскольку механизм упорядочивающего воздействия на Космос предполагает его недооформленность, то необходимо периодически реанимировать существующий порядок, а также допускать наличие хтонического/неправильного/неупорядоченного элемента в стержневых фигурах социального пространства. Хтонический компонент находит свое выражение в особенностях образа правителя как центра политического мифа, что в полной мере относится и к традиционным политическим мифам, и к современным. Монарх – это фигура, стоящая на границе Бытия и Небытия, Космоса и Хаоса, это центр и периферия, концентрированное выражение того, что человек со времен архаики привык считать сакральным.

Сопоставление древних и новых политических мифов заставляет признать наличие в политическом сознании традиционных культур сходных в основе моделей и архаических образов, отличающихся друг от друга только в части отдельных культурных компонентов, связанных со спецификой разных регионов. Совокупность базовых образов обладает абсолютной устойчивостью и воспроизводится в

¹ На египетских памятниках первым царям значатся чаще всего такие имена, которые являются разновидностями наименования царского бога Гора: Гор Боец, Гор Змей, Гор Высокий рукою. Личные же имена приводятся достаточно редко [6, с. 297]. Примечательно, что и в одном из шумерских городов – Кише – первые десять правителей носили звериные имена, что может служить подтверждением их нуминозной и одновременно хтонической природы [1, с. 83]. Первые афинские цари изображаются традиционно как автохтоны, то есть рожденные землей [2, с. 116].

² См. пример – связь власти и торговли как структурирующей и определяющей социальную жизнь [11].

большинстве политических мифологий. В первую очередь к ним относятся образы власти и идеального правителя, основанные на архетипическом принципе единства и оцениваемые по соответствию реальных явлений этому принципу.

Однако не следует говорить об изначальных образцах как целиком определяющих абрис всех систем политической мифологии. Архаические образы существуют как вплетенные в ткань культуры, реализуемые только в ее границах и подчиненные логике культурного развития.

Несмотря на то что изначальная основа мифа выступает как формообразующая, она находится в высокой степени зависимости как от культурно-исторического контекста, так и от тенденций развития человеческой культуры в целом. С течением времени мифологемы, возникающие на основе изначально определенного способа восприятия мира, подвергаются зна-

чительным изменениям в ходе действия ряда факторов культурного развития.

Благодаря формированию и распространению религиозной, а впоследствии и светской форм мировоззрения, мифологическая составляющая в мировоззрении индивидов не только начинает дополняться альтернативными ей формами, но и сама подвергается корректировке по ряду специфических черт. Особенно важным поэтому представляется определение области влияния на миф иных мировоззренческих форм и тех тенденций в его эволюции и трансформации, которыми сопровождается это воздействие. Необходимо вычленение в границах новых мифологий как стабильного «ядра», так и динамического, «подвижного» компонента, тесно связанного с особенностями религиозного и светского начал в культуре индустриального и постиндустриального обществ.

Библиографический список

1. *Белицкий М.* Шумеры. Забытый мир. – М.: Вече, 2000. – 432 с.
2. *Гущин В.Р., Колобов А.В., Михалева А.В., Рязанова С.В.* Традиционное политическое сознание: эволюция мифологем. – Екатеринбург, 2005. – 276 с.
3. *Леви-Строс К.* Структурная антропология: пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. – М., 2001. – 512 с.
4. *Почетцов Г.* Коммуникативные технологии XX века. – М.: Рефл-Бук/ Киев, 2001. – 355 с.
5. *Рязанова С.В.* Социальный миф в пространстве гуманитарного знания: научный потенциал понятия // *Религиоведение.* – 2010. – №1. – С. 78–89.
6. *Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж.* В преддверии философии. Духовные искания древнего человека: пер. с англ. Т. Толстой. – СПб., 2001. – 236 с.
7. *Хиллман Дж.* Архетипическая психология. – СПб.: Б. С. К., 1996. – 157 с.
8. *De Neufville J.I., Barton S.E.* Myth and definition of policy problem: an exploration of home ownership and public-privat partnership // *Policy Sciences.* – Vol. 20. – №3 (Sep., 1987). – P. 181–206.
9. *Feuer L.S.* Political Myths and metaphysics // *Philosophy and phenomenological research.* – Vol. 15. – №3 (Mar., 1955). – P. 332–350.
10. *Isaaks W., Kolodny J.* The role of myth in critical education // *Journal of Educational Sociology.* – Vol. 21. – №8 (Apr. 1948). – P. 472–481.
11. *Manguin P.-Y.* The Merchant and the king: political myths in Southern Asian coastal polities // *Indonesia.* – Vol. 52 (Oct., 1991). – P. 41–54.
12. *Orlow D.* The conversion of myths into political power: the case of the Nazi party. 1925–1926 // *The American History Review.* – Vol. 72. – №3 (Apr. 1967). – P. 906–924.

POLITICAL MYTH AS A PHENOMENON: YESTERDAY, TODAY AND ALWAYS

S.V. Ryazanova

Perm Scientific Centre RAS UD

The article is devoted a study of the mythological part of world outlook as a factor of forming a person's and group's attitude in the political sphere. Myth is considered as the basic component of traditional thinking and an actual component of individual and collective consciousness in the modern period of social development. Features of the religious type of world outlook, which is

specifically combined with features of political consciousness, are analyzed. Secular principles are interpreted as elite and noncompetitive in relation to mythology of the political sphere. The main characteristics of a political myth as a kind of a social one are singled out. A study of political mythology as the archaic component of mentality, exerting influence on its other components, is performed. Ideas of power, as well as the ruler and the pyramid of power relations, which are central ones for the system of political mythology, are considered. The ruler's image combines functions of a cosmocrat, the demiurge and a divinator within the boundaries of cosmic and social space. General and local features of mythological world outlook of traditional and modernized political consciousness are considered. Political aspects of mythological systems on the basis of narratives of traditional cultures are analyzed. Religious and secular principles are determined as factors of forming of the alternative models of political consciousness which partially reproduce features of traditional political mythology.

Keywords: myth, mythological consciousness, political consciousness, traditional and contemporary myths.

Сведения об авторе

Рязанова Светлана Владимировна, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов, Пермский научный центр УрО РАН (ПНЦ УрО РАН), 614990, г. Пермь, ул. Ленина, 13А; e-mail: svet-ryazanova@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 15.07.2016 г.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ПРАЗДНИКОВ В РОССИИ: ПЕРЕСМОТР ОСНОВАНИЙ ИДЕНТИЧНОСТИ?

В.Н. Ефремова,
Институт научной
информации
по общественным
наукам РАН

Предметом рассмотрения являются особенности изменения символической политики российского государства в области праздников с 2012 года. Автор обозначает основные направления, по которым происходит трансформация смыслового содержания праздников. Особое внимание уделяется вопросам переосмысления национальной идентичности.

Ключевые слова: символическая политика, праздники, памятные даты, политика памяти, национальная идентичность.

Исследование неинституциональных аспектов политики представляется весьма значимым и перспективным направлением. В условиях отсутствия единой идеологии, как это было в Советском Союзе, изучение политики как символических актов может стать ключом к пониманию того, как конструируются и продвигаются смыслы, какие практики становятся востребованными, каким образом происходит эволюция политических курсов. Пожалуй, одними из главных маркеров социально-политических и ценностных изменений и одновременно инструментом символической политики являются праздники. Праздники строятся вокруг значимого для общества события в прошлом и призваны оказать влияние на текущее положение дел благодаря смыслам и ценностям, которыми они наделяются.

В центре внимания данной статьи – символическая политика государства в

отношении современных российских праздников и ее отдельный аспект – *особенности конструирования национальной идентичности*. Формирование коллективной (национальной) идентичности – одна из значимых специфических функций праздников, которая в большей степени относится к отдельной категории праздников – официально установленных выходных праздничных дней, поскольку именно им уделяется наибольшее внимание как со стороны государства, так обычных граждан.

Государственные (национальные) праздники представляют собой хороший материал для анализа, который позволяет зафиксировать важные символические указатели национальной идентичности – диапазон возможных взаимных обязанностей и ожиданий граждан и государства. Репрезентация сообщества может проходить не только напрямую. Нередко «зна-

чимый другой», образ которого может быть сформулирован в дискурсе государственных праздников, становится удобным ориентиром для соотнесения основной осмысления коллективной идентичности, особенно когда ее прямое описание оказывается под вопросом [20, с. 24–245].

В целом трансформация государственных праздников в России, начиная с 1990-х годов и до настоящего времени, подчинялась общим закономерностям изменения символической политики государства и связанной с ней политики памяти [9, с. 7].

Ниже мы постараемся зафиксировать основные особенности использования российских праздников властвующей элитой, а также обозначить направления, по которым происходит трансформация их смыслового содержания с 2012 года.

Новая постановка вопроса о коллективной идентичности

О том, что с новым президентским сроком В.В. Путина в 2012 году в России начался новый этап символической политики, позволяют судить сразу несколько факторов. Во-первых, избирательная кампания 2011–2012 годов ознаменовала волну протестов. Предложенный ранее властью идеологический багаж и тактика замалчивания не смогли ответить на запросы общества, которое было недовольно фальсификациями на выборах и плохо подготовленной рокировкой тандема. Изменения политического контекста побудили к пересмотру сложившегося в 2000-е годы курса символической политики¹.

Во-вторых, новый этап символической политики оказался тесно связан с

новой постановкой вопроса о национальной идентичности [подробнее см.: 7, с. 196–206]. Он стал одной из центральных тем президентской кампании В.В. Путина и в дальнейшем перерос в символический курс новой власти. Новый президентский срок Путина ознаменовался конструированием идеологии, основанной на национальных ценностях, призывом к которой служила борьба с низкой моралью россиян.

В этом контексте были обозначены первые предпосылки для пересмотра потенциала существующих государственных праздников. В программной статье «Россия: национальный вопрос», опубликованной в «Независимой газете» [15], В.В. Путин назвал День народного единства «днем рождения нашей гражданской нации», «день победы над собой», вместо ранее транслируемого «Дня гражданского общества», смысл которого оказался неочевидным для россиян. Именно в событиях давнего прошлого Путин предложил искать «скрепы общественного порядка», процитировав слова историка В. Ключевского. Однако из статьи оказалось не совсем ясно, какие именно ценности власть относит к «скрепам» в России. Путин говорил о ценностных ориентирах, имея в виду «базовые, общие моральные, нравственные, духовные ценности: милосердие, взаимопомощь, правда, справедливость, уважение к старшим, идеалы семьи и труда» [15].

В послании Федеральному Собранию, которое было озвучено 12 декабря 2012 года, в День Конституции², В.В. Путин обратился к «духовным скрепам», которых ощущается «явный дефицит» [14]. Это милосердие, сочувствие, сострадание

¹ Его стержнем стала идея создания «сильного государства». Так, режим «пытался сочетать идею возврата к российским и советским традициям с утверждением того, что в стране продолжается строительство демократии» [5, с. 137]. В качестве нового метанарратива с 2003 года стала использоваться «тысячелетняя история», которая позволяла не только давать оценку событиям начала 1990-х годов, но и смотреть на них как на закономерный этап развития государственности.

² Казалось, что власть пошла на активизацию потенциала, уже было отработавшего, «потерявшего доверие» и превратившегося в профессиональный праздник членов Конституционного Суда День Конституции. В 2013 году В.В. Путин снова зачитывал обращение к Федеральному Собранию 12 декабря. Однако, к сожалению, традиция выступлений с обращениями в День Конституции не была продолжена. В 2014 году выступление В.В. Путина состоялось 4 декабря.

друг другу, поддержка и взаимопомощь. Термин «скрепы», употребляемый сегодня по большей мере в церковном дискурсе, вызвал большой резонанс. Его появление совпало с кампанией по защите чувств верующих (в том числе в связи с уголовным делом в отношении участниц группы Pussy Riot), обсуждением мер по защите детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей, обострением антизападной риторики, и фактически за рубежом было воспринято как ограничение свободы прав граждан и укрепление «имиджа России как авторитарного государства» [3].

О поиске национальных символов, необходимости «новой стратегии и сохранения своей идентичности в кардинально изменяющемся мире» В. Путин заявил в сентябре 2013 года на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» [11]. Здесь он, пожалуй, впервые подчеркнул роль православия как «духовной скрепы», чего ранее напрямую не высказывал: «Без ценностей, заложенных в христианстве и других мировых религиях, без формировавшихся тысячелетиями норм морали и нравственности люди неизбежно утратят человеческое достоинство» [11].

Реконструирование прошлого

С идеологической точки зрения можно утверждать, что именно в «скрепах» власть видела основу консервативной российской идентичности, угрозу которой все чаще стал представлять Запад. Однако очевидно, что исключительное использование церковной (православной) риторики существенно сужает понимание «нации».

Анализ поздравительных выступлений по случаю государственных праздников в 2012–2016 годах показывает, что в официальном дискурсе отсутствует прямое определение «нас» через этнический и религиозный признаки. Решающее значение отдается культурному и историческому компоненту.

Показательной, на наш взгляд, можно считать речь В. Путина на торжественном приеме по случаю Дня народного единства в 2013 году. Он заявил, что «огромную объединяющую роль в тысячелетней истории России всегда играл русский народ и русский язык. Именно русский язык был главным выразителем и носителем народного единства, скреплял большой русский мир, который простирается далеко за пределы нашей страны. Русский мир никогда не строился по принципу национальной, этнической исключительности, он всегда был открыт для тех, кто чувствует себя частью России и считает Россию своей Родиной» [12].

Такое понимание «нас» требовало ввода дополнительных памятных дат из разных периодов «тысячелетней истории России». Поправками в ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» в 2012 году появились День российского парламентаризма (27 апреля), приуроченный к первому дню работы Государственной думы Российской империи; День участников ликвидации последствий радиационных аварий и катастроф и памяти жертв этих аварий и катастроф (26 апреля), в память о событиях Чернобыльской АЭС 1986 года; День памяти российских воинов, погибших в Первой мировой войне 1914–1918 годов (1 августа).

В 2013–2014 годах дважды редактировалось название 27 января – Дня снятия блокады города Ленинграда (1944 год), установленного ФЗ «О днях воинской славы (победных днях) России» в 1995 году. В ноябре 2013 года его наименование было изменено на «День полного освобождения советскими войсками города Ленинграда от блокады его немецко-фашистскими войсками (1944)». По многочисленным просьбам жителей города, прежде всего блокадников, в декабре 2014 года название дня воинской славы снова было откорректировано, он стал называться «День полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады (1944 год)». Как отмечается, новое наименование этого дня «наиболее точно отра-

жает не только роль советских войск в освобождении Ленинграда от фашистской блокады, но и заслугу жителей блокадного Ленинграда в защите города» [2].

Власть стала заметно больше внимания уделять событиям давней истории. В 2013 году с размахом прошло празднование 1025-летия Крещения Руси (28 июля, государственная памятная дата установлена указом Д.А. Медведева в 2010 году) и 25-летия возрождения религиозной жизни на территории стран бывшего СССР. В октябре В. Путин участвовал в торжественном собрании в Уфе, посвященном 225-летию Центрального духовного управления мусульман России [13].

Перформативная память и новая роль Дня Победы. Война как прошлое и настоящее

И все же можно полагать, что центральным событием нового этапа символической политики стало празднование 70-летия Великой Победы в 2015 году. Военный парад стал самым грандиозным в современной истории России. Для подавляющего большинства россиян День Победы – один из самых почитаемых праздников в стране. По данным «Левада-центра», 63% россиян собирались праздновать этот день в 2016 году [16]. Как неоднократно отмечали социологи, среди политических празднеств День Победы играет роль главного и, по сути, единственного символического интегратора в современном российском обществе. В отсутствии национальной идеи праздник заменил ее прошлыми воспоминаниями. Как отмечает О.Ю. Малинова, память о Великой Отечественной войне оказалась «удобной» для использования, поскольку «будучи основательно институционализована в предыдущие периоды, в постсоветской России она не стала субъектом переопределения» [8, с. 172]. Как отмечает Л. Гудков, память о пережитом, об опыте старших поколений постепенно рутинизируется и уже не дает такой остроты переживания и включенности общества. Поэтому власть все чаще намеренно

педалирует значимость этого праздника, и как следствие – он сильнее теряет свой первоначальный смысл [1].

Праздник всегда опирался на переживание славного прошлого, но в последние два года оно трансформируется в осознание военной мощи и славы в настоящем. Далеко не последнюю роль в этом сыграли события 2014 года (кризис на Украине и его последствия).

Парад 2015 года содержал сразу несколько важных «посланий»: это восстановление традиционной военной мощи, но главное – это то, что Россия подтвердила идеологическое «отчуждение от Запада» [19] и стала строить планы формирования «общего экономического пространства Евразии».

Актуализация темы войны послужила существенному расширению границ темы «нации», подвигов ее героев и истории России. Первые лица все чаще стали прибегать к теме военных побед (на примере Дня Победы, Дня защитника Отечества и Дня народного единства), что вписывалось в контекст задачи укрепления российского государства и отвечало на запрос общества в позитивных событиях.

В свою очередь военный конфликт на юго-востоке Украины сыграл в пользу дальнейшего использования категории «Русский мир», «изобретение» которой было сопряжено с конструированием смыслов Дня народного единства, без привязки к ее культурному и историческому значению. Так, в марте 2014 года, комментируя события в Крыму, пресс-секретарь главы государства Дмитрий Песков заявил, что «Россия – это страна, на которой зиждется русский мир, и президентом страны является Путин, именно Путин является главным гарантом безопасности русского мира» [цит. по: 10]. Как заметил И. Зевелев, это утверждение отражает «фундаментальные изменения в представлениях официальных лиц о зоне ответственности Кремля» [4]. Можно утверждать, что заявления первых лиц и приближенных к ним говорят о новом подходе к интерпретации реальности и

миссионерской роли России.

Военные события 2014 года нашли отражение в попытках пересмотра праздничного календаря и наполнения его новыми датами. Так, депутат государственной думы от фракции ЛДПР А. Старовойтов на следующий день после подписания договора о вхождении в состав России Севастополя и Республики Крым направил президенту и главе правительства предложение сделать 18 марта национальным праздником [18]. Осенью 2014 года появилась инициатива учреждения «новой памятной даты, посвященной людям в военной экипировке без опознавательных знаков», – Дня вежливых людей, который совпадал бы с днем рождения В. Путина (7 октября) [17].

Суммируя вышесказанное, можно констатировать, что в целом власть продолжила начатый ею в 2000-е годы курс символической политики по избирательному использованию прошлого, внося в него, однако, некоторые коррективы. Нерешенные более чем за 20 лет основы национальной идентичности привели к поиску ее оснований в «духовных скрепах», кото-

рые, однако, не дали значимого эффекта.

Можно предполагать, что результатом поиска национальной идеи стала русская культура и история, которая дает универсальный ответ о том, кто «мы». Об этом говорит учащение попыток власти задействовать в символическом репертуаре события новейшей и дореволюционной истории. Сведение национальной идентичности к общей культуре исключает этнические или религиозные конфликты, однако при таком прочтении идентичность выходит за границы нации как таковой.

Наиболее значимых эффектов от использования праздников в качестве инструментов конструирования России как сообщества власти удается добиться с изменением повестки дня и актуализацией темы национальной безопасности. Революция на Украине позволила вынести эти вопросы в разряд важнейших. Это позволило временно «уйти» от нерешенных внутренних проблем и реализовать внешнеполитические амбиции, однако, в сущности, не решило задачи по формированию идентичности в более долгосрочной перспективе, что значительно сужает возможности российских государственных праздников.

Библиографический список

1. *Гудков Л., Кузьменко В.* Прославление Победы – способ коллективного самоутверждения // Lenta.ru. – М., 2016. – 7 мая. – Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2016/05/07/9may/> (дата обращения: 08.05.2016).
2. День полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады (1944 год) // РИА «Новости». – М., 2015. – 27 января. – Режим доступа: <https://ria.ru/spravka/20150127/1044393529.html> (дата обращения: 18.11.2016).
3. *Зафесова А.* Путинская Россия хочет запретить «пропаганду гомосексуализма» // InoPressa. – М., 2013. – 22 января. – Режим доступа: <http://www.inopressa.ru/article/22jan2013/lastampa/propaganda> (дата обращения: 25.10.2014).
4. *Зевелев И.* Новая внешнеполитическая доктрина России // Ведомости. – 7 апреля. – М., 2014. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/24981841/novaya-vneshnyaya-politika-rossii> (дата обращения: 23.10.2014).
5. *Копосов Н.* Память строгого режима: история и политика в России. – М.: Новое лит. обозрение, 2011. – 320 с.
6. *Малинова О.Ю.* Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. – М.: Полит. энциклопедия, 2015. – 207 с.
7. *Малинова О.Ю.* Конструирование смыслов: исследование символической политики в современной России / РАН. ИНИОН. Центр соц. науч.-информ. исслед., Отд. полит. науки. – М., 2013. – 421 с.
8. *Малинова О.Ю.* Политическое использование символа Великой Отечественной войны в постсоветской России: эволюция дискурса властвующей элиты // Прошлый век / РАН. ИНИОН. Центр соц. науч.-информ. исслед., Отд. полит. науки.; под ред. *А.И. Миллера*. – М., 2013. – Вып. 1. – С. 158–186.
9. *Миллер А.И.* Россия: власть и история // ProetContra. – М., 2009. – № 3-4, май–август. – С. 6–23.

10. Песков рассказал о зашкаливающем рейтинге Путина // Lenta.ru. – М., 2014. – 7 марта. – Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2014/03/07/rating> (дата обращения: 25.10.2014).
11. Путин В.В. Выступление на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. – М., 2013. – 19 сентября. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/19243> (дата обращения: 11.09.2014).
12. Путин В.В. Выступление на торжественном приеме по случаю Дня народного единства // Президент России. – М., 2013. – 4 ноября. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/19562> (дата обращения: 18.11.2016).
13. Путин В.В. Выступление на торжественном собрании, посвященном 225-летию Центрального духовного управления мусульман России // Президент России. – Уфа, 2013. – 22 октября. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/19473> (дата обращения: 01.05.2014).
14. Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. – М., 2012. – 12 декабря. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/17118> (дата обращения: 25.10.2014).
15. Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. – М., 2012. – 23 января. – Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения: 18.11.2012).
16. Россияне о праздновании Дня Победы // Левада-центр. – М., 2016. – 5 мая. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/2016/05/05/rossiyane-o-prazdnovanii-dnya-pobedy-3/> (дата обращения: 14.11.2016).
17. Сивкова А., Казаков И. Минобороны одобрило идею учреждения Дня вежливых людей // Известия. – М., 2014. – 3 октября. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/577362> (дата обращения: 25.10.2014).
18. Теслова Е., Субботина С. Депутаты предлагают объявить 18 марта национальным праздником // Известия. – М., 2014. – 19 марта. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/567710> (дата обращения: 25.10.2014).
19. Тренин Д. Гораздо больше, чем просто парад // Carnegie. – М., 2015. – 12 мая. – Режим доступа: <http://carnegie.ru/2015/05/12/ru-pub-60051> (дата обращения: 14.11.2016).
20. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. –2-е изд., стер. – СПб.: Наука, 2008. – 417 с.

STATE HOLIDAYS POLICY IN RUSSIA: REVISION OF IDENTITY GROUNDS?

V.N. Efremova

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

The subject of consideration is aimed at examining the features of a symbolic change of state holidays policy in Russia since 2012. The author indicates the main directions, where the transformation of semantic content of the holidays takes place. A special attention is paid to the reconsideration of national identity.

Keywords: symbolic politics, holidays, anniversaries, commemoration politics, national identity.

Сведения об авторе

Ефремова Валентина Николаевна, кандидат политических наук, научный сотрудник отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), 117997, г. Москва, Нахимовский пр., 51/21; e-mail: efremova-valentina@mail.ru

Материал поступил в редакцию 15.12.2016 г.